

Оскар Шейнин

**Воспоминания и раздумья на закате
на фоне общественной жизни**

Берлин
2018

Оглавление

Предисловие

1. Отец, Бер (Борис) Абрамович Шейнин
2. Англо-Американская школа
3. Русская школа
4. Приближение войны. Её начало
5. Челябинск
6. Артиллерийское училище
7. Болгария
8. Германия
9. Геодезический институт
10. Работа. Университет
11. Семинар по истории математики
12. Экономика и статистика
13. Кафедра математики. МИНХ бурлит
14. Научная работа. Библиотека
15. Международная академия
16. Мною заинтересовались
17. Родная партия
18. Семья
19. Снова о науке. Монография
20. Париж
21. Статистическое общество
22. История науки
23. Снова Германия
24. Еврейская жизнь
25. На Аллаха надейся, а верблюда привязывай

Послесловие

Библиография

Предисловие

*Памяти Я. Г. Рокотова и В. Файбишенко,
расстрелянных по прихоти Хрущева*

Я описал свою жизнь в широком контексте. Описание прерывается множеством кратких *историй* (иногда анекдотов) и подробностей, И истории, и подробности, которые вряд ли известны даже живущим в России, интересны и сами по себе, и помогают взглянуть на жизнь моего поколения.

Многие авторы описали ужасы Гулага, здесь же читатель почувствует намного менее известную жизнь на свободе в сталинском государстве в постоянном многолетнем страхе за себя и свою семью. Я особо остановился на еврейской жизни.

Обозначение: S, G, n = скачиваемый документ n на моём сайте. Google копирует мой сайт: Google, Oscar Sheynin, Home

1. Отец, Бер (Борис) Абрамович Шейнин

1. Окончив Витебское коммерческое училище (в аттестате – одни пятёрки, даже по Закону Божьему), отец поступил в Рижский политехнический институт, куда евреев, не в пример другим институтам России, принимали без особых стеснений. Примерно в 1915 г. оказался первым русским евреем, получившим диплом помощника паровозного машиниста. Железнодорожное начальство неизменно удивлялось: был бы ещё кочегаром, куда ни шло, но помощник машиниста?

Но после Февральской революции 1917 г. он осуществил свою давнишнюю мечту и стал юнкером Петроградской школы подготовки прапорщиков инженерных войск. Прорекламентировал он мне с братом песню про атамана Чуркина, которую, видимо, пели юнкера, а сейчас отыскал я её в Интернете:

*Все тучки, тучки принависли/С моря пал туман,
Скажи, о чем задумался,/ Скажи, наш атаман.*

По желанию большинства юнкеров (демократия!), хоть и против своей воли, пошёл вместе с ними защищать Зимний дворец. Кроме юнкеров был там ударный батальон, казаки и Женский батальон смерти. Ударный батальон – мальчишки – находились там чуть не случайно, голодные и неприкаянные, и разбежались, казаки уехали, Женский батальон отказался впутываться в политику. Кроме винтовок у юнкеров почти не было никакого вооружения, и после залпов *Авроры* их положение оказалось безнадёжным. Записи отца на этом прервались, можно, однако, понять, что юнкера сдались, а часть из них, в том числе отец, перешла на сторону нападавших. Но во время защиты они сумели вывести из строя *не менее 50* атакующих ввиду *их полной неорганизованности и, я бы сказал, трусости.*

Училище отец всё-таки окончил (выпустили, быть может, скоропалительно), носил на пальце памятное колечко. Потом выкинул его: *Из-за него расстрелять могли.* Жизнь была не дороже пули.

И на железную дорогу, и в юнкера отец пошёл в большой степени, чтобы доказать (самому себе?), что евреи не хуже других.

2. Он стал активным участником гражданской войны. В 1919 г. в Киеве, будучи командиром боевого отряда, воевал с петлюровцами, затем во главе *хлебного отряда* отправлял хлеб из сельских районов в Киев, – нет, не отбирал, а закупал. Был направлен в Академию генерального штаба, год проучился с частыми перерывами для участия в боевых действиях, но за отказ идти слушать доклад Ленина (он, мол, не военный, так что его слушать?) был отчислен.

Далее, как начальник разведки Войск обороны побережья Чёрного моря, получил в отсутствие Командующего обороной телеграфный приказ председателя Реввоенсовета, Троцкого, захватить 20 гидросамолётов, находившихся на борту то ли французского эсминца, то ли его вспомогательного судна на рейде у Одессы и предназначавшихся для Врангеля. После длительных переговоров отца с командиром эсминца гидросамолёты удалось вытребовать, а телеграфную ленту он долго хранил, потом выкинул: слишком стало очень опасно держать её.

Служил отец и в военной разведке, и после гражданской войны был вызван к высшему начальству. Предложили ему стать резидентом в Турции. Мусульмане в лучшем случае не очень стараются подружиться с неверными, и как правило ненавидят евреев, так что предложение мне непонятно, но во всяком случае отец сумел разгадать опаснейшую провокацию зам. Председателя ВЧК Петерса: согласись только, расстреляют. Подозревали, видимо, что где-то в разведке оказался предатель, а отцу приходилось иметь дело с совершенно секретными картотеками. Нет, сказал, хотел бы учиться, ведь будущая война станет уже полностью войной техники.

3. Послали в Бауманское (впоследствии так назвали) высшее техническое училище. В 1925 – 1931 гг., уже инженером-механиком, работал в Англии в Аркосе (Всероссийском кооперативном обществе), принимал заказанные там машины и механическое оборудование. Сотрудники оплачивались неплохо, и мама сказала мне, что англичане считают нас лишь чуть беднее американцев. Сотрудники Аркоса (но не отец) часто ходили в рестораны. Думаю, что как бывший военный разведчик он был особенно осторожен. И действительно, много позже мы узнали, что кто-то приходил к родственникам матери в Витебске (!) и спрашивал об отце. Они, конечно, ничего не знали. Без спроса (ненужного, казалось бы) во время отпуска уехал в Германию, чтобы присутствовать на техническом международном конгрессе. Об этом узнали, остались ведь отметки в паспорте, и отозвали в Москву. В то время наказания были ещё мягкими! А вообще-то он обещал прислать в Москву, в редакцию какого-то журнала, корреспонденцию о конгрессе, за что ему обещали возместить часть расходов. Отказ от возвращения был невыносим: и у отца, и у мамы были

родственники, занимавшие высокие должности, и они в самом лучшем случае были бы уволены.

Но отец успел стать в Англии членом престижного Института инженеров-механиков (сдав вступительные экзамены), чуть позже – Института железа и стали. Впоследствии получил на этом основании звание доцента. Кандидатом наук не стал, – ну, как бы он смог сдать экзамен по марксистской философии?

4. По возвращении в Москву стал он у наркома (министра) тяжёлой промышленности Орджоникидзе, одного из ближайших помощников Сталина, главным инженером Технического совета и кем-то вроде инженера по особым поручениям. Давал отзывы на проекты новостроек, раскритиковал как-то один из них, но Орджоникидзе усмехнулся, кивнул на вертушку (телефон прямой связи с высшим руководством страны), предложил: *Скажите об этом Сталину* (который этот проект и утверждал).

В 1937 г. его шеф будто бы *застрелился* (Википедия постыдно упоминает болезнь сердца, но известно, что он существенно возражал Сталину) и отец перешёл на другую работу. Там ему предложили доносить на сослуживцев, но он сбежал и перешёл на новое место (с понижением). Его и там нашли, он опять куда-то перешёл, и снова с понижением. Больше его не трогали, но кто-то упорно и долгое время продолжал звонить нам на дом, спрашивал его. *Знай, что Большой брат не забыл тебя!*

Отец перестал подходить к телефону, мы подзывали его только к родственникам, а тому, настырному, неизменно отвечали: *нет дома*. Никаких знакомств отец не поддерживал, никаких разговоров ни с кем не вёл, с матерью фиктивно разошёлся: если арестуют, она не окажется женой *врага народа*. И главное: в партию не вступил, несмотря на давние уговоры Марии Ильиничны Ульяновой. Обошлось, но сколько здоровья это стоило ему, раненому и контуженному в гражданской войне! С М. И. отца видимо познакомил брат Михаил, мой дядя. Отец наверное сообщил ей какие-нибудь неприятные факты, она же наивно полагала, что подобные люди нужны партии.

Дядя был *старым большевиком*, в партию вступил чуть ли не в 16 лет и во время гражданской войны выполнял какие-то опасные поручения. Не знаю, сохранил ли он свои юношеские идеалы, но умел заводить нужные знакомства. Около десяти лет был директором московского завода *Газоаппарат*.

5. Прошла в 1947 г. денежная реформа и от наличных денег, и от *золотого займа* (от облигаций, которые можно было продать) осталась десятая часть, вклады же сохранились гораздо полнее, небольшие – полностью. Узнал дядя про это заранее, но отца трудно было переубедить, и остался он со своими облигациями. Но главное: вот что означали знакомства, а ведь был дядя в московском масштабе еле заметен, что же говорить о тех, кто был хоть этажом выше?

Поясню: золотой заём покупали желающие, а вот на обычные ежегодно распространяемые облигации подписывались в добровольно-принудительном порядке на трёхнедельную или месячную зарплату, и деньги за облигации вычитывались в

течение 10 месяцев. Помню, что какое-то время можно было продать и эти облигации, но только за треть их официальной стоимости. Некоторые так и делали: только лишь получают их на руки после 10-месячной выплаты, так несут в сберкассу продавать.

Малая доля облигаций что-то выигрывала (в исключительных случаях – крупную сумму), остальные же постепенно погашались (т. е. возвращались уплаченные за них деньги, но в среднем лет через 10, не раньше, притом страшно обесценившиеся за этот срок). Мало того, долг государства за облигации вырос настолько, что Хрущёв лет, кажется, на 20 заморозил все погашения. И слышал я, что в каком-то помещении, которое он должен был посетить, стены этими облигациями оклеили.

6. В 1946 г. в Германии в звании подполковника занимался отправкой оборудования в Советский союз в счёт репараций. Пресёк попытку ставшей обычной незаконной конфискации, т. е. грабежа, чемоданов подразделением военной комендатуры у группы выселяемых из Восточной Пруссии немцев. Мог бы серьёзно поплатиться.

Мой брат и я выпустили книжку его воспоминаний: Бер (Борис) Абрамович Шейнин, *Моя жизнь. Революция, Англия, Советская власть*. Берлин, NG Verlag, 2009. Она есть в Гос. Библиотеке в Берлине, в Российской Гос. Библиотеке и в Национальной Гос. библиотеке в Петербурге и Иерусалиме. О матери, Саре (Софии) Александровне, урождённой Каган, скажу несколько слов ниже.

2. Англо-Американская школа

1. Мне шесть лет, идёт 1931-й год. Мои родители со своими детьми (мной и младшим братом Лёней) только что вернулись из Лондона в Москву. Лёня родился в Лондоне и поэтому впоследствии получил также и английское гражданство. Именно с такой целью мама, как это и полагалось, зарегистрировала его рождение в английском ведомстве. Пошла с этой же целью в консульство, там ужаснулись:

Что вы наделали? Ведь он теперь английский гражданин!
Вот такие были советские порядки, мама же отговорила незнакомцем.

Во дворе меня окружили ребята постарше.

Ты забастовку видел? Не понимаю. – *Видел, как рабочие с полицейскими дерутся?* Не знаю, кто такие рабочие, но – *не видел.* – *Говори: видел!* – *Видел – А ты за кого был, за полицейских или рабочих?* Полицейских я представлял себе, все большого роста, в красивых мундирах, один из них со мной разговаривал. – *За полицейских.* Мне надавали тумачков, потребовали: – *Говори за рабочих!* – *За рабочих.*

Мне вручили зелёную веточку и отпустили с миром ...

Вот что я знал о полицейских:

*If you want to know the time, /The proper Greenwich time,
Ask a p'liceman ...*

Хочешь ты время узнать, настоящее гринвичское время, спроси

полицейского.

Частенько в наш двор заходил пожилой старьёвщик, татарин (как говорили ребята), громко говорил: *Старьё берием, старьё покупа – ем*, а мы все восторженно кричали: *Татарин, татарин, свиное ухо!* И сворачивали часть края своих пальто – получалось похоже на свиное ухо. А что это означало, и что это же свиное ухо могли показывать мне – этого я не знал и не догадывался.

Был среди нас мальчик со слишком большой головой, и прозвали его *головастик*. Уехала его семья куда-то на Кавказ, и он прислал письмо: улица дом, мальчишкам со двора. Почтальон отдал письмо кому-то, и кто-то прочёл его вслух. Помню конец:

Не зовите меня головастик, а зовите Вова Михайлов.

С собой в Москву отец привёз мотоцикл с коляской, большая была редкость. Привёз и патефон (мы его называли тогда, быть может не совсем правильно, на английский манер, *граммофон*) со знаменитым названием *His Master's Voice* и подходящей картинкой: толстенькая собака слушает голос своего хозяина, раздающийся из патефона. Много было пластинок на английском языке, и обрывки нескольких песен до сих пор помню. Одна называлась *Донна Клара (Oh, Donna Clara, My arms are waiting for you! Мои руки ждут тебя)*. Приятная была песенка, но прочёл я впоследствии, что любили её слушать (на немецком языке) немецкие вертухаи. Была ещё песня про шотландца, который возвращался домой откуда-то издалека: *The train that's taking you home, sweet home!* Поезд, который мчит тебя к дому, к любимому дому, и пелась-то она с шотландским произношением. Я не нашёл её в интернете.

Я заболел скарлатиной с осложнением на среднее ухо, перенёс трепанацию черепа. Лежал в длинной палате, общей для мальчиков и девочек моего возраста или чуть моложе. Профессорский обход. *Всем стоять голыми на своих кроватях!* Я, кажется, понимал, что мне-то не надо было стоять голым, но ведь нетрудно! После обхода девочка из другого конца палаты спросила: *Ты меня видел?* Странный вопрос. Я что-то промямлил. И она завершала: *А я тебя видела, видела!* Через много лет случайно вспомнил этот эпизод, и только тогда понял её.

Выносили меня из дому, чтобы привести в больницу, и я надеялся, что на первом этаже увижу Таню Юргенс (не увидел). Очень странное желание у меня было (и я уже тогда понимал это и сам удивлялся ему): отрезать у неё верхний слой живота. Её отца позднее арестовали и видимо расстреляли. Почему? Потому. И вот моё последнее знакомство того времени с девочками. Гулял я с девочкой в нашем обширном дворе, потом в каком-то уголке устроились пописать. Очень я удивился её странной привычке: она присела на корточки!

2. Скоро я попал в *нулёвку* англо-американской школы. Три таких школы было в Москве – *моя*, немецкая и французская, каждая для детей работников Коминтерна. Был, видимо, недобор, понемногу стали принимать детей, говорящих по-английски. Я говорил, хоть и не очень свободно, и даже читал. Выписывали мне в Лондоне еженедельник *Chick's Own (Собственный*

цыплячий), и мама читала мне его. А потом я каким-то образом начал читать сам, только попросил разъяснить две или три буквы. По-русски я ещё не умел читать.

В Лондоне я посещал детский сад, был в младшей группе. Воспитательница спросила мальчишку из старшей группы, а нас, малышей, попросила не вмешиваться: сколько будет 5 и 7? Тот сказал, что ему нужны счёты, а я не выдержал: 12! И вот идём мы куда-то по улице, тротуар вымощен плитами. Девчонка сказала мне:

Не наступай на трещины, не то выскочит медведь и съест тебя.

Я не поверил, спросил воспитательницу. *Ну, не знаю ...* На своём детском уровне я сносно говорил по-английски. Впрочем, думаю, что без блата не обошлось, и что поступить в эту особую школу помог мне мой дядя Михаил.

Коммунистический интернационал (1919 – 1943) руководил компартиями по всему миру. Вскоре он оказался под наблюдением советских секретных служб, а с конца 1920-х годов утратил самостоятельность и стал сталинским орудием. Так, стало быть, после разгрома революционных движений 1920-х годов в Европе заново начиналось соединение пролетариев всех стран ... Примечательно, что этот призыв означал, что ни национальность, ни религию не следует принимать в расчёт, что и послужило важной причиной развала Советского Союза. Да и пролетарии не соединились ни в одной войне.

3. В 1935 – 1938 гг. большая часть сотрудников Коминтерна была расстреляна (Куртуа и др. 1997/1999, гл. 1-я во второй части). Распустили его, как мне помнится, по настоянию наших заклятых союзников, а в 1947 г. был учреждён Коминформ, Информационное бюро коммунистических и рабочих партий. Хрен был чуть слаще редьки. В 1945 г. всю советскую историю иносказательно изобразил Дж. Оруэлл (1945). Если не читал хоть в переводе, достань обязательно (*купи, одолжи, укради*). Мой брат Лёня заметил существенный недостаток этой прекрасной пародии: свиньи не помышляли о мировой революции!

Видел случайно сохранившееся письмо, написанное дядей, наверное, в 1920-е годы, заканчивалось оно словами *С коммунистическим приветом*. И сохранился экземпляр его брошюры 1930 г. *Борьба с бездорожьём в 5-летке* из серии *Догнать и перегнать*. Анекдот: Хрущёв спрашивает прохожего:

Удастся ли нам догнать и перегнать (капиталистический мир)? – Догоним, но перегонять не будем, они увидят, что у нас жопа голая.

В брошюре много фотографий, одна из них наивная: крестьяне интересуются, сколько стоит легковой автомобиль *Форд*. Ссылки на партийные решения и на будущих *врагов народа* Осинского и Лежаву, цитата из Р. Бэкона:

Чтобы нация стала великой и благоденствующей, нужны плодородная почва, деятельная промышленность и лёгкое передвижение людей и товаров.

Бэкон забыл главное: необходима разумная политическая система. Но неплохая была брошюра.

Много было у нас подобной литературы 1920-х годов, осталась она от дяди (он жил у нас, пока мы были в Англии). Лежала она на полатах (потолки были высокие), я её почитывал. Заметил её отец – рассердился страшно, выкинул всё без разбора. Потом понял я: боялся, что окажутся там *враги народа*.

Было чего бояться! И страху добавил мой, кажется, ещё семилетний брат Лёня. Рано он начал газеты почитывать, что-то, видимо, дошло до него. Завёл он тетрадочку, записывал туда какие-то свои наблюдения за отцом, будто бы за подозреваемым. Увидел отец – поднял бурю. Что, семилетний ребёнок не в счёт? Вполне могли бы сказать: даже семилетний ребёнок что-то заметил ... Объективные доказательства? *Признание обвиняемого – царица доказательств*, вот неофициальное, но фактическое положение, введённое всесильным Вышинским. В конце концов он, как стало известно, покончил жизнь самоубийством, когда его вызвали из Нью-Йорка в Москву: не без основания он мог решить, что его последователи применят к нему его же утверждение.

А если подследственный не признается? Ну, здесь полный простор ... Был бы человек, статья для него всегда найдётся, *законный вид и толк* можно будет придать! И из-за этой страшной действительности заявил отец как-то по поводу моей школы: *пусть бы он лучше валенки научился подшивать ...*

4. Все дисциплины в нашей очень небольшой школе преподавали американки (которых я вначале не понимал) и англичанки на английском языке, русского многие из них почти и не знали (был и *Русский язык*, ну не без этого же). Директором школы была Comrade Маневич (и каждая учительница тоже была Comrade) – не родственница ли разведчика Маневича? Был, кажется, этот разведчик из тех, о ком написал Светлов:

*Хату покинул, Пошёл воевать,/Чтоб землю крестьянам/
В Гренаде отдать.*

Правильно, как заметил Лёня, было бы *В Гренаде*. Нас же учителя называли по имени (меня, на английский манер, с ударением на первой букве). Нас воспитывали в советском духе, мы и пели правильные песни, хоть и по-английски:

*Arise, ye prisoners of starvation,/Arise, ye wretched of the Earth ...
Вставай, проклятьем заклеймённый!*

А муж одной из учительниц по фамилии Либединский (но не тот знаменитый Ю. Н. Либединский) переводил советские песни:

*Captain Sir, Captain Sir, Cheer up, Sir,
For the sea surrenders only to the brave! ...*

*Fly higher, and higher, and higher,/Our emblem, the Soviet star,
And every propeller is roaring Rot Front!/Defending (!) the USSR.*

*Капитан, капитан, улыбнитесь ... Всё выше, и выше, и выше
Стремим мы полет наших птиц ...*

Стремим мы, конечно же, преобразовали в стремимый ...

Недавно, впрочем, нашёл я в Интернете другие переводы второй песни, по существу совпадающие, но переводчики были названы иные.

Учительница русского языка организовала самодеятельное представление по книге Горького *Мать* для школьного вечера. Мне дали единственную реплику: *Из нас пьют кровь как сок из клюквы!* Всё это было мне чуждо (а может быть и завидовал тем, кто получил настоящую роль), и я на репетиции каким-то образом перепутал *кровь* и *сок*. Меня погнали, – к моему удовольствию.

Мама моя как-то приехала в школу, стала разговаривать с одной учительницей. Не пошло дело: с английским было у неё неважно, у учительницы лицо даже сморщилось. Но тут мама предложила перейти на французский (она гимназию окончила), та согласилась, полилась непонятная мне речь, и заулыбались они, довольные друг другом. Пыталась мама учить меня французскому, но слишком мягко, и в то время застряли у меня в горле только обрывки языка (*Alons, l'enfants de la patrie ...; Вперёд, сыны отечества*). А мама, будучи уже пожилой, заочно окончила институт иностранных языков, начала преподавать французский. Но работу подыскала только под Москвой, с неудобным сообщением, и пришлось ей нелегко.

Однажды в школе мама назвала меня *Оскар, дарлинг* (дорогой). Это обращение услышали другие ребята, и меня долго так и звали: *Оскар, дарлинг!*

5. Среди моих одноклассников были талантливые ребята. Тибор Самуэли, Овидий Горчаков, Жорж Маслов, Дориан Роттенберг. Наш Тибор был назван в честь своего дяди, будто бы расстрелянного в Венгрии. Куртуа и др. (1997/1999, с. 262 – 263) указывают иное, но важнее, что описан он там как один из главных палачей венгерского народа, а в Интернете добавлено: внёс он свою лепту в расцвет антисемитизма в этой стране.

Вообще же дело это обычное: валить всё на евреев. Слышал я, что некий проницательный еврей сказал в начале 1920-х годов:

Вы, русские, своего Ленина простите, но нашего Троцкого – никогда.

Добавлю: простили не только *своего*, но и грузина, и даже кощунственно считают его великим вождём. Но вот был ли Троцкий (или Самуэли, или дегенерат Каганович, чьим именем Сталин назвал московское метро) *нашими*? Да нет же. Ни у кого из этой своры вообще никакой национальности не было. Троцкий, например, заявлял, что он *не еврей, а интернационалист*, т. е. вообще не человек.

И вот то же, на бытовом уровне. Какой-то дом в Берлине принадлежал двум сёстрам-израильтянкам, и жители ворчали: *Евреи пьют нашу кровь ...* Продали сёстры дом немцу, и прекратилось ворчание. Своё не пахнет! Да, так оно и есть (Высоцкий, *Евреи, везде одни евреи*):

Если в кране нет воды, значит, выпили жиды ...

Если в кране есть вода, значит, жид нассал туда ...

А гроссмейстер Петросян, мать армян, отец армян, –

Евреи, евреи, везде одни евреи...

Да, армяне ... Умирает старый армянин, наказывает сыновьям: берегите евреев.

*Мы ничего против них не имеем, но почему беречь? –
Покончат с ними – за нас примутся.*

6. Во всяком случае, предпочтение отдавалось гораздо более значимому Азербайджану (быть может, и в соответствии с давнишним заветом: *разделяй и властвуй*). Нагорный Карабах, населённый почти только армянами, отдали Азербайджану, и даже название, в отличие от почти всех иных автономий, установили не по этническому, а по географическому признаку.

Читатель, поймей в виду: я включил много мелких эпизодов, которые могут дополнить и оживить общие экономические и социальные исследования, частично поэтому нарушал хронологию. А во многих местах нет у меня ссылок, необходимых для достоверности, и кроме того пересказал я несколько историй, услышанных от других, но в весьма высокую вероятность моих высказываний можешь поверить. Но вполне можешь и не согласиться с ними, тем более с моими пересказами. Это твоё право, ведь сказал же какой-то английский лорд, что не обязан читать (даже!) *Архипелаг Гулаг*. Можешь также спросить: разве не было в Советском Союзе ничего хорошего? Было, конечно же, но что может перевесить десятки миллионов трупов? Или же, разве можно думать о бесплатной медицине в Германии наряду со злодеяниями Гитлера?

*Да, ведь мы пели не только
Одиночная бродит гармонь, но и
Сталин – наша слава боевая, / Сталин – нашей юности полет,
С песнею борясь и побеждая*

Наш народ за Ста ... за Путиным идёт.

Был Пахан I Кровавый; в 1985 г. Юз Алешковский назвал его *рябой харей* и *усатой падлой*, появился Пахан II, Омерзительный. И пришли вслед за Первым (только тот, кто дошёл, а не сгинул) в никуда. А как же не идти? Был ведь он непогрешим как Папа римский, да и дивизий имел предостаточно. Известно ведь, что в 1942 г. он спросил Черчилля, сколько дивизий имеет Папа римский. Впрочем, английская Википедия указывает, что тот же вопрос он задал в 1935 г. в беседе с французским министром иностранных дел Лавалем.

7. Но продолжаю. Был высокомерный Горчаков, будущий военный разведчик, писатель и переводчик на английский. Дориан, впрочем, заметил, что он украл часть своих переводов у прежних переводчиков. Много позже Горчаков жаловался, что обязывали его встречаться с иностранными деятелями культуры, вежливо попросили отозваться отрицательно, если не ошибаюсь, о *Докторе Живаго*, но почитать эту запрещённую книгу не дали.

Помню его рассказ о партизане, который должен был взорвать небольшой мост, охраняемый с одной стороны. Нет, не знаю почему я приписал ему рассказ Василя Быкова. Так вот, Быков. Подъехал на другой стороне к мосту мальчишка на телеге, партизан и подсунул ему взрывное устройство. Мост рухнул, мальчишка погиб. Морально ли это было? Иезуиты всегда

считали, что цель оправдывает средства, а Ленин заявил, что *мораль подчинена вполне интересам классовой борьбы пролетариата* (БСЭ, 3-е изд., т. 16, 1974, столбец 1670; если не указано иначе, я имею в виду именно это издание). Впрочем, в интересах пролетариата было бы отправить всех большевиков на Лу... нет, лучше на Сириус.

Далее, Дориан Роттенберг, впоследствии переведший Маяковского на английский язык. Во время войны Дориана посадили. Он был в нестроевой части, ел как-то брюкву в колхозном поле. Ему приписали воровство в крупных размерах, а психика у него слабая была, в лагере он чуточку тронулся. Переводить хоть сколько-нибудь *сомнительных* советских поэтов отказывался, так что кроме Маяковского вряд ли что-нибудь дельное оставил (да, он умер). Что-то он опубликовал на русском языке под псевдонимом *Лев Зайцев*.

Джордж (Георгий) Маслов, мать которого посадили за *неподходящий* анекдот. Джордж, впрочем, утверждал, что её оговорили. Отец его, как ни странно, остался на работе в Минвнешторге. Посылали его в командировку за рубеж, – он без жены ехать отказался. Он-то, видимо, и устроил сына в своё министерство, и тот очень далеко пошёл. Была Эллис (Шура) Буяновская, будущая редактор переводов на английский. Жила она в Оружейном переулке, в доме, из которого многих увезли *куда надо*, а её старшая сестра, как я слышал, была любовницей Литвинова, долголетнего министра иностранных дел. Подружился Сталин с Гитлером, и пришлось Литвинова убрать: кажется, не был он в восторге от подобного поворота политики, да и оставлять еврея на таком посту просто нельзя было, не стали бы немцы с ним говорить.

Учили мы отрывки из *Гайаваты*:
*If you ask me, whence these stories,
Whence these legends and traditions ...
Если спросите, откуда ...*

Несколько лет назад разговорился я с одним американцем, преподавателем английской (не американской) литературы, так он и фамилии Лонгфелло не слышал! Я плохо отношусь к подобным узким специалистам. Интересный факт: переводчики *Гайаваты* на финский и русский языки жаловались: английские слова слишком длинны/слишком коротки.

8. Был у школы пионерлагерь. Один раз родители заставили меня побывать в нем: год был голодный, и чувствовался он даже в Москве. Лагерь располагался чуть ли не возле Барвихи, на берегу Москва реки, т. е. возле того места, где отдыхало высшее руководство страны. Каким-то образом и дядя Миша лет через десять заполучил в Барвихе малюсенькую дачу. Пошёл купаться, а на берегу – милиционер.

Купаться нельзя. – А Вы знаете, кто я такой? Мой фамилия – Шейнин.

Милиционер стушевался. А дядя как-то сказал нам, что местные жители ворчали:

Нам купаться нельзя, а что, у них жопы чище наших?

Был среди нас мальчишка года на три старше меня, по-английски говорил прекрасно, хотя быть может и не из нашей школы. Фамилия? Бухарин; не сынок ли? Старшим пионервожатым был Раппопорт; тогда такое было ещё возможным. Повёл он как-то нас на дачу Я. Э. Рудзутака, кандидата в члены Политбюро, много лет занимавшего высшие партийные и государственные должности. Надо пояснить: политбюро состояло не более, чем из 15 человек, и только оно *володело и княжило* Советским Союзом, но внутри него вся власть постепенно перешла к Сталину.

Там, на лужайке у Рудзутака, показали нам настоящее кино. Мы видели двух женщин, членов его семьи, самого его не было. БСЭ указало дату его смерти, 1938 год, а вот про то, что сгинул он по велению Великого Вождя и Учителя, энциклопедия умолчала. *От каждого по способностям, каждому по труду!*

Вообще же мы выезжали на дачу в Томилино, отец вместе с дядей снимали её в Мосдачтресте; да, тогда это было возможно, хотя желающих было много. И там появились у меня друзья, встречи с которыми возобновлялись ежегодно. Играли в футбол, гоняли на велосипедах. Был у меня английский *Ройал Энфильд*, изящный, лёгонький, вначале, в 1931 г., вызывал всеобщее восхищение. Ни взрослые, ни дети, ни в Москве, ни в Томилино никакого антисемитизма в то время не проявляли, я же вообще не представлял себе ничего подобного. Мать двоих детей, с которыми я постоянно общался, была явно довольна их знакомством со мной.

9. Снова о самой школе и о моих соучениках. Отца Тибора расстреляли (о чем он благоразумно ни слова никому не сказал), его самого посадили во время войны, потому что он назвался евреем, кем он и был, а не венгром (выходцем из воюющей с нами страны), и даже фамилию свою написал *Самуэль*. Выпустили его по ходатайству нового венгерского руководства, окончил он исторический факультет МГУ, уехал затем в Венгрию. Стал там профессором, был послан куда-то в Африку. Дориан сказал: его намного менее знающие коллеги сумели таким образом избавиться от него.

Из Африки он сбежал в Англию, остался профессором и к тому же активно занялся общественными делами, ориентированным в соответствии со своим советским опытом. Написал несколько книг (конечно же, на английском языке), которые в Союз если и попадали, то держались под замком, название одной мне известно: *Коммунизм и свобода* (1969) Получил там гражданство, мог бы и членом парламента стать (мнение Дориана), но рано умер. Его недавно умершая дочь была известной журналисткой, и я изредка переписывался с ней. Был у Тибора и сын, про которого я только слышал, видимо от Дориана, что он убеждённый коммунист. Странные выверты преподносит нам жизнь!

10. Я как-то по методу исключения потянулся к математике. По литературе никак не мог сравниться с тем же Овидием, или с другим, Джозефом Биликом (что с ним случилось?). Тот одно из своих сочинений (на английском языке), навеянное, видимо,

Островом сокровищ Стивенсона, который мы обязаны были прочесть, начал так: *Я родился в Лондоне в 1684 году.*

Заниматься английским языком профессионально мне вначале и в голову не приходило, да и поленивался я по своей воле читать английские книги, читал по-русски, а стал постарше – почему-то подумалось, что для мужчин это не занятие. Постепенно отставал в знаниях английского. Ко всеобщей потехе как-то сказал *библиошн* вместо *лайбрери*.

А когда нам на уроке истории сказали, что в таком-то веке такой-то китайский город начал процветать, потому что был расположен на судоходной реке и на караванном пути, я подумал: почему же именно тогда начал? Никто такого вопроса не задал, а я постеснялся, но история для меня отпала. Позже сами собой отпали и машины, и механизмы. Помню: ещё в Англии отец как-то сказал, что возьмёт меня с собой паровозы смотреть, так мне стало не по себе, я, кажется, заплакал, и отец отказался от своего намерения.

То ли дело, к примеру, диагонали ромба: есть у них определённые свойства, и без всяких *почему*, и никаких громадных паровозов. И вот интересный эпизод. Через много лет после школы спросил Дориана, помнит ли он формулу квадрата суммы двух чисел на английском языке? Нет, не помнит, и мы, мол, в английской школе этого ещё не знали. А я-то до сих пор помню! Совсем в другую сторону был он направлен. Что лучше запоминается, к тому ты и предназначен.

3. Русская школа

1. В 1938-м году все три особые школы закрыли видимо потому, что Коминтерн был разгромлен, а ведь как полезны они были. Не было ведь нигде, кроме как в закрытых заведениях, такой возможности *овладеть* иностранным языком, стать великолепным специалистом. Денег, правда, на нас много уходило, для нас, например, переводили и печатали школьные учебники; через много лет специально просмотрел в Ленинской библиотеке *наш* задачник по алгебре. И разбрелись мы по обычным московским школам, и пришлось мне, казалось совсем ни к чему, учить немецкий:

Wacht auf, verdammte dieser Erde,

Die stets man noch zum Hungern zwingt!

Снова *Вставай, проклятьем* заклеянный ...

Но были и стихи Гейне и Шиллера, что вряд ли можно сказать про нынешние школы здесь, в Германии:

Vor seinem Löwengarten/Das Kampfspiel zu erwarten

Saß König Franz ...

Вельможи толпою стояли/И молча зрелища ждали.

Это начало замечательной *Перчатки* Шиллера (перевод Лермонтова). Прорекламиривал я их как-то одной немке, видимо достаточно образованной по здешним понятиям, она их и не слышала.

Впрочем, начинал я со смешной фразы: *Anna und Martha baden* (Анна и Марта купаются), отстал от одноклассников, ведь

пришёл я в середине учебного года. Подогнал и оказался среди лучших, а помог мне мой английский, вначале также и частные уроки. И уж давно заметил: никогда бы не подумал, что по приезде в Германию так мне поможет выученный мной в обычной школе язык. Читали мы тексты и на готическом шрифте. Мне это было совсем нетрудно, но, видимо, оказалось хорошей психологической подготовкой: был я готов к чтению старинной немецкой научной литературы, а ведь кроме того переиздаются иногда старые книги без нового набора. А вот мой внук закончил берлинскую гимназию, но готического шрифта и в глаза не видел.

С другой стороны, у нас совсем не было текстов типа *Посещение врача* или *В магазине*. Советскому человеку не нужны знания зарубежной ежедневной жизни!

Школа показалась мне отвратительной, потом как-то привык. Мало что помню о последующих годах, но вспоминаю хорошего учителя математики, Николая Гавриловича Блоцкого. Признаюсь, впрочем, что когда мы начали изучать стереометрию, схватил я пару двоек (уже у другого учителя) – не хватало воображения. И вот следствие из рассказа о Гильберте: математик должен иметь больше воображения, чем поэт!

2. И ведь действительно: математический метод состоит во введении, изучении и применении всё более абстрактных систем, не обязательно имеющих прототипов в природе. Сразу вспоминаешь комплексные числа и функции, но ведь даже неименованные числа не имеют аналога в природе. С действиями над ними, хотя бы с равенствами типа $3 + 2 = 5$, родилась математика. Кажется, Кронекер заметил:

Господь дал нам целые (неименованные) числа, всё остальное – дело рук человека.

Появилась как-то статья в газете: преподавание математики следует увязывать с жизнью. И пришёл к нам на экзамен по геометрии директор школы; фамилия его, помнится, была Рябов, имени и отчества вспомнить не могу. Спросил он одного из нас: вот круглый карандаш, как определить его диаметр? Самому пришлось ответить: обмотай 10 раз провололочкой, размотай её и измерь её длину и т. д. Сомневаюсь, что это важно было: появились подобные задачи в жизни, справились бы. Меня самого спросили в колхозе (*услали* поработать с группой студентов): а ну, как измерить объём стога сена? Я думал, что стог – усечённая пирамида, но оказалось, что не совсем так. Рябов же погиб на войне. Был он спокоен и вразумителен. Таких жалко.

В том же колхозе я услышал от одной женщины по поводу войны: *За гриву не удержался – за хвост не удержишься*. Впечатление такое было: хуже не будет.

3. Скверно вышло с физикой, электричества я так и не понял. Учительница должна была бы прямо сказать: не пытайтесь ничего доказывать, физика – наука опытная, а обоснование возможно только на ином математическом уровне. Не лучше было и с химией, оставалась она мне чуждой. Учительница биологии была у нас слабенькая, мы над ней подсмеивались. Ни

географию, ни историю всерьёз не воспринимал. Писал довольно грамотно, но до литературы не дорос. Письмо Татьяны Онегину меня не тронуло, а фраза

Мой дядя самых честных правил ... он уважать себя заставил была непонятной, и *Евгений Онегин* оставался лишь формально необходимым чтением. Через много лет случайно узнал, что в те времена *уважать себя заставил* означало *умер* и сомневаюсь, что хотя бы наша учительница знала это. Впрочем, некоторые специалисты отрицают это пояснение. Грибоедов тоже остался в стороне, красоты его языка я не оценил. Так ведь и направлена школьная литература была на наше идейное воспитание, а не на изучение стилистики.

Началось в девятом классе военное дело. Точно не помню, но девочек, наверное, учили оказывать первую помощь, нас же, мальчиков, кроме обучения нескольким практическим навыкам (например, ориентированию по Солнцу и часам), в основном, видимо, психологически готовили к воинской службе:

Приказ командира – закон для подчинённого.

Устно преподаватель добавил: раньше указывалось, что *вредительские* приказы не выполняются, но оказалось, что на этом основании не выполнялись опасные приказания. А я добавлю: *ничтожные* приказы можно не выполнять.

4. Приближение войны. Её начало

1. Германия с Гитлером заодно вдруг оказалась нашей союзницей. Какой-то разговор об этом состоялся в нашем классе с классной руководительницей, и один из нас, Витя Мителиков, будущий офицер ВМФ, заметил: *ведь они же евреев притесняют*. Та не очень уверенно ответила: *ну, наверное это изменилось ...*

Перед войной слышал анекдот.

Почему немцы возле нашей границы войска сосредотачивают?

– *Так они там в полной безопасности от воздушных налётов ...*

– *А наши почему там же? – Их защищают.*

Был с двумя или тремя однокашниками в каком-то Доме офицеров (как бы сейчас назвали, тогда ещё не было офицеров). Висела там на стене громадная карта Европы, и один из моих товарищей спросил, был ли я где-нибудь кроме Лондона. Проходил мимо военный, сказал:

Не туда вы смотрите, ребята. Немцы уже в Белграде и показал пальцем. А я подумал: ну и что?

Было это в апреле 1941 г., Югославия только-только заключила договор о взаимопомощи с Советским Союзом, который Верховный Совет, правда, не успел ратифицировать. Но разве это удержало бы Сталина, реши он помочь? ... А не было ли сговора двух диктаторов по этому поводу?

По крайней мере несколько надёжных и знающих людей предупредили Сталина о неизбежном вторжении, в том числе Черчилль и Зорге, советский шпион в Японии, но он слишком долго не доверялся никому. Зорге был арестован, и японцы хотели обменять его на каких-то своих шпионов. Обмен не

состоялся и Зорге повесили. Существовало сильное подозрение: Сталину не нужен был свидетель его преступного упрямства. Из иностранного источника известно, что в 1937 г. Зорге вызвали в Москву (и почти наверняка расстреляли бы, так, на всякий случай), он же отказался, сославшись на неотложные дела. В 1961 г., после смерти Сталина, Зорге посмертно присвоили звание Героя Советского Союза. Другая версия: после ареста Зорге рассказал японцам всё, что знал, а потому его следовало забыть. Думается, что в любом случае его заслуги были настолько велики, что предложенный обмен должен был бы состояться. Он ведь кроме того в 1942 г. предупредил, что Япония не вступит в войну, и сибирские дивизии были переброшены на защиту Москвы. Я прочёл где-то, что Зорге действительно сообщил японцам требуемые ими сведения в обмен на их обещание не трогать нескольких женщин, которые были так или иначе замешаны в его делах.

Упрямство Сталина проявилось в одном неприметном судебном приговоре. *После начала войны* одного видного деятеля судили и признали виновным за то, что он посмел предсказывать нападение Гитлера! И мало кто знает, что Германия, правда с опозданием на несколько часов, т.е. бессмысленно, объявила войну Советскому Союзу. Да, бессмысленно, но с упоминанием фактов тайной подрывной деятельности СССР против Германии. И появились воспоминания лиц, которые предупреждали Гитлера, что нельзя воевать на два фронта (и вспоминали Бисмарка), но что он отвечал, что у него нет иного выхода.

Придумал Сталин в своё оправдание басню о временных и постоянных факторах, действующих на войне. Неожиданное (будто бы) нападение – временный фактор, а вот постоянные факторы против неё работают ... Но если немцы заняли всю Украину и Белоруссию – это тоже временный фактор? Подробно эту галиматью (в которую тем не менее, кажется, почти все поверили) разобрал впоследствии автор одной газетной статьи, если не ошибаюсь – крупный военачальник.

Один иностранный автор заметил, что немецкий шпион, будь он на месте Сталина, не смог бы причинить столько же вреда.

2. Евреи, оставшиеся на захваченной территории, почти все погибли. Не смогли бы их эвакуировать – всё произошло почти молниеносно, а транспорта, конечно же, и так не хватало. Но хоть предупредили ли их: убегайте немедленно? Об этом либо вообще не думали, либо боялись лицо потерять, разве что какой-нибудь местный партийный начальник оказывался совестливым и знающим! Вот именно, знающим, ведь моего дядю, еврейское лицо которого было узнаваемо за версту, хотели было на случай потери Москвы оставить в городе в подполье.

Да, были дни, когда такая опасность казалась очень серьёзной, и читал я где-то, что по приказу Сталина Москву облетел самолёт с особо почитаемой православной иконой на борту. Если так и было, то об этом эпизоде помалкивали: религия – опиум для народа ... (а лётчика уж наверное на тот свет для верности отправили). *На вопрос, существует ли Бог, мы, большевики,*

отвечаем положительно: да, Бога нет! Так, кажется, сказал в своё время Бухарин. Но Сталин, недоучившийся семинарист, видимо, где-то в глубине души верил в какие-то божественные силы. В его официальной биографии было сказано: исключён из семинарии за агитацию среди рабочих. Но говорят совсем иное: за то, что не пропускал в городе (Тифлисе, Тбилиси) ни одного борделя.

Можно было, хотя и с трудом, заранее узнать про страшное будущее, потому что в газетах советских о Гитлере плохого не писали или почти не писали. Муж моей двоюродной сестры, убежавший из Риги вместе с женой, рассказывал, что работал рядом с ним вежливый немец с нацистским значком на пиджаке. Отец сестры, вполне европейский человек, который мог бы при некоторых усилиях представить себе свою судьбу, верил в старых добрых немцев, удирать отказался и погиб в Риге вместе с женой и сыном (с моей тёткой и двоюродным братом). Этот сын сумел сесть в поезд с удиравшими рижскими евреями, но на какой-то станции военный комендант не пропустил поезд: *военная эвакуация была важнее ...* Надо было идти хотя бы пешком, но пассажиры вернулись обратно.

О страшной неразберихе при отступлении писали многие. Сам я слышал от бывшего фронтовика, курсанта артиллерийского училища (см. п. 6), что он с группой солдат удирал на грузовой машине с тюками денег. Откуда взялись деньги, сказать сейчас не могу, а рассказывал он, что сдать деньги куда-то под расписку им не удалось, пришлось их сжечь. Но взял себе каждый по пачке, потом положил этот курсант крупную сумму на своё имя в сберкассу. Узнал политрук (тайна вкладов!), спросил откуда. *Дом свой в посёлке продал.* Борьба против отмывания денег!

Особо сложилась судьба бессарабских евреев. По сталинскому плану советское наступление на Германию должно было начаться в Бессарабии (также и гораздо севернее), и перед несостоявшимся наступлением удалили оттуда еврейское население. В ночь с 13 на 14 июня 1941 г. всё оно было вывезено в *отдалённые районы Сибири*. На сборы было дано полчаса, отправляли в товарных вагонах и многие сосланные погибли. Порядок отправки и выбор места высылки были бессмысленно жестокими.

3. Через много лет, в годы холодной войны, объявился на радио *Свобода* Суворов, перебежчик из Главного разведывательного управления, ГРУ, – читали главы из его книги, *Аквариум*. Передачи глушили, а некоторые я пропустил, но общее впечатление оставалось: сообщал он совершенно не известные мне факты, и стиль был у него весьма своеобразный и действенный. Не мог не запомнить я описанную им готовность армейских частей, расквартированных в западных районах страны, ринуться в Европу. Всё было подготовлено, известны были цели и сроки, и безусловно знали об этом по крайней мере все офицеры. Довёл Суворов изложение вплоть до своего исчезновения в Англию, и я поверил каждому его слову. Но через несколько лет узнал, что служил он агентом ГРУ не в Австрии, а

в Швейцарии, что жил он там не один, а с семьёй. Зачем переиначил? Не знаю, но веры такой уже не было.

Ты поздно родился, о глушении не слышал? Русские передачи *Голоса Америки*, радиостанций Англии, Западной Германии и, кажется, ещё нескольких стран, но особенно *Свободу* глушили беспощадно, во всяком случае в крупных городах. Обходилось это в добрую копейку, но денег не жалели: *Марксистко-ленинская идеология противостоит идеологии буржуазной и ведёт с ней непримиримую борьбу* (БСЭ, т. 10, 1972, столбец 108).

Есть у тебя радиоточка (позже – с тремя программами), и газеты ты можешь читать, *Правду*, или на худой конец *Известия*. Так что тебе ещё надо, интеллигент собачий? Что, в *Правде* нет известий, а в *Известиях* – правды? В Магадан захотелось?

А затем прочёл суворовский *Ледокол*. Много мне не понравилось, начиная с его извинения перед своим отцом – к чему бы, если уж удалось ему вскрыть серьёзную историческую правду, – объявить, что Гитлер пришёл к власти только при помощи Сталина, который хотел, чтобы началась в Европе заварушка и воспользоваться ей, и что Сталин сам готовил нападение на Германию, опоздал только недели на две. Изложение было просто негодное: книгу вполне можно было бы сократить чуть ли не вдвое. Доводы в пользу подготовки нападения на Германию не были продуманы. Одним из них был, к примеру, появление в армии чудо-танка на колёсно-гусеничном ходу. Прорвавшись к немецкой автостраде, он сбросил бы гусеницы и помчался дальше на колёсах.

4. Но ведь этот танк мог бы вначале участвовать в отражении нападения – недаром в ходу было официальное и всем известное заявление:

На удар мы ответим сокрушительным тройным ударом, будем воевать на чужой земле, победим малой кровью!

Была и не менее популярная песенка:

Нас не трогай, мы не тронем, а затронешь – спуску не дадим ... Но была и позабытая пословица: *цыплят по осени считают!* По осени сорок первого... Хорошо Блок когда-то сказал:

Мы на горе всем буржуям/Мировой пожар раздуем...

Заметим в скобках: не забыл Блок, что

Катька с Ванькой в кабаке,/У ей керенки есть в чулке.

Да, пожар раздули, сами чуть не сгорели, а Сталин? Великий полководец, стал генералиссимусом. В Энциклопедии названы многие генералиссимусы, в том числе Суворов (о котором иностранные источники сообщают с серьёзными замечаниями), так что преемственность налицо. Но позабыло авторитетное издание упомянуть ещё двоих: испанца Франко и китайца Чан Кай-ши, никак не смотрелись они! Франко, этот *фашист*, имеет громадную заслугу: вопреки настойчивым требованиям Гитлера, он не разрешил отрядам немецкой армии пройти через Испанию и захватить Гибралтар. Участь громадной немецкой армии в Северной Африке была предрешена, и последовавшая победа англичан сравнима с победой под Сталинградом.

Но, с другой стороны, неужели там, наверху, не додумались: зачем ждать удара? Мы можем и сами сразу же тройным ударить! В послевоенное время почти никто о подобном и не думал, так что идея книги была разумная, а вот её исполнение оказалось неудачным (хоть и навлек Суворов на себя ярость многих слоёв населения России).

Немало немецких евреев пыталось сбежать из своей страны, но это было нелегко. Часто бежать было просто некуда. Австралийский делегат, например, заявил в Лиге Наций, что его страна желает оставаться чисто христианской. Как же, осталась, после неизбежного наплыва китайцев и японцев! А вообще-то правительства многих стран не понимали национальных интересов своих собственных стран (не говоря о проявлении чистой воды эгоизма). Некоторые немецкие евреи, в том числе видные учёные, укрылись в Советском Союзе, но не всех их, нет, не всех, миновало *око государево*. Они, ведь, заражены буржуазной идеологией, опасны для нашего наивного народа ...

Немецкая семья появилась в Томилино. Сын, около 17 лет отроду, начал работать почтальоном, имел при себе небольшие суммы денег. Рассказал без всяких комментариев нескольким мальчишкам, сыновьям дачников и в том числе мне, что на него кто-то напал, но что ему удалось остаться почти невредимым. У меня сложилось убеждение, что напал не простой уголовник.

5. Вообще же после воцарения второго европейского диктатора, Гитлера, большая война стала неизбежной. Англия и Франция, будучи демократическими странами, не могли толком готовиться к ней, многие их политические деятели не представляли себе грозящей опасности (особым исключением был Черчилль), а король Великобритании, Эдуард VIII, был поклонником Гитлера. В Википедии его разве лишь прямо не назвали бесплатным и очень успешным гитлеровским агентом, но, к счастью, в 1936 г. отрёкся он от престола, чтобы жениться на американке и к тому же вдове. *Не могут короли жениться по любви ...*

Никак не оформлялся союз этих двух стран с Советским Союзом. Чтобы воевать с Германией, Красной армии пришлось бы вначале пройти через Польшу, но отказывались поляки пропустить сталинского козла через свой огород. Так или иначе, была Польша обречена. И начали Англия и Франция, и отдельно Советский Союз заигрывать с Германией ...

А следует ли удивляться пристрастиям бывшего короля? Не так давно один из внуков нынешней королевы Великобритании догадался прибыть в маскарад в мундире офицера СС (охранных отрядов нацистской партии). Святая простота! Знакомят английских (и не только английских) отпрысков с Аристотелем и Шекспиром (или Гёте, или Мольером, или Сервантесом), а о Гитлере и Сталине им невдомёк. И вот о том же. Вторглись советские войска в Афганистан, и вдруг оказалось, что в американском посольстве в Кабуле никто не говорит по-русски.

Началась война, несколько раз объявлялась воздушная тревога, но были они то ли учебными, то ли ложными.

*Вставай, страна огромная,/Вставай на смертный бой
С фашистской силой темною,/С проклятою ордой!*

Слышал по *вражескому голосу*, что написал эту песню русский офицер в 1914 г. Офицер погиб, а песню (с одним изменённым словом) присвоил себе её официальный автор.

6. Телефоны почти у всех отключили (только ли в Москве?), – видимо, чтобы слухов не распространяли. Появившиеся при этом неудобства и, может быть, несчастья никого наверху не волновали. Радиоприёмники все обязаны были сдать в ближайшее почтовое отделение, – нечего Гитлера слушать! Официально об этом требовании не сообщили, проскочило только в газете, в *авторской* статье, укоризненное замечание, что, мол, некоторые несознательные граждане ещё не поняли, что приёмники надо сдать. Вклады разрешили изымать из сберкасс только понемногу, сколько именно – не помню. У отца конфисковали (если сказать реально) его английский мотоцикл.

Телефоны, видимо, остались только у *самых нужных* и, конечно, у *слуг народа*. Году в 1950-м некий деятель из этого разряда опубликовал статью в *Известиях*: ему, видите ли, телефонные звонки мешают жить и работать. Ну, написал я им письмо, напомнил эпизод из какой-то оперетты. Дама балзаковского возраста своей родственнице:

Ты выходишь замуж, и я могу открыть тебе страшную тайну. Мужчины храпят ночью! Но без этого храпа намного хуже ...

На *обычные письма трудящихся* советские газеты как правило отвечали, ответили и мне: затронутая тема, мол, тоже важна. Да, конечно, заядлых храпунов лечить надо.

И вот неожиданное окончание темы. Жена как-то сказала мне, что, будь в их коммунальной квартире телефон, вышла бы она замуж задолго до знакомства со мной. Вот так! Но сколько девочек, не имевших дома телефона, вообще замуж не вышли, или вышли за кого попало?

5. Челябинск

1. В товарном вагоне поезда мама и я с братом дней пять добирались до Челябинска, куда выехали семьи работников того наркомата (министерства), в котором работал отец, он же присоединился к нам через несколько месяцев. Нас ожидали, нам дали большую комнату в двухкомнатной квартире только что выстроенного дома на улице ... Да, ты угадал: на улице Сталина.

Брата звали Леонард (получал паспорт – назвался Леонидом), пока же в домовой книге его записали *Леонард*, а меня – *Оскард*.

Запомнился один эпизод. Зима, снег, вечер. На конечной остановке трамвая собралось много народа, ждём. И вот пришёл *наш*, и сразу заполнились оба вагона. Вдруг объявили: трамвай пойдёт по другому маршруту. Все вышли, а зашёл только один человек! Подошли к нему несколько только что вышедших, заявили, что дела так не оставят. Был он, оказывается, каким-то трамвайным начальником. Слуга народа! А ведь надо было просто выкинуть его из вагона.

2. Там, в Челябинске, я окончил десятый класс. Помню, начали мы изучать неравенства, я же их невлюбил, всё пытался свести их к уравнениям с поправочным членом. Одну из соучениц, Таню Гнедину, через много лет встретил в Москве. Дочь известного и не то сиделого, не то сосланного журналиста или дипломата, стала она физиком. Написала биографию Эйнштейна, но её в каком-то московском издательстве отклонили: сионист, мол, этот ваш Эйнштейн. ЦК партии одобрял *опровержения* общей теории относительности как теории еврейского кумира; президент Академии наук Г. И. Марчук поддержал главного *опровергателя*, А. А. Логунова, который стал вице-президентом [1974 – 1991], см. Новиков (1995). На эту статью, написанную в 1991 г., мы ещё будем ссылаться. Не обошлось, правда, без *периода вразумительности*: в 1955 г. теорию относительности (см. одноименную статью в БСЭ, второе издание, т. 31) согласовали-таки с диалектическим материализмом, а в третьем издании (т. 18, 1974, с. 623 – 628) философия вообще не упоминалась. Как же чувствовал себя Логунов?

Впрочем, до гитлеровцев московские бонзы не дошли. В 1936 г. журнал *Deutsche Math.* (подходящее название!) опубликовал письмо студента (!), который расценил труды великого физика как *объявление войны на уничтожение нордически-немецкого чувства природы* (Шейнин 2003а, с. 136), т. е. на уничтожение приземлённой математики, и это после великих Римана и Гильберта (притом вовсе не евреев)!

3. Здесь же добавлю, что в этой статье я опубликовал обнаруженную мной архивную рукопись Рихарда фон Мизеса, крупнейшего математика и механика, *Математика и Третий Рейх* (т. е. и нацистская Германия). Была она подписана буквами R. S., что я расшифровал как Roh Stoff (сырьё, сырой материал) и посоветовался по поводу своей находки с одним немецким историком математики, Зигмунд-Шульцте. Тот на дыбы встал! Rohstoff пишется слитно (но в данном случае – не обязательно!), так что авторство рукописи остаётся неизвестным, да и вообще, мол, Вы (1998а) хорошо пишете о Советском Союзе, а уж Мизеса оставьте немцам, тем более, что я об этой рукописи ещё сто лет назад знал.

Нет, не уступил я этому наглецу. По почерку (не говоря уж о стиле и сути рукописи) удалось мне доказать, что автором был Мизес, который, будучи евреем, в 1934 г. ещё спокойно уехал в Стамбул, читал там лекции на французском языке, потом перебрался в США.

Обширная есть литература о науке в гитлеровской Германии, и о том, какой урон она понесла от изгнания евреев из университетов, а потом и от последующих злодейств. Лучшим источником, относящимся к математике, является, видимо, Segal (2003, 2004). Вот эпизод, относящийся ещё к концу 1933 г. или началу 1934 г. Приехал в Гёттингенский университет министр высшего образования, спросил у Гильберта, правда ли, мол, что с уходом (с изгнанием) евреев уровень университета понизился. *Понизился? Да от него вообще ничего не осталось.* Был

Гёттинген мировым математическим центром, теперь же центр, как считается, находится в США. Я, правда, не нашёл ссылки на свидетеля этого эпизода.

4. В Челябинске же успел немного проучиться в тамошнем институте механизации сельского хозяйства. Кафедрой математики заведовал Юрий Юрьевич Нут, эстонец, выучившийся в России. Было у него два или три аспиранта, тоже эстонцы (многие эвакуированные эстонцы были, видимо, посланы в Челябинск), один из них (Гаршнек) вёл у нас практические занятия. Лекции Нут читал очень хорошо, я слушал чуть ли не с открытым ртом. На экзамене поставил он мне пятёрку, сказал, что вообще-то мне надо было бы идти в университет. Был он депутатом Верховного Совета Эстонии.

Начертательная геометрия началась с теоремы: *Проекция точки есть точка*. Я не воспринял эту дисциплину всерьёз, а когда спохватился, пришлось долго и не очень успешно разбираться в ней. Перед экзаменом кто-то из нас припрятал самые неприятные модели пересечения геометрических тел, и наш доцент тщетно искал их, приговаривая вполголоса *Спрятали, наверно ...* Были основы марксизма-ленинизма, но об этой безусловно фундаментальной науке я почему-то ничего не помню.

Была физика, снова с той же для меня методической трудностью, был английский язык. Пришёл я на экзамен, что-то сказал по-английски со всамделишными произношением и интонацией – пятёрка. Так же было позже во всех подобных случаях за исключением кандидатского экзамена, на котором сразу выяснилось, что с грамматикой я не в ладах (и допускал-таки ошибки при употреблении прошедших времён глаголов), но простили мне это. Но вот перед этим экзаменом пришлось мне сдавать *тысячи* (переводить сколько-то тысяч слов). Пришёл, перевёл сколько-то, и попросили меня продолжить в следующий раз. Я отказался, пошёл на соответствующую кафедру жаловаться, и мне скостили остаток.

Заодно добавлю. На кандидатском же экзамене по философии еле вытянул на тройку, а ведь в студенческие годы, в геодезическом институте (п. 9), наивно конспектировал Маркса, отыскивал истины. И на экзамене по специальности тоже поплавал, но всё-таки одолел. Теперь полагаю, что Маркс формулировал лишь практически бесполезные принципы. Вот прекрасный классический пример:

Свобода одного человека кончается там, где начинается свобода другого.

6. Артиллерийское училище

1. Призвали меня. Знакомый студент заметил:

А я было думал, что евреев в армию не берут.

Многие документы свидетельствуют об участии евреев в *Великой отечественной войне* (как она официально называется), см. также пп. 6.2 и 13.2. Товарищ моего детства, Виля Гершензон,

погиб в 1941 г., и немало еврейских юношей из нашего большого дома также были убиты.

И попал я не в университет, а в артиллерийское училище в г. Сухой Лог, между Свердловском и Челябинском, – в привилегированное Одесское ордена Ленина, им. М. В. Фрунзе, большой мощности. Фрунзе был военачальником, занимал высшие воинские и партийные должности и видимо стал слишком независимым. Был любим в армии, потому что запретил комиссарам вмешиваться в военные вопросы. Умер во время ненужной операции, которую ему навязал (и которой очевидно управлял) Проклятый (термин Солженицына). Слишком авторитетными и независимыми были Котовский, Чапаев и Щорс, и (какая случайность!) все они погибли.

Были у нас самые мощные перевозимые гаубицы калибра 152 и 203 мм, фотографию обеих можно увидеть в БСЭ (т. 2, с. 268), но я-то оказался в дивизионе артиллерийской инструментальной разведки, в топографической батарее, во взводе, почти целиком состоявшем из выпускников одной из московских артиллерийских спецшкол. Из таких же бывших спецшкольников было сформировано несколько взводов, в строю они пели артиллерийские и странные лирические и вообще непонятные песни:

*Команду жди, команду жди,/Не будет лишних слов,
По целям бьём, по целям бьём,/Не тратя зря снарядов,
По целям бьём, все цели разобьём.*

Или

*Таня, Танюша, Татьяна моя,/Помнишь ты знойное лето это?
Разве мы можем с тобой позабыть
Всё, что пришлось пережить, пережить.*

И вот шедевр:

*Пошёл купаться Веверлей, Веверлей,/Оставив дома Дорофею,
С собою пару пузырей,/С собою пару пузырей
Берёт он, плавать не умея ...*

2. Из тех, которых помню, назову нескольких. Синицын, сын партийного работника, честный и политически слепой; Андреев, отец его был каким-то милицейским начальником, сам он стал как бы придворным фотографом. На всех смотрах в этом качестве и появлялся, никак не в строю. Алферьев, сын генерала, пропавшего без вести. В конце войны знакомый генерал сказал матери Алферьева: попади он в плен, немцы раструбили бы об этом, и удостоверение личности на чужое имя не помогло бы. Еремин, природный вожак, которого вспоминаю по похабной частушке:

*Я не буду, я не стану,/Я боюсь, что не достану.
Нет, ты будешь, нет ты станешь,
Я нагнусь, и ты достанешь.*

Думаю, что все они прожили достойную жизнь, надеюсь, что хоть кто-то из них жив. Но особенно вспоминаю Белоскурского, очень жалею, что не встретились. Сын генерала, скромный, вежливый.

Но в другом взводе был и курсант Клеонский, еврей, инженер-электрик, к строевой службе психологически негодный. Возможно также, что не был он вполне здоров. Я сам больше других чувствовал усталость, сонливость, но только на гражданке узнал, что давление у меня низкое. Измеряли ли его в военкомате? Не помню, но всё равно призвали бы. Прострелил Клеонский себе стопу, будто бы неисправным карабином, и больше мы его не видели.

Старшиной одной из батарей был какое-то время фронтовик, еврей по фамилии Бун. Году в 1950-м случайно встретил я его в Москве, но он вскоре умер совсем ещё молодым. Каким-то образом мы были немного знакомы ещё в училище. Рассказывал он мне (когда именно?), что был он снайпером, окончил школу *снайпинга*. Был награждён именным оружием (пистолетом), который отдал командиру батареи (не потому ли стал старшиной?). Поддразнивали его курсанты, предваряя его фамилию гласной буквой, он не обижался. На гражданке стал он своего рода мастером по домашним холодильникам, жена, еврейка, преподаватель иностранного языка (кажется, немецкого), сидела без работы, что не было удивительным.

Офицеры всенепременно называли нас на Вы, обстановка была, опять же, как я позже понял, совершенно особая, притом ни малейшего антисемитизма я не чувствовал. И помню один из пунктов приказа по училищу; их нам зачитывали, не полностью, конечно: списать один патрон, израсходованный курсантом таким-то на таком-то посту (забрела чья-то корова ночью на пост, выстрелил он в воздух).

Начальником Коммунально-эксплуатационной части был лейтенант Беркович, про которого ходили анекдоты; возможно, что он сам их специально и распространял, чтобы подтвердить свою безбидность, и вот один из них. Приходит будто бы Беркович к дежурному по училищу. *На сегодня мне нужна лошадь или два курсанта*. И нам на самом деле частенько приходилось вкалывать на разных хозяйственных работах и, конечно же, чистить картошку на кухне.

Находясь в карауле и охраняя продовольственный склад, курсантам взвода из бывших спецшкольников хватило ума проникнуть туда и утащить немало. Долгое время понемногу подпитывались всем взводом, но попались (обнаружили оставленные про запас порции чего-то). Скандал был страшный. Весь взвод на какое-то время отправили на гауптвахту и всех сержантов во всех подобных подразделениях отстранили от должности (сохранили ли они лычки?). И в наш взвод, как и во все подобные, назначили сержантов из *взрослого* подразделения. Под суд, впрочем, никого не отправили, не иначе как замяли это дело.

3. Преподаватели были честные, добросовестные и знающие офицеры. Основные дисциплины? Топография, артиллерия, тактика, ну, и, конечно же, политподготовка. Изучали мы обращение с теодолитом, прокладку теодолитных ходов и их

вычисление при помощи математических таблиц, глазомерную съёмку местности.

То ли дело пар шагами/Расстоянья измерять!

Попробуй измерять как-нибудь и ты, но не вышагивай, а иди нормально, как всегда. Ещё лучше, как это ни странно, – тройками шагов. Песенку же наверняка кто-то скопировал со старинной солдатской песни:

*Взвейтесь, соколы, орлами,/Полно горе горевать,
То ли дело под шатрами/В поле лагерем стоять!*

По артиллерии (преподавал капитан Алексеенко) помню пристрелку по наблюдению знаков разрывов. Цель, наблюдательный пункт, огневая позиция. Находясь на НП, совсем не в створе цель – ОП, должен вычислить дальность стрельбы и её направление. И, увидев в бинокль разрыв, подправить то и другое. Всё это на бумаге, вершиной же была пристрелка (взаимное ориентирование) нескольких батарей по воздушному реперу (по разрыву снаряда в небе), в принципе аналогичная астрономическому определению разности долгот двух пунктов по наблюдению одного и того же небесного явления (затмения Луны).

Тактика. Прочёл нам преподаватель, капитан Бочкарёв, восторженный репортаж в какой-то газете о подвиге наводчика орудия большого калибра. Остался он один в строю, сам подносил снаряды, сам заряжал и наводил. Спрашивает преподаватель: что скажете? Мы соглашаемся с журналистом, а он нас поучает: окопы надо в первую очередь отрывать возле орудий, чтобы всем в строю оставаться, а что толку в одном наводчике? Какую скорость стрельбы может он обеспечить?

Этот же преподаватель говаривал *икс-угрек* вместо *Иванов* или *Петров*, нарочно коверкал, чтобы оживить изложение. На письменном выпускном экзамене курсант Ракитянский написал латинскими буквами *x*, *y*, притом, видимо, без запятой. Поверяющие этого не оценили, пришлось ему объясняться.

Строевая подготовка. Ох, не силён был я в ней! Приёмы штыкового боя (кажется, на занятиях по физической подготовке): *Длинным, коли! Коротким, коли! Уставы*. Запомнил, что приказ командира – закон для подчинённого. Дальше, кажется так: *потому что он выражает волю народа* (страны?).

Политподготовка. Над одним из преподавателей мы втихомолку посмеивались, а кто-то рассказал может быть и было: искал политрук в траве будто бы утерянное место нуля.

Прочли нам покаянное письмо в газету раненого политрука. Остался он единственным офицером в строю на НП, видит: немецкие танки вот-вот прорвутся к мосту, командует по телефону на ОП: *По врагам революции, огонь!* (Революции!) Ему в ответ: *Угломер давай, давай дальномер, так твою и растак ...* Но вот уже в Болгарии, в артиллерийской бригаде, куда я попал после училища (п. 7.2), был политрук, к тому же и еврей, которого солдаты безусловно уважали.

Какого-то *каптёрщика* засекли в длительной самоволке, судили.

Зачем в самоволку пошёл? – А что мне, онанизмом заниматься?

Штрафная рота. Сомневаюсь, что спасло бы его покаяние. Кормили нас по военному времени отлично, но каждый бы съел намного больше, и спать приходилось явно маловато. И поэтому (а может и не подрос ещё) не надо было мне в самоволку ходить.

Был у нас в батарее свой *каптёрщик*, нестроевой солдат (стало быть, здоровьем не вышел, присяги не принимал), сидел он в своей *каптёрке*, ведал обмундированием. Официально, оказывается, назывались они каптенармусами и должны были ведать и оружием в своих подразделениях. Попавший в беду *каптёрщик* тоже наверняка был нестроевым, так неужели можно было его в штрафную роту отправлять?

4. Начальника училища, генерала, сменил какой-то полковник и начал он гайки закручивать, хотя курсантов это и не коснулось. Но вот какой-то бедолага потихоньку закурил возле строя (почему он сам не был в строю?) во время исполнения новенького гимна (*Союз нерушимый ...*), и застукал его полковник. Тоже штрафная рота! Сталинская жестокость. А ряды курсантов (да и офицеров-преподавателей) стали пополняться фронтовиками, понюхавшими пороха и прочувствовавших советскую воинскую действительность. Это был совсем другой кадр, и антисемитизм начал проявляться. Солженицын (2001 – 2002) пояснил: в штабах, среди старших офицеров, врачей, евреев было (оправданно) *погуще*, чем в окопах. История. Генерал инспектирует передовую, видит еврея.

А ты что тут делаешь? – Спасаясь от мобилизации.

В начале 1945 г. вернулось училище в Одессу, в свой городок. Переезд в нескольких эшелонах, с гаубицами и всем добром, притом с заготовленными дровами, хоть и запрещено было тратить на их перевозку железнодорожный уголь и тем более занимать даже не платформы, а (для маскировки) вагоны, занял несколько месяцев, и какое-то время не было занятий и в Одессе. Как разрешили всё это во время войны, – не знаю.

В Одессе, в нашем же громадном городке, разместили пленных немцев. Где-то они работали, несколько человек убирало нашу территорию. Один из них починил мне часы, другого наш комбат попросил наладить какую-то буржуйку. Вызвали меня переводчиком, я пояснил:

Печь делает много капусты в воздухе.

Немец понял меня, потому что по-немецки *капуста* и *уголь* произносятся (и пишутся) схоже.

На улице возле наших ворот видел строй (не очень строгий), шло человек 30, в чужестранной военной форме без погон, и конвоировал их солдат с карабином. Не очень надёжно, но всё-таки. Вдруг упало к моим ногам несколько пачек сигарет, и понял я: они из репатриированных, т. е. освобождённых союзниками, и так они молча приветствовали меня. Сказал им: – *Я не курю*, кто-то из них ответил – *Дай другим*. Но подсуетились уже прохожие, ни одной пачки не осталось. Лет в 12 затянулся я несколько раз, нет, не сигаретой, а папирсой. Очень мне понравилось, и я

решил: ни за что не буду курить, а то ведь не бросишь. Недаром Марк Твен заметил:

Нет ничего проще, чем бросить. Я сам проделал это 27 раз.

А репатриированные, даже и возвращавшиеся добровольно, считались идеологически сомнительными, возможно и разведчиками *бывших* западных союзников, про тех же, кто вернулся против своей воли, и говорить нечего. Видимо все они попадали в лагерь. Про *чуткое* сталинское отношение к бывшим военнопленным всё известно.

Нет у немцев никаких наших пленных, есть только предатели!

Таково было высочайше высказанное утверждение, и в лучшем случае оставались они пожизненно под подозрением. А вот американцы в конце концов наградили бывших своих военнопленных особой медалью. В начале войны многие солдаты, да и некоторые офицеры переходили к немцам, потому что слишком много претерпели от сталинского режима. Так кто же был главным предателем? Бывший фронтовик рассказал, что в немецкой листовке прочёл:

Переходите к нам. Не забудьте шинели и ложки.

5. К выпуску написали каждому в характеристике *партии* Ленина – Сталина *предан*, а некоторым (я, впрочем, не сподобился) – *глубоко предан*. Не понял я *тогда*, что решено было вот таким способом, употребляя неофициальное наименование партии, Сталина лишней раз прославлять. Уже в офицерских погонах походил несколько дней по городу, поболтал с американскими моряками с торгового судна. Сказали мне:

Ты хорошо говоришь по-английски, скопи денег и приезжай к нам.

Мне, новоиспечённому офицеру, не понравилось это, а наивные они были – так ведь американцы. Разговорился с двумя другими моряками-иностранцами, довёл их до какого-то ресторана, сам туда заходить не собирался, да и денег было очень немного, но тут и патруль оказался, офицер и два солдата. Не положено, говорят, с иностранцами расхаживать, но с тем и отпустили.

7. Болгария

1. Училище я закончил в апреле 1945 г. и, как и большинство других выпускников, попал в резерв, в Гороховецкие лагеря, где и пробыл несколько месяцев. Жили в палатках. Холодно было, сыро, и скука страшная. Рядом с нами были какие-то *химики*, – воинская часть, простоявшая там *на всякий случай* всю войну. Затем получил направление в Болгарию. Проезжал через Одессу, зашёл в училище, но всё показалось уже каким-то другим. А возле вокзала какая-то женщина без предисловий спросила, что я, – в офицерских погонах, – продаю?

Был в Софии Бульвар Царя-Освободителя, т. е. Александра II, при котором было отменено крепостное право, а Болгария освобождена от турецкого владычества в основном русскими войсками. В них был, оказывается, еврейский полк, который

затем быстро расформировали, никак не подходил он к общему антисемитизму верхов. Бульвар назвали именем почётного гражданина города, маршала Толбухина, командующего Южной группой войск. Позднее, однако, вернули старое название. А Бургас, один из главных городов страны и черноморский порт, стал на время именоваться *Сталин*. Видел карикатуру в болгарской газете: Сталин смотрит с неба на карту, на которой вместо зачёркнутого *Сталин* написано *Бургас*. *Так они изменили алфавит!*

2. В Болгарии, в гвардейской артиллерийской бригаде, стал командиром взвода топографической разведки. Казармы наши были в Пловдиве, возле посёлка Столыпиново, а когда его так назвали – не знаю. Был на каком-то дежурстве в этом посёлке, зашёл там вместе с двумя солдатами в православную церковь. Шла служба, потом священник подошёл к нам, солдат поблагодарил за посещение, меня, конечно же, в упор не заметил. В Советском Союзе подобная вольность была возможна лишь для старых людей и тех, кто находился на нижних этажах социальной лестницы (и то же имело место для евреев и синагог). Член партии и преподаватель московского геодезического института получил партийное взыскание за посещение церкви. Он был на каком-то дежурстве и замёрз.

В центральной части Пловдива чистильщики обуви, мальчишки-турки, подзывали: – *Чистим-блистим, московский специалист!* Предлагали за небольшие деньги вымазать себе лицо ваксой.

Где-то, также с двумя или тремя солдатами, разговорился с болгаринком. Спросил он нас про колхозы, и один из солдат, кажется Грищенко, выложил ему в одной фразе правду-матку, я же неуклюже постарался смягчить её. Через несколько лет возвращался я с производственной геодезической практики из Украины в Москву, на одной станции увидел того бывшего солдата. Выглядывал он из окошка арестантского вагона.

Начал читать болгарские газеты, отважился даже книги как-то читать. Кое-как впервые прочёл *Преступление и наказание*, заговорил по-болгарски, запомнил:

Минаха години без да те забраве аз и Ако искаш пресна стока, ела при Бай Митко шопа. (Прошли годы, но я тебя не забыл; Хочешь свежий товар – иди в магазин Дяди Митко).

Эту рекламу я недавно прочёл болгарину здесь, в Берлине. Он засмеялся. Помню насмешку на многочисленность всяких постановлений в оппозиционной болгарской газете. Мужчина в крестьянской одежде у ворот рая: *Святой Петр! Имам бележка от офето* (пропусти! Вот документ от Отечественного фронта, т. е. от правящей партии).

Много заимствованных слов. *Живот* – жизнь, как и в церковно-славянском языке; английское *шоп* стало *шопа* (как в рекламе, см. выше; французское *камьон* не изменило своего смысла (грузовая машина). И помню, как шёл куда-то, спросил дорогу, мне говорят: *Ела, братушика, направо*, а показывают

прямо. Немного прошёл, снова спрашиваю, и всё повторяется.
Направо и значит *прямо*!

Ставши инженером-геодезистом, перевёл с болгарского книгу Христова (1946). Встретился с автором, который приезжал в Москву, сказал он мне, что дух книги полностью сохранился. Пошёл он на приём к начальнику Главного управления геодезии и картографии Судакову, попросил меня быть переводчиком. Перевести пришлось только одно слово: не знал болгарин, что русское *Эйлер* и есть немецкое и болгарское *Ойлер*. А потом захотел он о чем-то особом с Судаковым поговорить и вежливо попросил меня выйти. Заранее не предупредил, очень некрасиво он поступил. До этого был с ним в исследовательском геодезическом институте с той же целью. Говорил он там с начальством, но ничего конкретного, кажется, не было сказано. Христов был директором Геодезической лаборатории (необычное название) Болгарской академии наук; в Академии наук СССР Комитет по геодезии и геофизике появился в 1955 г.

3. Вернёмся в Болгарию. Странное было время: война кончилась, демобилизация же была крохотной и явно на несколько месяцев запоздалая, коснулась только сравнительно пожилых солдат, солдат-шахтёров и, кажется, агрономов. Вопросов об этом солдаты мне не задавали, сам я тоже помалкивал. Демобилизовали и пожилого, но поджарого и быстрого лейтенанта Серкова, инженера-геодезиста. Уважали его солдаты, и с каждым он на прощание поцеловался.

Служить, думаю, в такое смутное время было морально тяжело. Помню сержанта Дроздова, еженедельно ходил он на какие-то музыкальные репетиции, и был приказ по бригаде, разрешающий участникам репетиций участвовать в них. Спросил я его, желает ли он на самом деле участвовать. *Без них я повесился бы*. Вскоре я заболел: простуда и паралич лицевого нерва.

8. Германия

1. Вылечили, а затем отец (в ту пору подполковник в Германии, см. п. 1.6) перетащил меня в Группу советских войск в Германии. Подлечился я в госпитале в Потсдаме. Приходил к другому пациенту немец-массажист, тот его подкармливал. Не знаю, как это разрешалось: в Берлине врачам-немцам было запрещено принимать советских военных.

Неожиданно встретил своего дядю Яшу, глазного врача. Он работал в этой же больнице, был майором медицинской службы. Рассказывал, что приходилось ему подбирать очки высшим военачальникам, а также какому-то крупному немецкому чину. Того арестовали, очков он, видимо, не смог взять с собой. Провели следствие, а он читать своё дело без очков отказался. Попросили дядю подобрать, хотели дать переводчика, но дядя от помощи отказался. Мы встретились с ним и с его женой, чудесной женщиной, тётёй Машей, в Челябинске (п. 5), куда они успели удрать из Витебска. Она была медсестрой, долгое время работала в железнодорожной поликлинике и за выслугу лет была

награждена орденом Ленина (да, был какое-то время такой порядок, особое поощрение железнодорожников).

Вышел я из госпиталя, и оказалось, что офицеры моей специальности не были нужны, и меня демобилизовали как малопригодного к строевой службе. Ошибки не было: на протяжении многих лет перенёс паралич ещё несколько раз, хорошо, что не остался с перекошенным лицом. Да и не был я на своём месте, мог бы успешно служить разве только на штабной работе, да и то вряд ли.

2. Успел посмотреть на Берлин 1946 года. Надписи на покалеченном Рейхстаге, штабеля кирпичей посреди более широких улиц от разобранных домов, полуголодные немцы с рюкзаками ... Метро называли не *U-Bahn*, а полностью, *Untergrundbahn*, а автобус был не *Bus*, а *Omnibus*. Надпись *Хлородонт* на вагоне метро показалась мне чуть ли не кощунством. Туалет на каком-то вокзале назывался *Аборт*, а легковая машина – ПКВ (*Перзоненkraftwagen*). В нацистской Германии иностранные слова по возможности изгонялись и латиницу заменили готическим шрифтом.

На улицах громадные плакаты с переведёнными словами Сталина:

Гитлеры приходят и уходят, а народ немецкий остаётся. Благоразумно упустили и *немецкое государство*. Стоял я на трамвайной остановке, слышу говорит немец кому-то:

Света нет (перебои были), *а ратуша горит днём и ночью*. А помещалась в районной ратуше советская комендатура. Приходилось дорогу спрашивать, и каждый раз отвечали многословно и поэтому плохо понятно. Но вот один раз ответила мне немка чётко и коротко, так я на неё с подозрением уставился. Потом дошло: офицерская жена, немка по образованию. Заулыбался, говорю *Данке шён*, она тоже улыбнулась, поняла, что я её распознал, отвечает: *Битте шён*, и расстались мы, друг другом довольные.

Немецкого языка наши военные, если и знали, то только немного. И вот какую фразу будто бы выдал какой-то солдат:

Эй, хозяйка, дер корова в огород ушла!

Вспомним пушкинского героя: *Я не могу dormire в потёмках*.

3. Объявление в газете:

Вдовец 53 года, беспартийный (т. е. не нацист), *полностью разбомблённый, желает познакомиться ...*

Оттуда же: В день рождения Гитлера, в 1946 году!, кто-то послал ему поздравительную открытку, и почтальон, топтавшийся у развалин Имперской канцелярии, пытался её вручить. Вот немецкая дотошность! А посмотрите сейчас: стоят у светофора, зелёного света ждут, а машин и за километр не видно. Сгинул Гитлер в 1945 году, и отправили его челюсть в Москву для окончательного опознания трупа. Несколько дней до отправки челюсть хранила военная переводчица Елена Ржевская, она же – моя двоюродная сестра, Лена Каган. Рассказывала, что пришлось ей допрашивать пленного офицера – эсэсовца. Тот молчал, и она спросила:

*А Вы знаете, кто я?/Да, конечно, Вы – молодая, красивая ...
Я – еврейка.*

Взорвался эсэсовец: *Всё расскажу, только уберите её от меня!*

4. В Берлине – четыре сектора оккупации, но мне, офицеру, можно было пешком попасть куда угодно, а вот нескольких русских женщин наш патруль при мне задержал в одном из западных секторов. Они ко мне обратились за помощью, а что я мог сделать? Сказал им, что и вообще должен был бы помогать патрулю. Уж наверное ожидало их расследование и может быть отправка в родную страну, если не что-либо похуже. Поезда метро из советского сектора не выезжали и из западных секторов в эту зону не въезжали.

В транспорте ездили наши военные бесплатно, и так было во всех освобождённых странах. Но слышал я, что кондуктор трамвая в Бухаресте как-то попросил двух солдат заплатить за проезд, они же ткнули пальцем в табличку: *Одесса, такой-то завод* (и уж наверное что-нибудь устно добавили). Тот замолк.

Был с отцом в Потсдаме, на одном частном домике видел плакат *Еврей*, но усомнился: не навредит ли сам себе этот человек? Отец нанял немца-водителя, но в основном сам водил свою машину (*Опель-кадет*, будущий *Москвич*), права получил в 1915 г., подписал их какой-то князь. Документ, к сожалению, не сохранился. Водителя отец, старший офицер, подыскал через биржу труда, что, наверное, было неслыханно.

5. В училище на автодело нам отвели всего несколько часов теории и может быть полчаса вождения, так что я не смел садиться за руль. В 1991 г., перед выездом в Германию получил права, – на всякий случай, – но они мне негодились, да и не в тот день недели я родился, чтобы машину водить (вспомним мою боязнь паровозов!).

Помню, начал я тогда изучать устройство автомобиля, читаю: *ступица*. А что это? Бросил читать. Не уверен, что хоть раз видел толковое объяснение устройства и работы, ну, хотя бы современного телефона. Здесь, например, фирмы экономят на этом копейки, теряют многое. И бывает, что приложенное описание относится к какой-то иной модели купленного товара. Дориан, соученик мой по англо-американской школе, уверял меня, что переводы многих инструкций по военной технике на английский язык оказались непонятными, но что спохватились слишком поздно. А были ли понятны сами оригиналы? К тому же, небрежно написанные тексты морально тяжело переводить.

9. Геодезический институт

1. И вот я дома. Не разобравшись толком в себе, поступил в Московский институт инженеров геодезии, аэрофотосъёмки и картографии (МИИГАиК), бывший Межевой. Ну, как же, я ведь топограф, хоть только артиллерийский! Один из студентов, Юра Райныш, по имени и виду украинец, на самом деле – еврей, побывал в плену, был репатрирован. В плену дрожал постоянно, боялся, что кто-нибудь выдаст. Дознавали наши родные органы: как выжить удалось?

Побывал бы на моем месте хоть сутки, прочувствовал бы.

Вспоминаю многих знающих и добросовестных доцентов, – А. И. Дурнева, П. С. Закатова (будущего директора института, тогда ещё не было ректоров.), Б. Н. Рабиновича, Д. С. Шеина, А. А. Изотова, ближайшего помощника Ф. Н. Красовского (о нём ниже), – и профессора В. В. Данилова, руководителя моего дипломного проекта и любителя женского пола.

Слышал, что жил Изотов где-то в Москве на птичьих правах, увидел в институте объявление: требовался дворник, предоставлялась *жилплощадь* в ведомственном доме, во дворе института. Он и напиши заявление: примите меня, успею и тут и там. Как, что? *Жить негде*. Конфуз! Дали жилплощадь ему (уж наверное не ахти какую), очень долго *на ней* и прожил. Отнеслись к нему по-человечески: работы дворницкой от него не потребовали!

Особую силу имел великий идеолог, завкафедрой геодезии профессор А. С. Чеботарев (1958, с. 579):

Его (Птолемея) система держала в духовном плену человечество в течение 14 веков.

Он был грозой для соискателей учёных степеней. Доцент Г. В. Багратуни (позднее – редактор переводов трудов Гаусса по геодезии) заметил, что в книге Идельсон (1947) – алгебра, а у Чеботарева – арифметика. Да, безнадежно отстал Чеботарев: не признавал математической статистики, не терпел тех, кто пытался её внедрять, о чем мы не догадывались. Чеботарев (1951, с. 8 – 9; 1953, с. 24) заявил, что выражение *вероятность описывается законом* неприемлемо: указал же Маркс, что мир надо изменить, а не описывать! Даже по советским меркам был это перебор изрядный.

2. Собственно уже в 1947 г. прошла как бы предварительная кампания против низкопоклонства перед Западом, и одной из её жертв (не очень, правда, пострадавшим) оказался В. И. Романовский. Резолюция (Совещание 1948) с одобрением сообщила, что он *признал свои прежние идеологические ошибки*, – хвалил Карла Пирсона, главу английской биометрической школы, которого Ленин назвал врагом материализма. Этим-то и воспользовался Чеботарев, хоть и не сразу: в 1951 и 1953 гг. опубликовал статьи, содержащие бессмысленные обвинения против него; одно из них мы привели выше.

Не знал, правда, Чеботарев, что Пирсон (1978, с. 243) заявил, что Петроград

По какой-то непостижимой причине был назван по имени человека, который практически разорил его.

Был Романовский основателем ташкентской математико-статистической школы, труды которой высоко оценил Колмогоров. Там, в Ташкентском университете, он работал с момента его основания в 1918 г. до своей смерти (1974), стал деканом физико-математического факультета (1937) и депутатом Верховного Совета Узбекской ССР (1938). А в 1929 г. написал Р. А. Фишеру, с которого математическая статистика стала по сути отдельной дисциплиной, из Парижа (Шейнин 2008b, с. 374):

ГПУ (предшественник КГБ) – самое ужасное и влиятельное учреждение в нынешней России.

В 1981 г. ректор института В. Д. Большаков, ставший заслуженным деятелем науки и техники (о нём речь ещё впереди), отметил 100-летие со дня рождения этого динозавра. Его превознесли в восьми докладах (*Изв. Вузов. Геодезия и аэрофотосъёмка*, 1982, № 6), сам же Большаков в соавторстве с умным карманным евреем Ю. И. Маркузе представил Чеботарева чуть ли не ближайшим последователем Гаусса в теории ошибок. Я сам несколько раз честно пытался найти хоть что-то полезное в чеботаревском *кирпиче* (1958, 605 страниц), но выносил лишь отвращение, юбилей же нужен был для прославления МИИГАиК и, конечно же, себя, Большакова, любимого.

Именно в этом кирпиче я и нашёл отвратительное и глупейшее высказывание о Птолемею (см. выше). И там же, на с. 3, Чеботарев *с сожалением* отказался от рассмотрения теории относительности и квантовой теории, – объёма ему не хватило! Спаслись эти теории от сокрушительного разгрома!

В 1978 г. в таком же формате отмечали в МИИГАиК столетие со дня рождения Красовского, так это было уместно и достойно. Но вот Чеботарев? В красный угол коня с копытом, и туда же – рака с клешней!

Была в институте военная кафедра, на втором курсе один день в неделю полностью занимало военное дело, – военная топография. Меня освободили. Основы марксизма-ленинизма читал искалеченный доцент Шеенсон, бывший, как он сказал нам, начальником Чеквалапа (Чрезвычайной комиссии по снабжению армии валенками и лаптями). Пришли в Англии лейбористы к власти, он сказал нам: ничего не изменилось, для изменений нужны пушки и пулемёты. Вот коммунистический путь крови и гражданских войн! Преподаватель политэкономии попытался представить товарно-денежные отношения по Марксу в виде уравнений, но у него ничего путного не получилось. Впрочем, сама попытка была похвальна.

Начались передачи на русском языке из Англии, глушить их ещё не могли. Кто-то с той же кафедры заявлял: глупости страшные передают, но конкретно ничего не пересказывал: пропаганду враждебных идей могли приписать.

3. На старших курсах мы в основном имели дело с кафедрой высшей геодезии, т. е. с триангуляцией, фигурой Земли и прочими высокими материями, и в общем-то громадная советская триангуляция уравнивалась вполне разумно, хоть и без привлечения математической статистики. Корифеем оставался член-корреспондент АН Феодосий Николаевич Красовский (*Святой Федос*, как его уважительно прозвали), который, однако, лекций уже не читал. Геодезист по образованию, он изучал математику и физику в Московском университете и астрономию в Пулково, в 1916 г. стал профессором будущего МИИГАиК. Он разработал чрезвычайно целесообразную схему обработки всё разрастающейся советской триангуляции, был пионером широкого применения гравиметрических измерений, определил

наилучшие для того времени параметры геометрического тела (эллипсоида вращения), представляющего реальную фигуру земли, – *эллипсоида Красовского*, – воспитал многих выдающихся геодезистов, да и крупнейший учёный в области гравиметрии и геофизики, М. С. Молоденский начинал своё обучение при участии Красовского.

4. Был официальным членом Балтийской геодезической комиссии от СССР, стал и её председателем. Но время было страшное, начался Большой террор, боялся, видимо, Верховный пахан утечки информации, и отстранили Красовского от членства в Комиссии, а затем под надуманным предлогом СССР вообще вышел из неё.

Вспоминаю практику по астрономии во дворе института, на старинной астрономической площадке. Подробности не важны, но было мне гордо и приятно, что звезды проходили через сетку нитей окуляра моего инструмента точно в предвычисленные мной моменты.

Почти вся геодезия существенно опиралась на Гаусса, Бесселя и Гельмерта, и борьба с космополитизмом в 1949 г., как мне кажется, не была у нас слишком сильной. Но вот, будучи дипломником, захотел я хоть взглянуть на иностранные журналы по специальности, и пришлось мне испрашивать особого разрешения. По поводу этого очередного сталинского прижима отец вспомнил вопли обезьяньей стаи из Киплинга:

Мы великие. Мы свободные. Мы замечательны. Мы самые замечательные создания в джунглях. Мы все говорим это, а потому это правда.

Дошло ведь до того, что французские булочки стали называться городскими, английские булавки потеряли своё прилагательное, а хала стала плетёнкой. Готовился Сталин к холодной войне (только ли к холодной?), настраивал народ против внешних врагов, на дыбы поднять хотел нищую, голодную, обескровленную им самим страну.

Не знаю, читал ли Беранже *Мудрый, родной и любимый*, но неуклонно следовал его совету:

Смотри, дружок, Начав прыжок, Не прыгай вполювину!
И каждый прыжок сеял смерть. Умрёт один – трагедия, сгинет миллион – всего лишь статистика ... Прыгал и Мао, но о Великом Кормчем мне писать не с руки.

Прыжки начались рано: лихорадочные коллективизация и индустриализация, разоблачение первых врагов народа (впрочем, ничем не отличались от них сотни тысяч изгнанных со своих мест зажиточных крестьян, кулаков). Раскулачивание вряд ли сильно взволновало городское население: ведь в голодные годы крестьяне наживались за его счёт. Это мнение моего брата, Леонида.

Спешил Сталин, в 1931 г. заявил:

Мы отстали от передовых стран на 50 – 100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в 10 лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут.

Читай: либо мы их не сомнём. Эх, Ямщик, не гони лошадей, ведь ты их и так чуть не угробил! Мечтал Сталин (вслед за Лениным) о мировой революции, а на самом деле помышлял Международный Паханат учредить!

5. Антисемитизм к тому времени взошёл уже вполне, постарались и немцы на захваченных землях, да и сам Сталин присоединился. Но вот наступление на внешних *врагов* неизбежно привело к небывалому всплеску антиеврейских настроений. Зачем, мол, искать врагов за бугром, они ведь среди нас самих окопались ... Подобное было в средневековой Европе: отправлялись крестоносцы освобождать от неверных гроб господень, но по пути не забывали и о внутренних неверных, грабили и убивали евреев.

Когда-то Маяковский написал (напрасно похерив Антанту):
Антисемит Антанте мил./Антанта – сборище громил.

Вот песня, ставшая почти народной:

*Я другой такой страны не знаю,
Где так вольно дышит человек!*

И даже еврей вольно дышит? Любопытно, что музыку большинства таких патриотических и успешно-таки затемнявших страшную действительность песен сочиняли композиторы-евреи Блантер, Покрасс (но не Дунаевский, сын и внук которого много позже сбежали на Запад), нередко притом используя отрывки из впитанных с молоком матери еврейских мелодий – колыбельных, свадебных ...

10. Работа. Университет

1. Кончил я институт, был направлен в Московское аэрогеодезическое предприятие (об аспирантуре для еврея и речи быть не могло), затем преподавал в Московском топографическом техникуме. Получили мы там высокоточные теодолиты, и студенты работали с ними по-настоящему, в полном соответствии с инструкцией по триангуляции 1-го класса. Установили в концах физкультурного зала (был он на первом этаже) кирпичные столбы, как-то укрепленные в земле, на них студенты ставили теодолиты и измеряли углы, кажется между какими-то штрихами на стенах. Измерения они записывали только чернилами, зачёркивать что-либо категорически запрещалось. До сих пор горжусь этой своей работой, ведь подобной практики даже в МИИГАиК не было. Летом измеряли мои студенты углы городской триангуляции, но уже не со мной. На собрании после окончания работы один студент сказал, что ничего нового они там не узнали. *Как ничего? А переменные внешние условия?* Да, вот этого я никак не мог в физкультурном зале создать.

Зацепиться в техникуме мне не удалось, работал затем в каких-то проектных институтах на малоинтересных полевых изысканиях. Занимался как-то простыми геодезическими работами под Москвой, на территории госдач. Одну из них в просторечье называли дачей Калинина, но при мне никого высочайшего, кажется, не было. Перед началом работ поехал

туда заводелом изысканий Н. К. Набоко уточнять что-то, меня с собой взял, хоть был я совсем не нужен. Потом объяснил: хотел, чтобы они на меня посмотрели.

2. Было это зимой 1952/1953 г., и удивительно, что меня допустили туда. Время настало страшное, наступило *дело еврейских врачей*, будто бы отправивших на тот свет некоторых вождей народа. На улице надо было хорошенько подумать, прежде чем дорогу спросить, а приходящие в поликлиники отказывались идти к врачам-евреям. Более серьёзного не знаю, но о самом страшном впоследствии многие рассказывали. Вот-вот должны были всех евреев, по меньшей мере из крупных городов, вывести в Еврейскую автономную область. Была, была такая, и сейчас она есть, на Дальнем Востоке. Когда-то переехали туда многие евреи, становились колхозниками, а сейчас население почти сплошь русское. Так вот, слышал я неоднократно, что уж построили там бараки для нас (негодные даже для солнечной Грузии), и будто бы сказал Сталин своим тонкошеим (как сказал поэт) подручным: – *Не хватает барачков? Так ведь не все доедут!*

Произойдут уж наверное *стихийные* погромы ...

План был прост. Всенародно повесить этих врачей (кто же сомневался в их гнусной деятельности?), а затем спасти нас от озверевших толп, отправив в Еврейскую автономию. Ну, а если американцы посмеют вмешаться, то вот и предлог для войны.

Некоторые авторы отрицают существование плана переселения (а точнее, уничтожения) евреев. Они ссылаются на отсутствие подтверждающих документов, но неизмеримо важнее, что официального отрицания подобного плана так и не было. И вот будто бы был. Дворничиха разговаривает с евреем, жильцом своего дома:

На твою площадь уже ордер выписали. – Так ведь я тут живу. – А ещё говорят, будто ваша нация умная.

Заехал как-то сам Брежнев в Еврейскую автономную область, встречало его местное начальство. Прочёл об этом в газете, и были в ней опубликованы слова приветствия:

Брежнев нам брат, а Голда Меир не сестра.

Против тамошних евреев Брежнев вряд ли был настроен, а вообще-то вспомнил я: *Брат мой, враг мой* (заглавие книги Митчелла Уилсона 1994 г.). Был брат у Кагановича, нарком. Сталин вдруг сообщил главному Кагановичу, что его брата арестуют. И что же? *Если надо, арестовывайте!* Не *если виновен*, а *если надо!* Жена брата просила главного помочь, он же заявил, что его брата зовут Сталин! Погиб брат, а почему? Пахан доверял только самому себе, остальных вот такой звериной азиатской манерой проверял. Главный Каганович проверку выдержал с честью, ну, а брат? Так ведь Сталин был ему братом!

Но почил в бозе Диктатор как раз вовремя! И в тот самый день приехал я в командировку во Владимир, в вагоне поезда проводница плакала. Но гнусных врачей выпустили (хотя один из них умер в тюрьме). Покойная жена брата говорила о своём родственнике, связанного с *органами*, который жил в те годы где-то на Кавказе, но потом сумел отойти в сторону. Так там

ежемесячно должны были оформляться уголовные дела на столько-то человек, притом на столько-то интеллигентов и евреев. Все эти числа менялись от месяца к месяцу, но как именно, она не сказала. *Плановое хозяйство!* Сам слышал, что частенько эти задания перевыполнялись: местные самодуры проявляли рвение, иногда сами и попадали в мясорубку.

Отец покойной родился в Балтиморе, а стал паспорт получать – место рождения *Балтийское море!* Начал этот желторотый птенец протестовать и добился-таки истины, понаделав себе неприятностей. Он, может, там не только пелёнки пачкал!

Для издательства геодезической литературы перевёл я две книги: одну – с болгарского (см. п. 7.2), другую – с английского (Бомфорд 1952). Написана она была на хорошем уровне, но всё же нашим геодезическим стандартам не вполне соответствовала. Повозиться пришлось мне с ней изрядно.

3. Работая в очередном проектом институте, занимался на этот раз серьёзными вычислениями, в том числе триангуляции 2-го класса. Было нас человек 20, в основном студенты из Московского института землеустройства, все работали в поле, я один вычислял, оставаясь в грязной и бедной татарской деревне. У многих татар были чисто русские имена. Их предков, оказывается, загнали в местную речку и разом всех окрестили.

Был у нас и хозяйственник, бывший полковник и бывший Герой Советского Союза. За что его лишили этих званий, я не знаю (хорошо ещё, что на работу приняли), но подал он жалобу Хрущёву и месяцев через десять её уважили.

Рассказывал о своей службе на Дальнем Востоке. Тамошним офицерам в течение долгих лет запрещалось даже на короткое время возвращаться по личным обстоятельствам в Европейскую часть страны. Многие, как он продолжал, спивались, некоторые стрелялись, но цель была достигнута: боевая подготовка воинских частей оказывалась отличной. Это – опять же на совести рассказчика.

А во время войны пришёл к этому (видимо, будущему) полковнику сотрудник Смерша, просит разрешения арестовать двух солдат, надо будет, говорит, их обоих расстрелять. Сказал, мол, один из них другому:

Сталин в сапожках, а Ленин-то в ботиночках ходил. – Посмей только подойти к ним, я тебя сам расстреляю.

Повидал полковник знакомого из Смерша рангом повыше, и того, ретивого идиота, куда-то перевели. Но хоть внушение сделали ли ему? Про ленинские дела, даром что в ботиночках ходил, почти все, конечно же, забыли, но интересно: какую обувь носили другие достойные сыны человечества, от Робеспьера до Пол Пота? Ещё рассказал полковник, что перед офицерским строем расстреляли врача, который семь или восемь раз отставал от эшелона, шедшего к фронту.

Смерш (1942 – 1946), *Смерть шпионам!* Так Сталин назвал объединение трёх армейских служб контрразведки.

4. Тогда же я поступил заочно на мех-мат МГУ. Ну, не чувствовал я себя в своей тарелке, хотел что-то понять, и прежде

всего – теорию вероятностей, которая геодезисту-вычислителю ближе других математических дисциплин.

Первые два курса всё шло хорошо, я по своему геодезическому диплому начал даже преподавать математику в вечерней школе, а потом в Московском пищевом институте, хоть и с почасовой оплатой. Директор школы рассказал нескольким учителям, в том числе и мне, о своей командировке в период гражданской войны. Было ему тогда 18 лет. Дату командировочного удостоверения поставили неверно, он же этого не заметил. Но заметил какой-то патруль, и сунули его в подвал к сомнительным или в чём-то виновным людям. Одного за другим их вызывали и расстреливали (другие исходы Петров отрицал), вызвали и его. К счастью, он вспомнил, что его фамилия слишком распространённая, спросил: *а имя и отчество?* Не тот Петров понадобился ...

Был я в Пищевом институте и в приёмной комиссии. Сдавала математику одна девчушка, но заявился директор института, и встрял:

Чему равен тангенс 90 градусов? – Не существует. – Нам такие студенты не нужны.

И удалился с чувством выполненного долга. Принимать экзамены в те годы должны были двое, и мы на это заявление не обратили никакого внимания, да ведь надо нам было так и сказать ей!

5. Пришлось мне иметь дело со студентами-иностранцами, – монголами и китайцами. Первых было несколько, всех их надо было бы прогнать. Разговорился как-то с деканом их факультета, он и говорит: *Блат и у них есть.* Да, говорили тогда, что блат выше наркома. А вот китайцы – совсем другое дело, и то же мнение слышал от других преподавателей. Двое у меня было, спрашивают как-то: – как узнать, расположена ли некоторая точка ниже или выше данной плоскости? Для того времени хороший был вопрос, и достойно было, что решили его выяснить. Года через два, как я случайно узнал, оба по решению своего посольства (или Пекина?) перешли в авиационный институт.

Позже, в МИНХ (см. п. 13), узнал я про студентов-африканцев. Некоторые из них (про всех не скажу) были не лучше монголов, и наши собственные студенты, видимо, плохо относились к ним. Видел надпись на парте:

Его сняли с пальмы и отправили в МИНХ – СССР.

Жили они лучше наших студентов, тепличные условия им создавали, – так удивительна ли такая неприязнь?

Занимался в Пищевом институте и частной практикой, готовил к поступлению. Было несколько грузин, тоже своего рода монголы почему-то попадались. Спросил одного, хотел его воодушевить: слышал ли он о Мухелишвили (крупный грузинский математик), а он неуверенно:

Это тот, который ударник в таком-то ансамбле?

Совсем я разочаровался.

6. А в МГУ преподавали у нас знающие и умелые доценты: Вайнштейн (оставшийся без обеих ног после бомбардировки

здания МГУ, во время которой он должен был пожары тушить), Моденов, Окунев. Основы марксизма-ленинизма мне зашли, но неприятно мне было, что на их лекции отвели лучшие воскресные утренние часы. Политэкономия почему-то заставили сдавать, и помнится, что были у меня тут какие-то трудности. Одну мою письменную работу забраковали, я пожаловался в деканат. Наш замдекана ознакомился и с моим опусом, и с рецензией на него, сказал, что и то, и другое неважное. Что дальше было – не помню.

Но вот с теорией вероятностей получилось скверно: я просто не понимал какой-то сути и сумел разобраться только много позже, когда начал заниматься её историей. Лекций у нас было очень мало, и упор был на математическую сторону, а вот методическая часть этой теории оставалась в загоне. А затем вышло ещё хуже: я слишком поздно понял, что на нас, заочников, почти махнули рукой и хотели в наших дипломах указывать *учитель*. Это формальное решение удалось преодолеть, но я, по крайней мере, окончив университет, даже и не знал, что современная математика в большой части осталась вне нашего официального учебного курса: о функциональном анализе я и не слышал.

Заочное отделение мех-мата вскоре прикрыли; действительно, оставаясь на обочине факультета, слишком трудно было стать полноправным математиком. Но несколько известных мне заочников стали хорошими специалистами-механиками, устроились в *почтовые ящики*. Один из них увидел меня и отвернулся. Негоже, видимо, было ракетчику или схожему по *государственной важности* специалисту здороваться с евреем.

Не знаю как сейчас, а тогда почтовыми ящиками в просторечье назывались закрытые учреждения и заводы. На обычных письмах от них и к ним так и указывалось: город такой-то (обычно неверный), почтовый ящик номер такой-то. Номера эти то и дело перетасовывали или ещё как-то меняли, *чтобы запутать шпионов*, и тогда некоторое время, как говорили, сами с трудом выпутывались.

Были среди моих знакомых и двое очень толковых математиков. Один, видимо, заслуженно приблизился к Понтрягину (такому же антисемиту, как Шафаревич), о другом (Чирикове) позже.

7. После долгих мытарств устроился я в Институт научной информации, в сектор *Геодезия*, занимался там редактированием рефератов по обработке измерений для одноименного реферативного журнала. Взяли меня в отсутствие зав. отделом *Астрономия и геодезия*, проф. К. Ф. Огородникова, который потом выразил своё недовольство: приняли, мол, еврея (хотя сам лично он вряд ли был антисемитом). Помогло мне знание языка и даже языков (немецкий оказался нужным!), и зав. сектором, покойный доцент МИИГАиК А. В. Кондрашков, рискнул: нужен был ему и знающий математику, и англичанин (переводчик Бомфорда!), притом в едином лице, притом он знал меня ещё студентом.

Огородников тоже был совместителем. Жил и работал в Ленинграде, к нам приезжал ежемесячно на несколько дней (уж наверное не за свой счёт). Рассказал с подковыркой, за что уже не сажали, как следует по законам социалистического реализма рисовать портрет одноглазого человека. Пририсовать второй глаз? Нет, так всё-таки нельзя. Надо в профиль. Со стороны утерянного глаза? Нет, это противоречит нашей действительности. Со стороны единственного глаза! И вот он же: как следует комментировать спортивные состязания. Забег двоих; американец бежал изо всех сил, но занял лишь предпоследнее место, а наш спортсмен был в хорошей форме и пришёл вторым.

Учёным секретарём отдела была Л. Н. Радлова, родом из Ленинграда, какой-то, я бы сказал, петербургской культуры. Наткнулся я в своих исторических изысканиях на Э. Л. Радлова, философа и редактора влиятельного *Журнала Министерства народного просвещения*. Захотел сделать ей приятное, упомянул его (кажется, была она его внучкой), она же сразу в защиту:

Да, он был идеалистом, а не материалистом, так ведь в то время ...

Ей, видимо, уже напоминали о деде и неприятным образом. Она же была родственницей режиссёра С. Э. Радлова, сына Э. Л.

Небесной механикой ведал Б. М. Гельфгат, заядлый альпинист. Погиб где-то в горах совсем молодым.

Работала в нашем секторе В. И. Синягина, толковый и добросовестный сотрудник. Её брат занимал весьма высокую должность видимо в Министерстве сельского хозяйства, потому что она рассказывала, что возражать против хрущёвской кукурузной компании было слишком опасно: можно было остаться без работы. Кто не знает, объясню: решил Хрущёв, побывав в Америке и досконально, как ему показалось, освоив тамошний опыт, что надо кукурузу возделывать повсюду, чуть ли не до районов вечной мерзлоты, и трудно сказать, во что обошлась стране его царственная глупость. Хотел он американцам *кузькину мать показать*, обогнать их по сельскохозяйственному производству. Хотели как лучше, получилось как всегда (выражение покойного премьера Черномырдина).

Чувствовалась в Хрущёве какая-то *сермяжная правда*. Был болтлив и вёл себя, как слон в посудной лавке, вот только лавкой оказался для него весь мир. Он ведь не только с кукурузой беды понаделал; не только стучал туплей по барьеру в ООН (так что выражение про слона можно было бы продолжить: *или как Хрущёв в ООН*), он привёл мир к грани ядерной войны (карибский кризис).

8. Полузабыта история крупномасштабных валютчиков (*фарцовщиков*) Рокотова и Файбишенко. Скупали они валюту (видимо, у мелких фарцовщиков), кому-то продавали, милицию московскую подкармливали. Узнал случайно Хрущёв из иностранной прессы (видимо, кто-то подсказал), что есть в Москве чёрный валютный рынок, приказал покончить с ним. Он,

возможно, был более всего раздражён тем, что об этом рынке узнали за рубежом, хотя вряд ли там были особо удивлены.

Арестовать пришлось этих двух, судить их, приговорить к срокам. Ну, нет! Слишком мягко, и теперь приказал Хрущёв изменить подходившую статью Уголовного кодекса. Изменили, предусмотрели смертную казнь, судили вторично, приговорили Рокотова и Файбишенко уже к *высшей мере пролетарского гуманизма* (Войнович) и расстреляли, нарушив основную юридическую заповедь: *закон обратной силы не имеет!*

Возмутился мир, а дорогой Никита Сергеевич *слушает, да ест!*

А ещё обещает он нам, своим возлюбленным чадам: *Будете, будете жить при коммунизме*, – и сам сгоряча поверил себе.

Дайте, дети, время, дайте, дети, срок, – сдался вам этот Рокотов, – *Будет вам и белка, будет и свисток ...*

Чёрный рынок был неизбежен. Слышал историю, правдоподобно звучит. Решил Сталин определить разумное соотношение рубля к доллару, дали задание трём ведущим экономистам. Поднатужились бравые молодцы, заявили: доллар стоит 6 руб. 60 коп. Сообщили Сталину, тот скомандовал: доллар равен 66 копейкам! Ясно показал, что идеология в десять раз важнее экономики. Было его соотношение особо неблагоприятно для иностранных туристов, так ведь они нам не нужны, даже вредны: охранять требуется наших граждан от тлетворного влияния ... А валюта? Ну, есть же зэки, есть лесоповал, даже лесопильные заводы не нужны, без них проще.

А что это такое – коммунизм? Наивную ленинскую формулу (*Советская власть плюс электрификация...*) давно уж забыли, появилась новая, в Программе КПСС 1972 г. (БСЭ, т. 12, 1973, статья *Коммунизм*), она же – развёрнутая старая: *От каждого – по способностям, каждому – по потребностям*. Следовало ещё добавить: у каждого крылышки ангельские за спиной вырастут ...

9. Другая сотрудница, А. В. Зенина, ведала фотограмметрией. Была она российской немкой, по-немецки говорила свободно, хоть писала с ошибками. Работала в Китае и Совете экономической взаимопомощи социалистических стран (СЭВ). Китайской въедливостью, желанием всё выяснять досконально, восхищалась. СЭВ (1949 – 1991) был создан в противовес Европейскому экономическому сообществу. По какому-то случаю пригласила чешская группа тамошних сотрудников своих советских коллег в своё посольство – ни один не пришёл. Через некоторое время приглашение повторили, на этот раз в письменном виде – и снова никто не явился. Рассказывала это Зенина будто о моральной победе над чехами, но вряд ли можно сомневаться, что решение об отказе было принято где-то наверху. Посещение иностранных посольств оставалось привилегией особо *благонадёжных*.

Был у нас литературный редактор, Л. Г. Ефанов, пришёл из редакции 2-го издания Большой советской энциклопедии. Работали они там в особых условиях, под крылышком *Высокого дома*: корректуру держали столько раз, сколько хотели, – пока опечаток совсем не окажется. Не слышал про этот дом? ЦК

партии, ума, чести и совести нашей эпохи, там размещался. Рассказывал Ефанов, что статью *Сталин* (разумеется, вместе с соседними) они могли бы раньше включить, но на всякий случай отложили её до следующего тома. Не сомневаюсь, что говорил он правду, но что-то напутал: статья эта начиналась на с. 421 в томе 40 (ноябрь 1957 г.), так не могли же они растянуть том 39 (март 1956 г.) ещё на эти 421 страниц. И появилась статья с портретом на всю страницу и умеренной критикой, – жалко, что не в 1956 г., когда дышалось намного легче.

И про знаменитую фотографию рассказал: Ленин со Сталиным в благодушном настроении на скамеечке сидят:

*Папа Фиттих рядом с мамой/Мама Фиттих рядом с папой,
На скамеечке сидят/Вдаль задумчиво глядят...*

Прислали им в редакцию БСЭ эту фотографию, вежливо попросили опубликовать. Тот, кто ведал снимками, захотел на негатив взглянуть, как и положено было. Ему что-то наврали, он заартачился и ... исчез. На самом деле Ленин сидел на этой скамейке один, Сталина же умело добавили. Так было со всеми прежними фотографиями: их *подправляли*. Тех, кто был впоследствии *разоблачён как враг народа*, заменяли, причём по возможности Сталиным.

Был раньше Ефанов артистом, певцом, что-то случилось у него с позвоночником, но сумел он на новые рельсы перейти. Я у него немного подучился. Узнал, что существуют косвенные падежи, что следует точно различать *обоих* и *обеих* (к стыду своему, раньше не знал этого), что при перечислении, например, отдельных решений в резолюциях собраний или съездов всё должно быть написано в едином ключе, что римские цифры, в отличие, скажем, от французского языка, не *наращиваются*, – не XX-й век, а просто XX век. И вдруг оказалось, что расхожее математическое выражение *ε-окрестность* неграмотно: признавал русский язык только *окрестности*, во множественном числе. Но согласился Ефанов считать наш термин своеобразным и потому допустимым, а в 1969 г., а может быть и раньше, *Орфографический словарь* признал и единственное число.

Раскрыл нам Ефанов небольшой секрет статистов. Они иногда должны потихоньку разговаривать друг с другом, так о чем же? Оказывается, одну и ту же фразу повторяют друг другу: *О чём говорить, когда не о чем говорить?*

10. Нашими соседями были математики, и после своего ухода из геодезии я начал сотрудничать с ними, т. е. с реферативным журналом *Математика*. Были в институте и закрытые подразделения. Узнал случайно, что в одном из них вели картотеку иностранных учёных, хотели, видимо, отделять овец от козлиц, – тех, кто симпатизирует *первому отечеству трудящихся*, от тех, кто находится *в плену гнилой буржуазной идеологии*.

Много было в институте специалистов высокой квалификации, но без степеней, и слышал я, что директор наш, будучи у Президента АН, попросил разрешить повысить им зарплату (меня это тоже непосредственно касалось). *О вашем институте я*

думаю меньше всего. Если и не мог Президент ничем помочь, то отвечать по-азиатски всё же не следовало бы, тем более будучи потомственным интеллигентом. Впрочем, его слова возможно привели неточно.

Вот суть анекдота на ту же тему. У инженера мания величия, мнит себя мясником (продавцом в мясном отделе магазина). Долгие годы мяса остро не хватало. А мой родственник, больничный врач, плакался в жилетку: учился 15 лет, стаж уже солидный, пациентов приходится иногда от смерти спасать, получаю же в два – три раза меньше их, хоть они-то почти все быть может только школу кончили. Без угрызения совести брал подношения (правда, весьма скромные).

Работа меня как математика не могла устроить, но тут подоспели переводы классических мемуаров Даниила Бернулли и Эйлера, опубликованные в английском журнале, и я сразу же ушёл в историю *теории ошибок*. С этого и началась моя научная работа. Из Института научной информации я ушёл: в геодезии мне стало неудобно, да и назревали сокращения.

11. Семинар по истории математики

1. Приняли меня в Плехановский институт народного хозяйства (МИНХ), по знакомству, конечно, но главное – помог Колмогоров и другие математики своей критикой экономистов. Видные специалисты перепугались, захотели подстраховаться и взяли меня, хоть и не в сам институт, а в его лабораторию.

Защитил диссертацию по истории теории ошибок, на стыке геодезии и математики, но оказалось это совсем не легко. В МГУ был у меня диплом по математической статистике, руководил им ученик Колмогорова и будущий член-корреспондент АН, но рано умерший Л. Н. Большев. И всё-таки я оставался как-то между геодезией и математикой, тем более ввиду своей работы в реферативном журнале, и вначале подумывал о защите в МИИГАиК, но решил, что к математике (и математикам) я ближе.

На первый вариант моей диссертации тот же Большев, уже в качестве оппонента, дал отрицательный отзыв (руководителя у меня и в помине не было), и защищать её я не стал. Работал Л. Н. уже в Математическом институте (МИАН), в отделе математической статистики под руководством Н. В. Смирнова, и было у них в отделе принято обсуждать приходящие к сотрудникам диссертации. Большев впоследствии сказал мне, что Смирнов полностью забраковал мою работу, он же возразил: *вполне на геодезическом уровне.*

Работу я переделал, Л. Н. отозвался о ней положительно, и я защитился. Спросил он меня через какое-то время, не обиделся ли я на его первый отзыв, а я честно ответил, что теперь сам бы обеими руками подписался под ним. Вторым оппонентом был Л. Е. Майстров (умер в 1986 г.). В то время я не подозревал, что его знания математики вообще и теории вероятностей в частности были совсем скверными и что иностранных языков он, можно сказать, вообще не знал.

2. О Большеве слышал самые благожелательные посмертные отзывы, и посмертно же вышел том его сочинений. Вспоминается он в основном в связи с составленными Н. В. Смирновым и им самим статистическими таблицами. После защиты своей диссертации я несколько раз приходил к нему, советовался (он безусловно интересовался историей своей науки), Большев же захотел помимо прочих своих дел привлечь математико-статистические методы в геодезию, обсуждал со мной свои предложения. Так, спросил меня, почему бы не применить последовательный анализ и не заканчивать наблюдения на пункте триангуляции как только будет достигнута требуемая точность, ведь именно так, наверное, поступал Гаусс. Ответил: оценка точности по внутренней сходимости ненадёжна, следует учитывать все условия (например, расхождение длин сторон треугольников триангуляции, вычисленных по каждому из двух базисов), а систематические ошибки исключаются лучше, если заранее знать число приёмов, про Гаусса же нам говорили совсем другое (позже выяснил, что говорили верно). Это – пример трудностей работы математика в приложениях. Дед его был военным топографом (что означало: инженером-геодезистом), и удивительным образом подпись у внука была копией дедовской.

Напомню: был Л. Н. и членом редколлегии *Англо-русского словаря математических терминов* (1962), которым я то и дело пользовался, притом с большим успехом. Сказал он мне, что кто-то из работников МИАН предложил ввести в словник словаря термин *русская рулетка*. Выяснив для себя его значение, Большев решил отказаться от него, иначе, мол, нас всех разгонят. Обозначала русская рулетка идиотский выстрел себе в голову из пистолета, заряженного единственной пулей, находящейся *где-то* (в обойме или уже в канале ствола); нечто подобное описал Лермонтов в *Герое нашего времени*. Происхождение дикого обычая точно неизвестно, в англоязычной литературе термин появился в 1937 г. (сведения из Википедии).

3. Многолетним директором МИАН был зоологический антисемит И. М. Виноградов, и в нём же трудился его выкормыш Шафаревич (который умер в 2017 или в самом начале 2018 г.). Про Виноградова слышал два анекдота. Вот первый. Виноградов отказался принять на работу Петрова (наполовину еврей), Иванова (жена – еврейка) и Сидорова (у жены – любовник – еврей). И вот второй. Ингуш (а может быть лезгин) прочёл дельный доклад в МИАНе, его хотят принять на работу.

Нет, хоть он и не еврей, но похож, и мне неприятно будет видеть его.

Он же будто заявил, что мы слишком талантливы и можем всех оттеснить, так что надо нас изгонять.

Новиков (1995), назвал Виноградова доносчиком с 1928 – 1931 гг. и бесплодным с 1930-х годов. До 1932 г. пробыл Виноградов директором Демографического института. Работали в нем выдающиеся статистики (С. А. Новоселов, В. В. Паевский), он же к демографии не прикоснулся. В 1934 г. Президиум АН прикрыл институт: попытки преобразовать его работу на марксистской

основе оказались, извольте видеть, безуспешными (Типольт 1972, с. 98).

Книга Шафаревича (2002) это злобный антисемитский пасквиль самого низкого пошиба. Да, он упомянул об антисемитской политике Советского Союза, но как? Поясню примером. Появилась в продаже *отдельная* колбаса, а на эстраде – пародия на допустимую критику: *в отдельных магазинах нет отдельной колбасы*. Читаем у Шафаревича: отдельной колбасы нет в отдельных магазинах в отдельные моменты ... И вот три примера из его книги. **1)** с. 264. Отделение Катастрофы от потерь других народов *задевает* его *нравственное чувство*. У этого выродка были какие-то чувства? Так ведь они были и у вегетарианца-Гитлера. Он же не приказывал уничтожить евреев, он только сказал *Они должны исчезнуть!*

2) с. 347. В 2000 г. Ариэль Шарон посетил арабскую святыню Аль-Харам (т. е. осквернил её). Эта святыня находится в Мекке, куда *неверные* вообще не допускаются, а Шарон посетил Храмовую гору, третью мусульманскую и первую иудейскую святыню. Академик (да! математик и академик) Шафаревич надеялся, что никто не заметит его обмана. **3)** с. 399 – 401. В Израиле – научная пустота. Для каких же идиотов написал Шафаревич свой зловонный пасквиль?

Году в 1985-м Юшкевич как-то публично сказал, что (для еврея) появилась возможность сотрудничать с МИАНОм – но осталась ли она сегодня? Не знаю.

4. Меня хорошо приняли в семинаре по истории математики на мех-мате в МГУ. Им руководили трое, И. Г. Башмакова, крупный историк математики; К. А. Рыбников, тесно связанный с партийными органами, и, главное, А. П. Юшкевич. Никого из них уже нет. Юшкевич был сыном П. С. Юшкевича, либерального общественного деятеля, хорошо знавшего Луначарского (учёного, большевика, наркома, т. е. министра, просвещения, при котором школа пришла в неопишимо мерзкое состояние), бывшего *меньшевика-ликвидатора*, как его называли в БСЭ (т. 8. с. 100), переводчика классической научной литературы (например, Лейбница). Думается мне, что работал он у себя дома, нигде не числился, потому и оставался на свободе. Сын А. П. – крупный современный математик, ученик Колмогорова, работает в США. Ну, а сам он знал латинский язык, прекрасно говорил по-французски (хотя, как он сам публично признал, несколько старомодно), быть может похуже – по-немецки, читал по-английски (и завидовал моему произношению – хоть в чём-то превосходил я его), обладал почти универсальными знаниями истории математики по крайней мере вплоть до второй половины XIX в., пользовался непререкаемым международным авторитетом, а в Москве с ним сотрудничал и Колмогоров (см. ниже). Да, пострадал: выгнали-таки, кажется, из Бауманского училища, но устроился в Институте истории естествознания и техники (ИИЕТ) зав. *группой* истории математики, потому что не захотело высшее начальство утверждать еврея в действительно высокой должности зав. сектором.

Мне пришлось перевести несколько рукописей Юшкевича, и я бывал у него дома. Один раз пришёл и вижу: расстроен он. Американец, видите ли, высадился на Луне, *обогнали они нас*. Говорю: давно уже в таких случаях местоимение *мы* не употребляю. – *А как же тогда?* – *Обогнали красных*. Он так и не отделил себя от большевиков!

На праздники все пишущие машинки в каждом учреждении сносились в *безопасное* место, чтобы никто не смог тайком напечатать на них *что-нибудь такое* ... И вот пришёл я как-то в ИИЕТ после какого-то праздника, иду к Юшкевичу, а он и какой-то другой сотрудник института как раз заходят в свою комнатку. Увидел он на своём столе пишущую машинку, приподнял, подержал чуть над полом и выпустил из рук. Осталась машинка, кажется, цела, а А. П. сказал: *Пусть не ставят ничего на мой стол*.

5. Приняли, говорю, меня в университетском семинаре хорошо, но добавлю: видимо потому, что никому поперёк дороги не стал кроме Майстрова, но тот не был влиятелен. Подружился с одним из его членов, Михаилом Васильевичем Чириковым, которого знал ещё по заочному отделению мех-мата. Талантливый был математик, вполне мог доктором наук стать, но одолел костный туберкулёз. Преподавал в одном из московских вузов, но болезнь одолевала, работу бросил. Примерно в 1989 г. надеялся каким-то образом получить компьютер из-за рубежа и отдать его на общую пользу историкам математики. Вырос в коммуналке, не мог забыть, как плакали и визжали взрослые мужчины, когда их выволакивали ночами из квартиры в черные воронки (обычно с надписью *хлеб*). Нужна была ему какая-то операция за рубежом, что было несбыточно. Будучи уже в Германии, попросил здешних мормонов-проповедников: нельзя ли помочь человеку? Как я понял, пришли к нему московские мормоны-проповедники, но стали его заодно наставлять на путь истинный, он же заупрямился. Ничего не вышло (я, ведь, тоже не мормон, так они и не захотели свои деньги тратить на иноверцев), и он умер.

6. Другим членом семинара был тувинец Х. О. Ондар. В студенческом/аспирантском общежитии МГУ поселили его со студентами из ГДР, что означало: вполне благонадёжен. Рыбников его явно опекал, руководил же диссертацией Б. В. Гнеденко, главный идеолог теории вероятностей. Опубликовал он несколько статей по приложению теории вероятностей к медицине в середине XIX в. в России, докладывал об этом, и чувствовалось, что с математикой он совсем не в ладах. Затем он разыскал в Петербурге переписку Маркова с А. А. Чупровым (первый – крупнейший математик, второй – столь же почитаемый статистик), опубликовал и её (Ондар 1977), хотя комментарии не смог бы написать без активной помощи Гнеденко, и защитился, но серьёзного ничего больше так и не сделал. И сильно подпортил он важный архивный материал, т. е. совершил научное преступление. Несколько ошибок он пропустил по невежеству, и произвольно вставил отсутствовавшие даты отправления 12 открыток Маркова. Я уверен, что кто-то из архивных работников

напечатал ему тексты рукописных писем, он же если и сверил машинопись с оригиналом, то кое-как. Ксерокопирование в те годы если и было доступно, то не простым смертным. Я впоследствии опубликовал изрядный список исправлений к его книжке (Шейнин 1990/2010, гл. 8). В 1981 г. книгу Ондара опубликовали в английском переводе (на безрыбье и рак пригодился) вместе с его ошибками и, в нескольких случаях, с недопустимой модернизацией негодной терминологии Маркова.

7. Вспоминаю также Ф. А. Медведева, занимался он историей теории множеств, умер в 1990 г. Был принципиален и упрям. Усердно читал литературу, конспектировал её и чуть ли не дословно переводил для себя иностранные источники. Хорошие книги опубликовал, жил для науки, но вот сказать пару фраз, скажем, по-немецки, не отваживался, боялся. Слышал как-то доклад Ф. А. о Канторе. Заявил, что того усердно заманивали к себе *церковники*, и звучало это, будто заманивали его бандиты себе в шайку. Хотел так и сказать, но помешала случайная причина. О божественном в математических сочинениях см. сборник Koetsier & Bergmans (2005).

Предложил ему Юшкевич участвовать в составлении монографии о математике XIX в. (см. п. 19.1), но он отказался: вначале надо, мол, ещё многое исследовать. Вряд ли он был прав: всегда что-то останется.

Кажется чуть позже меня появился С. С. Демидов, доложил об аксиоматическом методе в математике, получил за его публикацию какую-то международную премию. Юшкевич хорошо отнёсся к нему, впоследствии принял его на работу в ИИЕТ. Ещё позже Башмакова одобительно заметила, что в его лице А. П. заранее подготовил себе замену. Да, после смерти Юшкевича так оно и вышло, тянет Демидов на своей шее еле посильный по нынешним временам груз – журнал *Историко-математические исследования*. По какой-то оплошности в отсутствие Демидова журнал ликвидировали, а *преобразователи* Академии Наук его не восстановили (им же виднее!), но он возможно снова начнёт выходить. Кораблестроитель и прикладной математик А. Н. Крылов заметил: чем очевиднее глупость, тем труднее от неё избавиться. Совсем недавно Демидов стал Президентом Международной академии истории наук (им был и Юшкевич).

8. Сам я в своём первом докладе (Шейнин 1965) рассказал об американском математике Эдрейне, который примерно одновременно с Гауссом опубликовал вывод нормального распределения. Никто в семинаре о нём не слышал, и впечатление о докладе было хорошим, хоть математическую часть я скомкал: робел ещё, не смел критиковать авторов, а надо было прямо сказать: достижение было существенным, несмотря на весьма сомнительное обоснование. Позднее я осмелел, стал называть *лопату лопатой* и даже сообщил, что Бессель, этот крупнейший учёный, был также изрядным халтурщиком. Более того, он в 1818 г. почему-то не указал на явное уклонение погрешностей наблюдений от нормального закона, а позднее просто скрыл это

обстоятельство, несомненно пожелав *спасти* свою центральную предельную теорему, нестрого (но в данном случае это не существенно) доказанную в той же статье 1838 г. (Шейнин 2015).

Затем я (2006/2009, с. 114) заметил, что Марков напрасно заявил, что метод наименьших квадратов не обладает никакими достоинствами, притом он тем самым обесценил свою решительную защиту окончательного обоснования классической теории ошибок (Гаусс 1823). Указал я также, что Марков ввёл малозначащую аксиому и решил, что она перевела теорию вероятностей в разряд чистой математики. Было это его попыткой с негодными средствами, к тому же сделанной после появления первых аксиоматических обоснований теории.

Вот ещё пример. Был Гумбель в почёте как известный немецкий, а затем американский статистик, к тому же активный антифашист, едва ноги унёсший из Германии (а потом и из Франции), и за принципиальность его глубоко уважал Эйнштейн. Покопался я в его статьях об СССР и обнаружил, что был он также защитником сталинского режима (впоследствии раскаялся). Дошёл до того, что заявил (1927/1991, с. 159), что в результате революции *сотня миллионов крестьян избавилась от кнута*. А мы-то думали, что крепостное право отменил в России Александр II! А много позже Гумбель признался, что в 1926 г. *не знал, что произойдёт в России под управлением Сталина*.

Обо всем этом см. Шейнин (2003b). Добавлю, впрочем, что тот же Гумбель язвительно заметил, что *истинный символ Советской России* – не серп и молот, а конторские счёты. Будь он советским гражданином, узнал бы на своей шкуре и про другие, более весомые символы.

Много было западных интеллигентов, красных (Арагон, Барбюс) и розовых, так или иначе поддерживавших сталинизм. Наивный Эйнштейн повесил портрет Барбюса в своём кабинете, рядом с портретом матери. Фейхтвангер был одним из трёх редакторов подходящего московского журнала *Das Wort* (1936 г. и позже), другим редактором был Бертольд Брехт. Несколько книг Фейхтвангера было переведено на русский язык, в том числе *Москва 1937*, основанная на беседах автора с ведущими советскими деятелями, включая Сталина. Была в ней, правда, и критика *культы личности* (как позже стали стыдливо писать), и что же? Через некоторое время книгу изъяли из библиотек, а нескольких человек, которые наивно читали её вслух, упрятали куда надо (свидетельство моего однокашника по МИИГАиК Игоря Корнеева).

Назовём и бывшего гуманиста и *Буревестника* (а позднее *стервятника*) революции. Много отвратительных утверждений можно найти у него, например, в брошюре 1922 г. Вот на с. 20: русские

Очень любят бить, неважно кого. Они особо жестоки по своей натуре (с. 17).

И как евреи, бежавшие из Египта, не смогли увидеть землю обетованную, так и *полудикие, глупые, тяжёлые люди* в русских деревнях вымрут, и новое поколение заменит их (с. 43). И в духе

защитника Гулага его описал Солженицын (1974/1989, т. 2, часть 3, гл. 2). Следует, конечно, добавить, что примерно до 1928 г. очень многие считали себя участниками великой миссии, но *Красное Колесо* продолжало укатывать Россию и вдоль, и поперёк, и вымирание *полудиких* (и вообще любых) невообразимо ускорилося. Да и сам Горький, хоть он и продолжал в том же духе, умер, возможно, не сам по себе. Были об этом слухи, к тому же его общеизвестная защита евреев помешала бы грядущей дальнейшей борьбе с космополитизмом (п. 9.1). Имеются косвенные сведения о том, что Горький не верил в виновность Зиновьева, который уже отбывал тюремный срок и не согласился бы с его расстрелом, что было ещё более опасно для Проклятого.

9. В 1937 г. перепись населения насчитала 162 миллионов человек вместо гордо заявленных Сталиным 170 миллионов. Ну, сразу же снизили налоги, сократили срок воинской службы, из Гулага выпустили 2 миллио... Что, поверил? Дурачок! Перепись была объявлена вредительской (Аноним 1937, с. 2, мягкие формулировки), государственную статистическую службу разгромили, многих сослали в тот самый Гулаг, некоторых расстреляли. В 1939 г. перепись повторили, наскребли-таки 170 миллионов ...

Вот прежнее гордое и наивное утверждение:

Наш паровоз, вперёд лети!/В коммуне остановка.

Иного нет у нас пути, В руках у нас винтовка.

Но вот новое, приземлённое, из кинофильма *Путёвка в жизнь* 1931 г.:

Юбку новую порвали/И подбили правый глаз.

Не ругай меня, мамаша,/Это было в первый раз.

В 1990 г. опубликовал я книжечку о Чупрове, основанную на архивных материалах, позже дополнил её (2010), да и перевёл на английский (1996, 2011). Был Чупров видным кадетом (членом конституционно-демократической партии, в которую вошли многие интеллигенты), летом 1917 г. выехал на несколько месяцев в нейтральную Скандинавию, чтобы поработать там в библиотеках, да так и не вернулся. Всю оставшуюся жизнь (умер он в 1926 г.) усиленно и плодотворно работал, но откопал я его памфлет (1919) на французском языке, вышедший, видимо, всего в нескольких экземплярах, а автором был указан его давно умерший отец, *нематематический* статистик. Видимо, Чупров боялся за своих родственников, живших в Москве. В этом памфлете Чупров обвинил Ленина в *жажде власти во имя власти без мыслей о России и русском пролетариате* и в *неизменном равнодушии к судьбам людей*.

Впрочем, это цветочки, а ягодки – в архивном письме Чупрова того же 1919 г. в лондонский Комитет освобождения России. В нём он ратует за активное вооружённое вмешательство в гражданскую войну в России, потому что дело там шло *не о России только, а о судьбах европейской культуры* (Шейнин 1990/2010, с. 26).

12. Экономика и статистика

1. В лаборатории МИНХ (п. 11.1) познакомился я с И. А. Кантор. Её отец сколько-то отсидел, и *поделом!* Группа евреев, ответственных работников московского автозавода ЗИС, захотела, видите ли, Кремль взорвать, туннель под Москва рекой готовилась прорыть. ЗИС что означает? Завод имени Проклятого.

Там же узнал я впервые про халтуру, – вначале про так называемые матричные методы составления планов предприятий. Матрица – это таблица (в простейшем случае – числовая), прямоугольная или в частном случае квадратная, но математики складывают и умножают матрицы и даже производят более сложные операции с ними. А экономисты? Да просто писали *матрица* вместо *таблицы*, но репутацию себе создавали и от денежек не отказывались.

Другие халтурщики *освоили* корреляционный анализ, благо появились вычислительные машины. Исследуют, например, специализацию производства. Чем она выше, тем, вроде бы, лучше. Но отчего она зависит? Выбирают какие-то факторы, числом пусть даже 15 (заранее ясно, что получится при этом белиберда, *роскошь в цифрах, математическое шарлатанство*, как писал Кетле, составляют уравнение попроще, запускают машину. И вот он, ответ. А при каких условиях всё это допустимо? Не зависят ли факторы друг от друга? Точны ли были исходные данные, не было ли в них приписок? И как всё-таки истолковать ответ? От таких вопросов отмахивались. Параметры вычислены, отпущенные средства освоены, диссертация готова! Как только появляются деньги, шарлатаны тут как тут (самопроизвольное зарождение).

Мой родственник был заводским экономистом, дал положительный отзыв на диссертацию. Пришёл к нему уже остепенённый диссертант, хочет внедрять свои предложения.

Так они же не имеют смысла! – Как же так, Вы же сами ... – Мало ли что, я всем положительные отзывы даю ...

Ниже я упомяну особый случай халтуры.

2. Мне подумалось, что вводить математику в советскую экономику (а в мире экономика давно уже и не воспринималась иначе) следовало начиная с головы, – с Маркса, но об этом помалкивали. В году 1970-м, кажется, вышло юбилейное издание русского перевода *Капитала*, но и в нём Примечания оказались лишь библиографическими. То же случилось с *Диалектикой природы* Энгельса. Написал он, что почти все вещества известны в твёрдом, жидком и газообразном состояниях, – так и оставалось, хоть давно уже стало известно, что от *почти* следовало отказаться.

Математическая неграмотность институтских преподавателей, как я позже узнал, не была, видимо, редким явлением. Доктор философии как-то без тени смущения заявил, что не знаком с интегралами, а одна доцент кафедры финансов (!) сказала, что, слава Богу, математику давно забыла. А какую именно математику? Признак делимости на три.

Невольно услышал разговор двух преподавателей (доцентов?) с кафедры политэкономии. Только что опубликовали сообщение о

повышении цен, были там упомянуты мебель, хрусталь, кажется автомашины, что-то ещё. Так они минут за пять обсудили и оправдали всё это и успокоились. Чувствовалось, что они согласились бы со всем, чем угодно, но вот подумать, почему на один товар – одна наценка, на другой – другая, и почему вообще повышение, им даже в голову не пришло. Снова скажу: никто о количественных теориях не помышлял.

Политэкономические усилия, которые в Новосибирске начали принимать математическое направление, здесь, в МИНХе, отвергались с порога, а о прежних сочинениях, излагавших экономическое учение Маркса на математическом уровне (например, Борткевичем, в 1906 – 1907 гг., на немецком языке) почти никто и не знал.

Не терпела экономико-статистическая верхушка никаких количественных теорий, марксистское учение в первозданной чистоте сохраняла, и была у неё заветная фраза. Количество должно, мол, учитываться совместно с сутью дела, советские статистики должны выявлять марксистские законы и регулярности населения. Совсем как у Зюссмильха: выявлять божественные законы населения.

3. И, конечно же, следовало отвадить математиков от своей делянки, плыть, куда прикажут: качественная теория вытерпит. Но сказал же вице-президент Императорской академии наук В. Я. Буняковский (1866, с. 154), что

Тот не математик, кто не вникает в смысл, свойственный числам, над которыми он производит какие-либо вычисления, и работать статистикам надо было с математиками совместно.

Как тут не вспомнить утверждение покойного Папы Иоанна Павла II (1985 г.):

Желание доказать Бога было бы равносильным его принижению до уровня существ в нашем мире.

Желание доказать Маркса ... Давно уже было замечено, что коммунизм – это своего рода религия.

А всемогущий Госплан? Нехватка обычных товаров, заводские толкачи, выбивающие положенные Госпланом сырье и комплектующие с заводов-смежников, добывающие манжетную информацию (как бы в ресторанах, при угощении нужных сотрудников из министерств, записывая её на своих манжетах) о перспективах, – вот будни экономики. Неподъёмная задача была у Госплана, притом колебания валют (а потому и внешняя торговля) были непредсказуемы. Примечательно, кстати, что торговля между социалистическими странами вовсе не была основана на марксистской теории стоимости и что внезапные волевые политические решения вообще перечёркивали любые экономические планы, см. волевое соотношение валют в п. 10.8. А вот иной пример политического решения. Аляска стала новым штатом США, надо было менять государственный флаг. Поменяли, но только через год, чтобы не обанкротилась единственная фабрика, которая изготавливала эти флаги.

Один экономист из МИНХ уверял меня, что может доказать, что Госплан хорошо работает (или может хорошо работать?), я же предложил ему задачу полегче: изобрести вечный двигатель. Неувязки и нестыковки исправляла партия, опять волевыми решениями, которые поневоле оборачивались тришкиным кафтаном: если, к примеру, министерству *приказывали* срочно обеспечить такой-то завод таким-то сырьём, то осуществиться это могло только за счёт других заводов.

Тогда же пришлось мне побывать в Центральном статистическом управлении (ЦСУ): кому-то нужно было выяснить, сколько в Союзе, – нет, не стульев, а всего лишь каких-то специалистов сельского хозяйства. Давно уже пользуются в таких случаях выборочным методом, ан нет! Учти поголовно (и ошибись больше)! И вот я задаю свой вопрос рядовому сотруднику ЦСУ. Тот раскрывает свою *простыню*, и я ужаснулся: карандашные записи со следами подтирки. У нас в геодезии за подобные журналы (притом полевые, а не кабинетные) выгнали бы взащей. Что-то этот сотрудник показал мне, потом стёр цифру, взял откуда-то другую. И это ЦСУ!

4. И ещё о невежестве. В 1954 г. в Москве прошла конференция по статистике, организованная Министерством высшего образования, ЦСУ и Академией наук (Аноним 1954). Странные там речи слышались! Оказалось, что *только революционная марксистская теория явилась прочной базой для развития статистики как социальной науки* (с. 41), той науки, которая *не изучает* массовых случайных явлений, вообще не обладающих никакими закономерностями (с. 61 и 74). И, как заметил сам вице-президент АН (нет, уже не Императорской) Островитянов, Ленин

Целиком и полностью подчинил статистические приёмы классовому анализу деревни.

Не подчинил, а приспособил, умнее всё же был, чем Островитянов. Он же, ничтоже сумняшеся, заявил, что нельзя применять одни и те же статистические приёмы и в экономике, и в звёздной статистике. Ну, не смыслишь ты ничего в статистике, так промолчи, сочли бы за умного... Выбрал бы *для прогулок подальше закоулков!* Ведь Колмогоров на той же конференции косвенно утверждал обратное, и, кстати, обвинял зарубежных статистиков в непонимании сути дела, о своих же собственных благоразумно умолчал. Так же умолчал он и о неприятной ввиду Гулага и военных потерь теме, статистике населения (Аноним 1955, с. 156 – 158).

Что, 1954-й год – это слишком давно? Так вот 1959-й год, будущий нобелевский лауреат Канторович (1959, с. 60) с возмущением сообщает:

Как последнее открытие преподносится, что закон стоимости не действует, а только воздействует, а средства производства – не просто товар, а товар особого рода.

Иными словами: увёртки вместо формул. Критика была явно направлена против таких же островитяновых, которые и думать не позволяли о математизации экономики.

5. В 1960 г. прошла конференция с участием ведущих учёных (Вопросы 1961). Колмогоров (Бирман 1960, с. 44) заявил, что требуется переход к новой стадии политэкономии и что состояние экономики следует оценивать единым показателем (читай: независимо от закона стоимости).

Но зачем нам Канторович, для чего Колмогоров, мы ведь и сами с усами! Вот Мария Смит, член-корреспондент АН (1961, с. 294):

В полном бессилии стоят адепты (надо было сказать прихвостни) буржуазной политэкономии перед страшной для них действительностью. В противоположность им сила и жизненность экономических учений Маркса и Ленина именно и состоит в ...

Пошла писать губерния! Ну, где она выкопала экономическое учение Ленина? И куда девались сила и жизненность? Та самая Смит плотоядно заметила (1931, с. 4), что *ряды арестованных вредителей полны статистиками*. Её вклад, если не в статистику, то в русскую словесность (да и в работу *органов*) несомненен, недаром стала непотопляемым академиком! Она же (1934) заявила, что Гаус (в её написании) и Пирсон посмели подчинять реальность формулам, что, конечно, произошло только в её чокнутом большевистском мозгу. Она же (другого никого не нашли!) редактировала статистическую часть первых пяти или шести томов первого издания БСЭ. Никто никогда не узнает, что она там успела натворить.

Во время моей работы в лаборатории произошла *косыгинская* (по имени тогдашнего премьера) экономическая реформа. Изменили некоторые показатели (так, ввели *реализованную* (в советском смысле) продукцию вместо *изготовленной*), а инженерам и техникам предусматривались премии за успешную работу. О реальных результатах реформы судить не берусь, но позволю себе усомниться в её действенности.

13. Кафедра математики. МИНХ бурлит

1. Из лаборатории я вскоре перевёлся на кафедру математики, стал старшим преподавателем, затем и. о. доцента, но продолжал усиленно заниматься историей теории вероятностей. Пришёл новый зав. кафедрой, В. И. Ермаков, из космического *почтового ящика*. Порядочный человек, которого *ящик* отучил от уважения классики. Он даже снял висевшие у нас на кафедре портреты наших гениев, – видимо, набор портретов, задолго до того разосланный по кафедрам математики. Был там и Гаусс, и Чебышев, и многие другие, во главе с Ньютоном. Меня это покорило, и я подал ему заявление с просьбой продать мне *ненужные портреты классиков различных времён и народов*.

Портреты повесили снова, и Ермаков внешне не изменился ко мне, хотя работать на кафедре стало труднее: он перетягивал всё новых и новых сотрудников из своего *ящика*, политически зашоренных (это несомненно чувствовалось), да и нацеленных на прикладную математику. Запомнился Тарас (отчества не помню) Шевченко. Спросил его как-то, какой язык он считает родным,

украинский или русский? С ответом затруднился. Был он по натуре фельдфебель, и голосище имел подходящий, как у старшины батареи, отъявленный исполнитель партийных команд. Будучи уже без работы, увидел как-то из окна троллейбуса, что стоял он в растерянности на улице и одет был по-простецки. Не выгнали ли за какие-нибудь особые делишки?

2. Но оставались и другие. Был Григорий Львович Гинзбург, штурман дальней бомбардировочной авиации, 99 боевых вылетов, майор *в отставке с мундиром* (с правом ношения полной военной формы).

Почему не 100? Так ведь за 100 положено было Героя давать, но не Гинзбургам же! Слышал как-то передачу из Израиля: советский генерал отвечал на вопросы.

Правда ли, что среди Героев больше евреев, чем русских? – Нет, этого и быть не могло, но вот в процентном отношении действительно больше.

А если бы ещё и Гинзбург? Нет, не годится ... Был он рядовым математиком, но глубоко порядочным человеком. Защитил диссертацию на кафедре статистики, неважную.

Преподавал раньше в каком-то авиационном училище, дал вводную:

*Ваше боевое задание – уничтожить цели возле Вашингтона, вы подлетаете, вдруг – американский истребитель. Ваши действия? – Атакую. – Так, а ты что скажешь? А ты? Ничего вы не поняли. У вас боевое задание, вы пролетели тысячи километров, и бомбардировщик у вас с экипажем, а не какой-то истребитель, а вы рискуете! – А что делать? – Кричи (что-то сказал Гинзбург в данном случае двусмысленное, вроде *Родина-мать*) и ныряй в ближайшее облако!*

Всё так, но вот Вашингтон явно был лишним свидетельством сталинских бредовых идей – и ложного патриотизма Гинзбурга.

А вот свидетельство главного и засекреченного ракетчика, С. П. Королева (Тихомиров 2007, с. 145):

Сталин чуть ли не еженедельно спрашивается, когда будет ракета, способная долететь до Вашингтона?

Не выдали курсанты Гинзбурга, а ведь крупные могли быть неприятности. Не понял? Сказали бы: идеологически неграмотен, воспитателем быть не может. Здоровье Гинзбург потерял, умер году в 1982-м.

3. Сорвал я голос, официально – несмыкание (кажется так) голосовых связок. Какие-то ингаляции оказались бесполезными, но я кое-как дотянул до конца учебного года. Летом отправился на частный приём к Александрову, одному из двоих, видимо самых авторитетных отоларингологов (проще сказать – ЛОР-врачей). Пустой номер! Большой барин. Самоуверен, напыщен, не говорит, а вещает, и безразлично ему, понимают его пациенты или нет. А всегда ли понимали его другие врачи? Посоветовал мне уйти с работы (ингаляций, правда, рекомендовать не стал). Через некоторое время гордо закрыл он свой кабинет, – фининспектор придрался. А не оказалось ли, что ввиду его, прямо скажу, наглости, ему косвенно запретили практиковать?

По совету отца пошёл ко второму авторитету, профессору Загорянской. Она работала в поликлинике Большого театра, с голосами-то постоянно имела дело, приняла она меня, – как-то отец сумел этого добиться. Заглянула она мне в горло и рекомендовала дыхательную гимнастику у Стрельниковой. Вот кто вылечил меня, притом почти моментально! Было две Стрельниковых, пожилая мать (она-то меня и лечила) и дочь, обе знающие и толковые, но официально лишь *полу-признанные*. До сих пор вспоминаю мать с благодарностью. Она объяснила мне, что говорить и петь надо не горлом, а диафрагмой, что в этом и секрет *бель канто*. Петь я, правда, не начал.

Рассказала об известном оперном певце из Киева. Продолжал он петь в опере при немцах, за что впоследствии и схлопотал изрядный срок. Так ведь иначе и быть не могло! Просто уволить его (тоже ведь трагедия)? Нет, слишком мало ...

4. Я читал лекции по стандартному курсу дифференциального и интегрального исчисления на факультете товароведов продовольственных товаров. Чувствовал себя прескверно, потому что не видел в этой работе никакого толка. И тогда думал, и сейчас полагаю, что не нужен был моим студентам такой курс. Следовало бы прочесть им спецкурс элементарной математики и дать лишь понятие о высшей, объяснить, скажем, что такое интеграл определённый и неопределённый и для чего они нужны, а вот вычислять только самые простые из них.

Приходилось принимать экзамены у заочников. Просил их пояснить сданные ими самими (но частенько написанные другими) контрольные работы, добивался, чтобы они всё-таки разобрались в них. Начали в вузах делать серьёзные поправки социально надёжным студентам из рабочих (пусть даже с минимальным стажем). Теперь добавлю: в 1921 г. 15 профессоров Петроградского университета во главе с Марковым письменно (и, конечно, безуспешно) протестовали против той же практики (Гродзенский 1987, с. 137).

Написал я учебное пособие по своему курсу, и издали его в институтской типографии. Постарался пояснить всё так, чтобы трудно было не понять. Например, подзаголовок такой выбрал, с явным излишком информации, но зато более понятным: *Единственность частного решения* (речь шла о дифференциальных уравнениях). Читал я и короткий курс линейного программирования, и тоже неприятно было: слишком трудно было бы применять его практически. Была у меня одна толковая студентка, сказал я ей как-то на практических занятиях: –*Это Вы всё знаете, лучше я Вас попрошу выяснить, как распределены простые числа* (т. е. решить труднейшую даже для самых выдающихся математиков задачу) ... Начала она сразу же что-то писать, но минут через пять сжалился я над ней, но всё-таки узнала она что-то интересное. Она пыталась выбрать *единственный* источник для изучения дифференциальных уравнений, я же убедился: надо посматривать в несколько книг.

5. И пришёл новый ректор, Б. М. Мочалов, *пузырь*. Он явно получил и с восторгом выполнял задание: очистить институт от евреев, а нас действительно было очень много. Начал он поспешно изгонять и евреев, и вообще порядочных людей, а на их место принимать новоиспечённых докторов науки, – недоучек и халтурщиков, *числом поболее, ценой научной подешевле*, – чтобы поднять официальный уровень института.

Ушёл, правда, позднее, и быть может по возрасту, Николай Капитонович Дружинин, заведующий кафедрой статистики, глубоко порядочный человек, хотя недостаточно владевший математической статистикой, а на его месте оказался какой-то самоуверенный невежда. Был я несколько раз на дому у Дружинина, как-то раз пил чай с мацой (*я против юдофобства*, заметил он), а жена у него была еврейкой. Из его книг мне очень понравилась *Хрестоматия* (1963). Рассказывал он мне, что на какой-то международной конференции убедил американцев, что у них действительно происходит относительное обнищание трудящихся. Про то же явление у себя дома, видимо, и не вспоминал.

6. Часто задумывался я: *охмурёж* идёт полным ходом, но неужели все верят в официальную идеологию, или же какая-то часть населения только притворяется? Слышал поразительные истории, подтверждающие почти всеобщую веру. Родственник (настырный, но недалёкий) согласился безоговорочно с высказыванием весьма высокопоставленного научного работника:

Сахаров так и не соизволил на годовичное собрание Академии наук приехать.

Сахаров, сосланный в провинцию, находящийся под неусыпным контролем и подвергающийся издевательствам! А мой студент-вечерник молчаливо согласился с утверждением своего дяди-министра: *Мы всё для них делаем, а они...* Не обязательно было изучать линейное программирование, чтобы представлять себе: *всё*, но только после дальнейшего повышения *нападениеспособности*, всемерного и однобокого развития промышленности и сельского хозяйства и удовлетворения неизменно растущих и обоснованных потребностей *трудящейся* элиты. Практически же, почти по Марксу, *нам* в целом доставалось столько, сколько требовалось для сохранения нашей работоспособности и нашего чуть расширенного воспроизводства. Охмуривали, стало быть, и министров.

Перед вами, детки, герб, Слева молот, справа серп.

Хочешь, жни, а хочешь – куй./Всё равно получишь ... немного.

Или вот майор КГБ, занимавшийся какими-то приборами. Вторглись мы в Афганистан, чтобы, мол, воспрепятствовать американцам захватить его. Я говорю, что не было у США для этого ни политической, ни военной возможности – не верит! Вторгаться потребовалось потому, что надо же было Третью мировую продолжать, да и устаревающего вооружения накопилось слишком много, к тому же маленькая победоносная кампания в любом смысле полезна. Получилось всё *с точностью*

до наоборот, и, что гораздо хуже, развернулся весь мусульманский мир, да не в ту сторону ... Приказ о вторжении подписал Брежнев, но подозреваю, что закопёрщиком был главный идеолог, серый кардинал Сулов.

Вырос майор в той же коммунальной квартире, что и моя жена, и отношения у них всегда были прекрасными. Упомяну ещё раз профессора Огородникова. Он наивно заметил, что православные священники напрасно не участвуют в обыденной жизни своих подопечных, как это делают их собратья-католики и протестанты. Про соответствующий запрет он не знал.

7. А затем, и особенно в последние годы советской власти, положение в стране стало ухудшаться. Слышал в очереди недоуменное замечание простой женщины средних лет:

Работаем всё время, жизнь должна была бы улучшаться, но почему-то не получается.

Святая простота ... Как будто от *низов* что-то существенное зависело! В вузах уже давно стали обращать особое внимание на заочное обучение, которое открывало двери работающим. Но качество обучения часто было неважным (и ведь со мной это случилось!), и было в ходу выражение: *заушное обучение*.

Слишком много было вузов, слишком мало техникумов.

Изменить это было, конечно, трудно, но мешала и идеологическая причина: надо же было показывать миру, что выпускаем так много инженеров, агрономов и т. д.

В первые минуты/Бог создал институты (а не техникумы)

И Адам студентом первым стал./Был он парень смелый,

Ухаживал за Евой/И Господь его стипендии лишил!

Году в 1990-м рассказывал мне инженер, из года в год участвовавший в аттестации сварщиков. Раньше, говорил он, мы не пропускали того, кто не знал чего-то существенного, теперь же сами его и наставляем. Сварщиков, от которых так много зависит!

Гораздо труднее стало обращение к врачам-специалистам. В 1975 г. отец лежал в Боткинской больнице, после операции началось у него гнойное заражение. А ведь в середине XIX в. писала Флоренс Найтингейл, что именно относительное число таких случаев определяет качество работы больницы. Пришёл я как-то в больницу утром, врачи – на политинформации ... Там же зашла врач в палату на шестерых, спросила всех что-то. Никто не ответил, а должен был ответить отец. Слух у него плохой был, он ничего и не понял. Умер отец, уже в другой больнице, *для гнойных*. Я сам за несколько лет до этого попал в Институт им. Склифософского. Помещения у них было слишком мало, объективные условия неважные, а туалеты – рассадник заразы. Вспомнил вопрос наивной туристки из США: почему, мол, у вас в общественных туалетах нет туалетной бумаги? Потому что её трудно было достать и она немедленно исчезла бы, но главное потому, что там, наверху, о таких мелочах (важных с медицинской точки зрения) никто не думал. Обойдутся!

8. Года с 1985-го начала возрастать младенческая смертность, что пытались объяснить улучшением статистических данных в

Средней Азии. Не очень это убеждало, и было тревожно: слишком важный был показатель.

В Москву начали приходиться *колбасные* поезда, приезжал народ за несколько сот километров закупать мясо, колбасу, апельсины. Отпускали им в одни руки гораздо больше положенного, зато обвешивали и обсчитывали намного наглее, чем коренных жителей.

9. Было у Мочалова и другое любимое, но уже придуманное им самим занятие: приглашать в свой кабинет молодых преподавательниц и раздевать их. Узнали об этом многие, но жертвы упорно молчали, и доказать ничего не удалось.

Вот одно из неграмотных мероприятий Мочалова. Составил кто-то социологическую анкету, бланки принесли на кафедру. Отвечать на вопросы полагалось в обязательном порядке (сказали нам, что был такой приказ по институту), а сдавать, хоть и анонимно, полагалось на кафедре же. Один из вопросов: *Заступитесь ли вы за избиваемого на улице?* Профессор Л. Б. Новак, тоже *из ящика*, заполнял анкету вслух и со смехом сказал: *заступлюсь*. О венерических заболеваниях, правда, не спрашивалось. Я отказался участвовать уже потому, что подобные исследования могут проводиться только на добровольных началах, а Ермаков не сказал мне ни слова. Случайно узнал: появилось в МИНХе какое-то социологическое подразделение, сотрудники все в белых халатах, вход к ним только для посвящённых. Вот, подумал, куда уходят уволенные, но оставшиеся благонадёжными сотрудники *органов*.

Взяточничество процветало, и не только в МИНХе. Л. Е. Улицкий, покойный профессор института, рассказал мне, что видел у кого-то записную книжку со списком институтов (только ли московских?) с указанием суммы, необходимой для верного поступления в каждый их них. Он же был в числе прочих в кабинете ректора, когда тому позвонил первый (?) секретарь Крымского обкома партии с просьбой *присмотреть* за его доченькой, поступавшей в МИНХ, Мочалов же с гордостью сообщил присутствовавшим об этом.

И невольно подумал я: не заплатил ли сам Мочалов, и сколько, и кому именно, чтобы стать ректором? Собственная его научная работа, как я слышал, гроша ломаного не стоила. Много позже достоверно узнал я: будучи ещё в своей провинциальной вотчине, местный бонза, он же – великий Горбачёв, заслужил прозвище *конвертик*, очень уж увлекался он содержимым конвертиков, которые получал от подпольных деляг!

10. Знал я молодого человека, Владимира Власова. Отслужил он в пограничных войсках, поступил (был приглашён?) в какое-то милицейское учебное заведение и вышел лейтенантом милиции. Начал работать и немедленно со скандалом ушёл, не стерпел какой-то грязи. Стал водителем пригородного автобуса, и спросил я его:

Спокойная ли работа? – Очень спокойная.

Самое интересное: мой сын смог замолвить слово за Владимира у какого-то высокого начальника, рекомендовал как

исключительно честного человека. Тот записал адрес Владимира, но так и не связался с ним. Честные нужны были только для обслуживания слуг народа.

И вот снова Новиков (1995):

Антисемитизм стал генеральной линией партии на втором месте после воровства [казнокрадства] и коррупции.

Так как же чудесно обеим этим целям соответствовали Мочалов и Петров (см. ниже)!

Члены нашей кафедры принимали вступительные экзамены по математике; меня в приёмную комиссию не приглашали, а я и не напрашивался. Но узнали мы все: одному из наших членов комиссии дали список: вот, мол, абитуриенты, которых ты обязан ... Тот успешно попросил разрешения добавить в этот список ещё одного по своему усмотрению, – но уж, наверное, кого-то правильных кровей. Не обошлось без скандала: по какому-то поводу родители поступавшего пожаловались именно на него. Сообщил нам об этом Ермаков на заседании кафедры, но фамилии обвинённого так и не назвал.

И подобный порядок (который вполне мог соблюдаться в течение всех лет обучения), конечно же, способствовал произрастанию дураков. Помнишь Райкина? Никак нигде не могли избавиться от дурака, в конце концов впихнули его в аспирантуру, и научный руководитель, чтобы отделаться от него, сам пишет за него диссертацию. Райкин добавил: случай этот невыдуманный.

11. Году в 1972-м меня уговорили поработать дополнительно в лаборатории, помочь в какой-то теме, связанной с математическими методами в экономике. Начальником лаборатории был некто Петров, мошенник высокого полёта. Свою кандидатскую диссертацию он списал с двух дипломных работ, о чём некоторые мои знакомые разузнали, но по какой-то робости не посмели доказать (для какой, мол, надобности копаются они в архивных дипломных работах?) и опоздали: прошёл положенный срок, и эти работы уничтожили. Я сам, как только узнал про это, сообщил заведующему той кафедрой, которую Петров собирался занять, тот же сразу засуетился, но поздно.

Петров ретиво выполнял свой долг: изгонял евреев из лаборатории. Не иначе, как за эту заслугу (да не подкармливал ли он к тому же Мочалова и его прихлебателей за счёт хозрасчётных средств?) ему удалось (ему разрешили) защитить докторскую диссертацию о применении корреляции в экономике, и её автореферат я заранее прочитал. *Полнейшее отсутствие всякого присутствия*, и не только статистического, но и общенаучного! До сих пор не понимаю: были ведь члены Учёного совета, которые голосовали против, но почему они явно не заметили грубейших ошибок Петрова? Почему критиковали *от сих и до сих*?

Вот его опус, который я не принял бы даже в качестве курсовой студенческой работы. *Исходные данные*: их принадлежность к единой совокупности сомнительна и во всяком

случае не обоснована. *Формулы для вычисления*: анонимны, притом условия их пригодности не указаны. *Исследуемые показатели*: ни их выбор, ни их возможная взаимосвязь не обсуждается, а их число примерно в 2,5 раза превышает число исходных данных (*математическое шарлатанство*, см. начало п. 12.1). *Результаты*: корреляционная таблица, вычисленная с пятью (почему бы не с десятью?) значащими цифрами, много чисел в ней сравнительно близки к половине, т. е. ни о чём не свидетельствуют. *Их приложение*: о нём ничего не сказано.

И вот одна из моих студенток отпрашивается у меня: ей, мол, надо после защиты преподнести цветы Петрову. Я разрешил, но добавил: а вдруг не защитит, работа ведь слабая? Студентка оказалась племянницей Петрова, и моя работа в институте должна была закончиться, хотя я ещё долго сопротивлялся.

Мои знакомые доценты с одной из экономических кафедр МИНХ выявили плагиат и в докторской диссертации Петрова, начали сообщать об этом в различные инстанции. Один из них получил за свою *клевету* партийное взыскание, но их поддержал академик А. Г. Аганбегян. Появилась 28 окт. 1979 г. соответствующая статья в *Соц. Индустрии*, и Петрова лишили-таки докторской степени, да и Мочалов получил сполна: Учёный совет МИНХ лишили права присуждать докторские степени.

Петров покинул преподавание (успел уже перейти из лаборатории в сам институт), но на новой работе был уличён во взяточничестве, схлопотал 2 (или больше?) года условно, будто бы с учётом его возраста, и умер примерно в 2010 г. Умер и Мочалов, но успел прочесть статью в *Моск. Правде* под названием *Уроки мочаловщины*. Должен добавить: этих газетных статей я не читал.

12. Вернёмся к началу мочаловщины. Чуть ли не сотни анонимных заявлений о положении в МИНХ были разосланы по различным адресам, и со всех пишущих машинок института были взяты пробные тексты, позволявшие определить их авторство. Какой-то юморист за свой счёт подписал Мочалова на журнал *Свиноводство*, тот же, вряд ли подумав хорошенько, сообщил об этом в партком как о допущенной кем-то ошибке. Вся подписка на газеты и журналы проходила через партком, члены партии обязаны были подписываться на партийную газету и партийный журнал.

Приходили комиссии, оправдывали Мочалова. Одну из них возглавлял В. Д. Большаков, ставший ректором моего родного МИИГАиК и будто бы хороший знакомый Мочалова, но во всяком случае невежда. Л. Н. Большев так и назвал Большакова в разговоре со мной и сказал, что докторскую степень тот получил несмотря на резко отрицательный заключительный отзыв Колмогорова. Очень уж кому-то потребовался *правильный* ректор! Слышал я, что был Большаков связан с *органами*. Став ректором, сразу повёл себя круто, примерно так же, как позднее Мочалов, вот только евреев в МИИГАиК было не в пример меньше. А ведь студентом был – держался тише воды, ниже травы. Подозреваю, что черновой вариант отзыва Колмогоров

сам Большеv и написал, ведь это он геодезией интересовался (п. 11.2).

Борьбу с Мочаловым вначале вело большинство парткома, – безуспешно, потому что каждый обоснованно боялся за свою шкуру. Одним из главных, но очень осторожных противников ректора был небезызвестный Л. И. Абалкин, зав. кафедрой политэкономии и секретарь парткома, ортодоксальный марксист, ставший академиком и рыночником. В те времена, как я слышал, его иногда отвозили куда-то, где он составлял доклады для Косыгина. Позднее партком заявил, что сотрудничать с Мочаловым не может, парторганы же, видимо, того только и ждали. Перевыборы парткома, победа Мочалова.

Другого своего противника, Пахомова, Мочалов как-то выгнал с работы, он же подал жалобу в суд. Был он, кажется, пасынком Ракоши, венгерского вождя-сталиниста, от которого его партия в конце концов избавилась. Жил в Москве, но как раз в то время (1971) умер. Официально сопроводить его тело в Венгрию было, видимо, неудобно, и самое высокое наше партийное начальство потребовало от Пахомова, чтобы поехал он. *Не могу, дело моё в суде.* Ну, партия всех судей выше. Тут же восстановили Пахомова (но в конце концов всё-таки выдал его Мочалов). Я узнал, что Пахомов был связан с *органами* и что, следовательно, оппозиция Мочалову была в основном управляема *сверху*, а именно всерьёз сдерживалась.

14. Научная работа. Библиотека

1. Моя научная работа оказалась весьма успешной. Пришлось, правда, учить французский (заочно; говорить не могу, воспринимать живую речь не способен), вот когда маму и свою глупость вспомнил (п. 2.4)! С самого начала решил публиковаться главным образом за рубежом. Отечественные возможности были слишком скудны (история математики мало кого интересовала), да и боялся я оказаться заложником советской системы. Были же долгие годы, когда опубликованные труды неугодных учёных становились недоступными, они как бы переставали существовать, так могла бы эта практика и повториться, притом в более жёстком варианте. Помогли мне знание английского языка и усиленная образованием склонность к широкому описанию тем. Один историк теории вероятностей (Ю. Сенита) даже всерьёз пожаловался мне: после меня, мол, тема закрывается, см., например, Шейнин (2008а). Надо было резко ответить, да не решился.

Исключительно важной оказалась возможность посещать невообразимо богатую Библиотеку им. Ленина (нынешнюю Росс. Гос. Библиотеку), через которую можно было бесплатно заказывать недостающие изредка источники из других городов и из зарубежья. В некотором смысле, я бы сказал, слишком богатую: литературу XVIII в. выдавали в зал наравне с более новой, здесь же, в Германии, она выдаётся только под залог читательского билета, и не зря: сколько-нибудь известная книга того времени стоит немало!

Многие работники библиотеки трудились на совесть, зарабатывали крохи! Здесь я вижу только слабое подобие такого отношения к делу, притом многие библиотекари невообразимо невежественны. И именно к здешней жизни больше подходит знакомая нам фраза *Нам до лампочки*.

Был в *ленинке* газетный зал и зал новых книг, печатались бюллетени новых поступлений, а в Берлинской гос. библиотеке ничего этого нет (газетный зал есть в другой берлинской библиотеке). Пропускали в основном только *остепенённых*, а у профессоров и докторов наук был свой зал. Я попал в него в 1990 г., ставши членом международной академии. Уют, спокойствие, даже книги на дом дают. В Германии же полная демократия, и гимназист не хуже других, а книги последних, кажется, 50 лет всем на дом дают. Там у выхода стоял милиционер с кобурой (пустой или нет?), неукоснительно следил, не утаскивают ли читатели чего-нибудь. Здесь лишь видимость контроля, и книги так исчезают (в Москве тоже исчезали), а русские книги, видимо, частично оседают в библиотеках Астаны или Ташкента, а то и Киева.

В *ленинке* мне нередко попадались книги с погашенными штампами берлинской библиотеки, и это облегчало мою работу. Но вот здесь-то оказалось, что многих книг не досчитываются, – *военные потери*. Очень неприятно. Известный историк механики, Г. К. Михайлов рассказал мне, что купил в московском букинистическом магазине книгу со штампом Берлинской библиотеки и преподнёс её прежнему владельцу. Оказывается, что книги, полученные в счёт репараций, частично разворовывались.

2. Нет, не ценили власти это сокровище, подобное которому имеют только американцы (Библиотека Конгресса) и, в меньшей степени, англичане (Британский музей). Подчинена была *ленинка* не Верховному Совету, даже не Совету министров, а Министерству культуры и постепенно приходила в упадок. Книгохранилище, под которым с ведома и согласия директора-временщика провели линию метро, частично оказалось в аварийном состоянии, а необходимое второе здание построили аж в Химках, на краю Москвы, куда мне частенько пришлось наведываться. И дополнительная трудность: иногда и библиотекари не знали, в каком здании хранится тот или иной источник. Ну, а с распадом государства настала просто беда, но об этом я почти ничего уже не знаю.

И неизменно Библиотеке присущи были советские особенности. Для ксерокопирования приходилось выстаивать в очереди (и немало книг и журналов было поэтому либо похищено, либо *раскулачено*), хотя читателям профессорского зала копирование было несравненно проще, но вот художественную литературу (например, Льва Толстого) копировать нельзя было – вдруг крамола! Помню, пришлось мне убеждать, что закон больших чисел к идеологии отношения не имеет. Многие книги и журналы запросто оседали в спецхране, а уж передать их оттуда в общее хранилище никому и в голову не

приходило. Оказался там, к примеру, один из томов *Сочинений* Менделеева со статьями о порохам, хотя давным-давно никаких секретов там уже не было. И именно этого тома нет здесь, в Берлинской гос. библиотеке.

3. На время приходили в библиотеку книги и журналы для читателей из других городов и стран, и всё это без зазрения совести микрофильмовалось. Заметил я как-то подшивку лондонской *Таймс*. Лежала она на прилавке выдачи газет в газетном зале, библиотекарьша прижимала её локтем и смотрела в глубь зала. Я наивно спросил: *А можно ...* Никакого внимания. И вижу: проходит вальжный господин средних лет, с ним женщина, явно библиотекарьша. Прошли они – и исчезли *Таймсы*, будто бы доступные каждому читателю. Охмуривали, стало быть, и иностранцев. И вот гораздо более важный пример. В Катыни четырнадцать тысяч пленных польских офицеров, как доподлинно известно, сами себя – нет, не высекли, куда там Гоголю! Сами себя расстреляли. Но чтобы иностранцы не путались под ногами, назвали Катынью и другое какое-то место, километров, кажется, за двести от *настоящего*.

Другое ограничение касалось религии. Выписал я как-то *Мысли* Паскаля в переводе 1899 г., а добавление к заглавию, *О религии*, благоразумно упустил. Пришла книга, но не мне, а дежурной по залу, т. е. на её усмотрение. Ну, мне-то выдали её сразу же, заметили, что я читаю самую разную литературу, притом в основном старую.

Мне надо было всё же улучшать своё знание языка, но в Москве можно было достать только газету английской компартии, *Дейли Уоркер* (позднее названную *Морнинг стар*), да и то быстро распродаваемую. Мне, иностранцу, язык этой газеты представлялся очень неплохим, а некоторые материалы были интересны. Вот в стихотворной форме:

Много работы, зарплаты же мало, так это ведь лондонская пожарная команда!

Наивная жалоба: деловой обед сотрудников двух фирм для них бесплатен, так почему простые рабочие из этих же фирм не могут бесплатно пообедать вместе? Письмо рабочего:

*Я спросил знакомого, считает ли он себя пролетарием.
– Конечно нет. У меня же есть профессия. – Его профессия?
Мусорщик.*

И вот немыслимое в Союзе замечание редакторши *Женского уголка*: *К радости мужа окончились мои месячные.*

Рукописи свои я относил Юшкевичу в ИИЕТ, как к со-редактору трусделловского *Архива истории точных наук*, он их одобрял (позже понял: надо было относиться к ним гораздо строже), и уходили они за рубеж. Был Трусделл крупным учёным, в первую очередь механиком, и серьёзным историком науки. Знал европейские языки, говорил на латинском языке, прекрасно владел своим родным, английским. От меня требовал ясных фраз, плохо переносил пассивные обороты (это у немцев они в почёте), изгонял газетные штампы, предпочитал простые слова. Я вначале возмущался его *придирками*, потом согласился с

ним и стал внимательнее писать, в том числе и по-русски. Наши учёные о стиле и не помышляют, и плох в этом отношении был и Колмогоров, и Чупров.

Примерно в 1987 г. я встретился с Трусделлом на международной конференции в Москве и спросил его про странный случай. Он опубликовал статью известного историка математики Граттан-Гиннеса, которую, стало быть, представил один из со-редакторов. Но в следующем выпуске журнала другой со-редактор, Г. Фрейденталь, уничтожающе раскритиковал эту статью, так как же это произошло?

Трусделл ответил: статья ему не понравилась, но он был обязан её опубликовать. Он попросил Граттан-Гиннеса отозвать свою статью, тот же обвинил Трусделла: он, мол, отстал от жизни. Да, действительно: ныне в истории математики (только ли там?) бал правит отъявленное бесстыдство, см. Шейнин (2015). И ведь, несмотря на моё предостережение, Граттан-Гиннес опубликовал в своей энциклопедии *Companion Enc. of the History and Philosophy of the Math. Sciences* 1994 г. две поверхностные статьи Портера (см. п. 15.1).

4. Окно на Запад стало постепенно прикрываться. Началось с того, что один Юшкевич уже не мог решать ничего, требовалась подпись *треугольника* (директор, партком, и, для соблюдения приличий, профсоюз), а затем было учреждено Всесоюзное агентство по охране авторских прав (ВААП), как бы министерство иностранных дел для авторов. Благое дело? Сомневаюсь. Из гонорара доставалась авторам и переводчикам малая доля, остальное забирало оно себе, а перед отправкой рукописи за рубеж академический институт (но не иной институт, тем более не лично автор, – не нужен советскому автору *берег турецкий, чужая земля не нужна!*) должен был для её проверки на благонадёжность представлять в ВААП её русский текст. Пришлось писать по-русски и переводить текст пока его проверяли, но английский вариант оказывался хуже: оставался в нем русский дух. Так же обстояло дело даже с коротенькими рефератами, которые я направлял в ГДР, в *Zentralblatt für Mathematik*. В этом журнале сотрудничал до последнего времени. И второе обстоятельство, о котором чиновникам также, конечно, было невдомёк: переводишь свою рукопись и невольно подправляешь, а то и исправляешь и добавляешь. Поначалу это *правонарушение* сходило мне с рук, но нравы ужесточались, и одну рукопись мне вернули с укоризной, хорошо ещё не погнажи, чтоб больше не заявлялся.

Эту рукопись вывез американский историк математики Даубен, который был в то время в Москве, и Трусделл опубликовал её, хоть и с опечатками: корректуру по моей просьбе держал английский историк статистики, и я убедился: все пакости может заметить только автор. Всего Трусделл опубликовал 29 моих рукописей (рекорд для нас обоих), и ещё две появилось в том же журнале после его ухода.

Подобное произошло в 1975 г. в связи с сессией Международного статистического института в Варшаве. Я как-то

сумел переслать рукопись своего доклада по приглашению (Шейнин 1975), но требовалось согласие английского редактора. Поляки получили мой текст неофициально, и пересылать его в Англию отказались. И стал я этому редактору посылать никчёмные письма. Но на обратной стороне страницы карандашом переписывал текст моего доклада. Редактор быстро понял мою уловку, но перепечатывать текст было некому (в Союзе быстро бы нашли выход!), он снова потребовал от поляков мой текст и получил его. А самому приехать в Варшаву? Об этом я и не мечтал.

В этот Институт я был избран в том же 1975 г., что, конечно же, помогло мне удерживаться в МИНХ. Перед выборами мои документы переслал рекомендовавший меня болгарин, работавший в Москве. Стал я безработным парией – он меня не узнал. Как и большинство научных обществ, Институт увял ввиду финансовых трудностей, да и историей статистики перестал интересоваться, и я покинул его.

Но что делать было с положенными нам всё-таки жалкими остатками валюты? И, что важнее: что могла делать со своей, уж безусловно честно заработанной валютой, элита? Открыли в Москве магазины *Берёзка*, товары в них были заморские, покупать же их можно было на валюту. Э, нет! На руки выдавали нам не её, а рублёвые сертификаты (как уж обходились с элитой – не знаю). Вообще-то сертификатом можно назвать даже трамвайный билет, он ведь давал право на проезд, ну, а рублёвые принимали в *Берёзках*. Начался, конечно, же, обмен: за сертификатный рубль давали два обще-советских, хоть и подпадало это под серьёзную статью о спекуляции валютой, и хоть захирели Берёзки: закупка товаров для них значительно уменьшилась: полученные ими сертификаты (т. е. соответствующая валюта), были попросту использованы в *более важном* направлении (сведение из надёжного источника).

5. Произошла с моим родственником, молодым москвичом, история с *Берёзкой*. Раздобыл он у родителей сертификаты, купил туфли и тут же продал их кому-то по тому же соотношению. Сцапали его, и по нормальному сценарию должны были бы *по суду* отправить, скажем, на полгода, *на химию*; иначе: на шахту, на химический комбинат или на подобное предприятие. Из Москвы *выписали* бы, а уж вновь *прописаться* можно было, видимо, за увесистую взятку или (не уверен, что наверняка) если родители немощные, без ухода никак не проживут. Помогло стечение обстоятельств, а наверное и взятка: отделался *по суду* штрафом в 300 рублей. Не знаю, хватало ли у органов сил и желания вылавливать всамделишных скользких спекулянтов, ведь они и без того выполняли *план* поимки *преступников*.

6. Тексты статей и экземпляры книг для реферирования приходили ко мне из редакции *Zentralblatt* по почте. Не дошла книга Пирсона 1978 г. *История статистики ... на изменяющемся фоне интеллектуальной, научной и религиозной мысли*. Послали мне другой экземпляр – снова пропал. Не иначе как религии боялись, а ведь учёные прошлых веков, включая

Ньютона, никогда о ней не забывали, природу изучали как творение Божье. Ныне в России царит противоположная крайность: русская православная церковь стала ведущей силой.

15. Международная академия

1. В течение нескольких лет я хотел покинуть её так же, как покинул и другое международное общество (п. 14.4), потому что по той же причине его наводнили невежды. Один из этих невежд, Т. М. Портер, заявил, к примеру, см. п. 22.1, что

Даже математики не могут доказать четвёртого измерения.

К тому же редактор журнала этой академии явно препятствовал публикации статей о событиях после второй половины XVIII в. К счастью, он, однако, ушёл.

Национальные академии не принимают к себе историков науки (что представляется мне грубой ошибкой), и поэтому в конце XIX в. они обсудили своё положение и создали свою академию. До последнего времени она оставалась поистине престижной. В 1990 г., будучи в Париже (п. 20), я был членом-корреспондентом этой академии, и известный французский историк науки сказал мне, что это членство ценится выше, чем профессорское звание.

Неудивительно, что примерно в 1980 г. Трусделл по моей просьбе представил меня на выборы в члены-корреспонденты Международной академии по истории наук. Пришлось мне отсылать туда анкету. Послал в обычном конверте – не дошла, но успешно послал и окольным путём. Разразился скандал! Как он посмел! И кто он такой вообще? Даже на Юшкевича напали: почему представлял мои рукописи? С него, правда, взятки были гладки: рукописи достойные представлял, к академии не причастен.

2. Позвонил мне инструктор ЦК партии Грибанов, попросил меня снять свою кандидатуру. Есть, мол, в области истории теории вероятностей более достойные, которых никто ещё не выдвигал, (покойные) Б. В. Гнеденко и Л. Е. Майстров.

О Гнеденко речь ещё впереди, но сразу скажу: был крупным учёным (была в нем искра божья, как сказал Юшкевич), но затем не то выдохся, не то потерял вкус к настоящей науке, а историком науки его можно было бы назвать лишь условно: впоследствии я понял, что он не читал западных классиков теории вероятностей прежних времён, писал в основном об отечественных учёных, а в конце жизни выпустил громадную историческую статью, опоздавшую появиться лет на 30. И Большеv сказал мне, что не считает Гнеденко историком теории вероятностей. Мало того. Лет 20 назад сказал мне один крупный математик в Москве (фамилию его, к сожалению, забыл), что Гнеденко не пользовался авторитетом (точнее, перестал пользоваться), Колмогоров же хотел избавиться от него: написал кому-то записку, дал её этому математику в открытом конверте. Колмогоров, оказывается, (безуспешно) предложил перевести Гнеденко в Сибирское отделение АН, – иначе, мол, мы в МГУ от него не избавимся. От члена академии, пусть даже республиканской (Украинской), действительно нельзя было

избавиться. Брошюра Гнеденко и Хинчин (1946 и более десяти последующих изданий) оказалась отъявленной халтурой. Хинчин умер в 1959 г., так что вся слава новоявленного Барона Мюнхаузена принадлежит Гнеденко.

А Майстров? Опубликовал он две книги (1967; 1980), обе едва годные, но первая оказалась весьма успешной и даже была переведена на английский язык, потому что в то время ничего другого ещё не было. Языков он не знал, был в основном мелким советским философом с небольшим математическим багажом, поверхностно рассуждал о борьбе идеализма с материализмом. Во второй книге явно списал у меня некоторые места. Оговорюсь: были у Майстрова и другие научные интересы, выпустил он, к примеру, книгу об истории вычислительных устройств, но о ней судить не могу.

Грибанова я спросил (притом, кажется, повышенным тоном): знает ли он, что меня выгнали из МИНХа? Он сделал вид, что не понял, о чем речь идёт, потом сказал, что это не по его части. Я отказался снять свою кандидатуру, а Юшкевич потом пояснил мне, что я накричал на Грибанова, перед которым директор ИИЕТ, член-корреспондент С. Р. Микулинский, *на задних лапках стоит*. Да, такова была сила инструкторов единственного реального органа власти в стране, ЦК партии. Был, кстати, приказ по МИНХу, который я почему-то запомнил: объявить благодарность студенту-первокурснику Грибанову в связи с какой-то самодеятельностью.

3. Микулинский был евреем, но в 1941 г. или чуть раньше записался русским. Было-таки такое время, когда при получении паспорта разрешалось указывать иную национальность. И начали Микулинского клевать: как он посмел? Через какое-то время отстали, но всё-таки заявили, чтобы в партийных документах он числился евреем и только через какое-то время отказались и от этого требования. И кстати: нам в артиллерийском училище перед выпуском (неофициально?) разрешили поменять национальность, и стал наш Айзенберг *Айзенбергасом*. Родом был он из Литвы, возможно, что мать была у него литовкой, а лицо у него не было ни славянским, ни еврейским.

Голосование в Академии было заочным, и советские члены сдавали заполненные бюллетени *в открытых конвертах* секретарю Микулинского; правда, Юшкевич, который часто бывал на Западе (много раз в Париже), старался там и голосовать. Да и в самой Академии один из советских членов (А. Т. Григорян) безуспешно требовал снять мою кандидатуру; мы, мол, против него, и должны же вы это учитывать. В члены-корреспонденты Академии я попал лишь в 1990 г., когда те же советские учёные неожиданно изменили своё мнение (и тот же академик громко заявил, что тоже будет голосовать за меня), а в 1995 г. я стал её действительным членом.

16. Мною заинтересовались

1. Примерно тогда же, когда позвонил мне Грибанов, А. И. Володарский, специалист по истории математики древней Индии,

но ничего не смыслящий в теории вероятностей (да и вообще недалёкий человек), вдруг начал меня горячо убеждать в значимости второй книги Майстрова. Спроста ли? Мне потом посоветовали, *ничего такого* при нем не говорить. В ИИЕТ он был в официальном почёте, несколько раз выезжал за рубеж в составе делегаций на какие-то научные конференции, притом даже в качестве *учёного секретаря*. Были, оказывается, у делегаций такие секретари! Об его научных заслугах лучше умолчать, но году в 1991-м стал он членом-корреспондентом Академии. Вот так! Посетивший ИИЕТ американский историк математики Даубен (п. 14.4) сетовал на его глупость: заявил он, что нет у нас в Советском Союзе голубых.

Откуда Вы это знаете? – У нас в ИИЕТ таких нет.

Думаю, что пел он с чужого голоса, только вот усердие проявлял не по разуму.

2. И опять же примерно в то время позвонил мне режиссёр с Мосфильма, нужен-де ему графический материал по азартным играм (т. е. по истории теории вероятностей), а телефон мой ему дал Б. А. Розенфельд. Пришёл он, начал меня вопрошать. Очень скоро понял я, что он такой же режиссёр, как я кинооператор, и приходил он посмотреть на смутьяна, который нагло посмел баллотироваться в международную академию без благословления Высокого дома. Он ещё позвонил мне на следующий день, спросил, что я думаю о теореме Бейеса. Не иначе, как и это было связано с графическими материалами! Хотел он меня окончательно убедить, что мной интересуются. А ответил я ему уклончиво, на поводу у него не пошёл.

А Розенфельд? Крупный учёный, геометр и знаток арабской математики (выучил арабский язык!) и бабник, но, со слов болтуна-Володарского, в сильнейшей степени небрежный в исторических работах и потому едва терпимый Юшкевичем. Такой же болтун, но вот о визите ко мне *режиссёра* ни словом не обмолвился ... Уехал, жил где-то в США, почти ослеп, но публиковался до последнего времени, умер. Не знаю, был ли он стукачом, но вообще-то спрашивал себя: сколько же их было *на душу населения в стране* (и сколько сейчас)? В 1946 г. одноклассник по русской школе, Юра Розенберг, пересказал мне слова своего болтливового товарища *из органов*.

Видишь ларёк, двое капустой торгуют? Так вот, один-то уж наверное из наших.

17. Родная партия

1. Пять лет (1980 – 1985), вплоть до получения пенсии, я нигде не работал. Пора сказать: был я кандидатом партии с 1946 г., – не понимал-таки, что почём, да и трудно было офицеру оставаться беспартийным, – а затем стал и членом партии. В те тяжёлые годы обращался за помощью в райком партии и даже на самый Олимп, но только для вида: знал, что ничего они не сделают, но хотел показать, что стараюсь найти работу.

Не посетил за то время ни одного партийного собрания, приезжал в МИНХ раз в месяц и, как не имевший заработка,

уплачивал 2 копейки членских взносов (и тратил 10 копеек на проезд).

Меня неоднократно предупреждали об ответственности за нарушение устава (и заочно ругали на собраниях, отмечая при этом добросовестную уплату взносов), но помочь мне и не думали, я же неизменно отвечал: раз не работаю, то нет смысла посещать. Обошлось, быть может ввиду моих международных связей, а вообще-то мог бы попасть в книгу рекордов: пять лет в полном отрыве от родной партии, *от ума, чести и совести нашей эпохи!*

2. Достиг пенсионного возраста, снялся с партучета в МИНХе (они уж совсем было собрались мной вплотную заняться, да проще оказалось потерпеть ещё месяц), пошёл с той же целью в райком партии, там узнали, что я пять лет не работал. Сказать ничего не сказали, но посмотрели как на врага народа.

Стал на учёт по месту жительства, там вообще кроме взносов ничего не требовали, а примерно в 1989 г. выкинул я свой партбилет. Позвонили мне, напомнили про взносы.

Я больше платить не буду. – Тогда сдайте партбилет. (Так вот что, массовый, стало быть, отток!) – Я его выкинул. – Вы должны были подать заявление. – Так подайте на меня в суд.

Второй звонок от другого деятеля той же парторганизации.

Почему же Вы так поступили? – Пять лет был без работы, с меня хватит. – А почему так случилось?

Как с Луны свалилась. Объяснил популярно. Попросила разрешения придти для душевспасительной беседы, но я отказался. Всё.

3. А ведь году в 1969-м выбрали меня в партбюро факультета, и не было никакого повода отказаться. Помню одно только: выбирали обычно в президиум факультетских собраний своё же партбюро, а я два раза оставался в аудитории. Но указали, указали мне, что не положено так поступать. Вспоминаю также собрание небольшой партгруппы, возможно ещё в институтской лаборатории, под председательством Абалкина (п. 13.12). Рассматривалось персональное дело одного из нас (родственника известного историка математики И. К. Андропова). Уехал он самовольно на несколько дней из Москвы, т. е. прогулял, а вернулся со сломанной ногой. Я сказал, что может быть ноги с него хватит, но нет! Нога – дело частное, к партии, к *нашему рулевому*, отношения не имеет, *другой зарок дала великая, негнущаяся партия!* Всыпали ему на всю катушку.

Взыскание же партийное было делом серьёзным. *Снять* его можно было через какое-то время, если усердно выполнять партийные поручения, а до того ни о каком повышении по службе помышлять нельзя было, да оно как-то вообще принижало, притом трудно было с ним другую работу найти. А поручения были технические (ими я старался ограничиваться), как, например, проверка правильности уплаты взносов по документам, но упор был на идеологию: сделать доклад о каких-то партийных решениях, агитировать на выборах (вот именно: на

выборах без выборов) и т. д. Вот история. На рынке Брежнев увидел узбека, который продавал арбуз.

А выбора нет? – Выбери! – Что же я могу выбрать? – А кого мы можем выбирать на выборах?

4. Верно Маяковский подметил: *негнущаяся*, потому и распалась. А вот Абалкин и иже с ним вполне согнулись, а понадобится – снова разогнутся, лист Мёбиуса изобразят, – гладко перейдут с одной стороны поверхности на другую, а оттуда – обратно.

Не сумел Горбачев партию согнуть, так ведь всё государство надо было *перестроить*, тоже было немислимо. Его распад был неизбежен, и я решительно отказываюсь согласиться с тем, что это оказалось *катастрофой*, да ещё *века* (Путин).

Несколько эпизодов из будней перестройки. Открылся в Москве частный овощной магазин, и городская администрация не знала, как с ним быть. Прислали инспектора.

Почему Вы меняете цены в течение дня? – А почему бы и нет? – Кто проверяет вашу кассиру? Она, быть может, обманывает Вас. – Это моя бабушка.

В центре Москвы общественный туалет отдали частнику в аренду, тот же быстренько переделал туалет в пивной подвал. Туалетов было слишком мало, но в арендном договоре переделка объекта не была запрещена.

Приморский город на Дальнем Востоке утопал в опилках от близлежащих лесопилок. Нашёлся человек, нанявший бродяг, которые нагрузили опилками судно. Отправились опилки в Японию и были там проданы. Это описал в газетной статье первый советский легальный миллионер, Тарасов. (Миллионером он возможно стал позже.) Никто о Японии не думал: монополия внешней торговли! Тарасов был коммунистом, пришёл в райком платить взносы. Заплатил больше годовой зарплаты той сотрудницы, которая принимала взносы. Подумайте: как работники райкома восприняли появление миллионера!

В 2018 г. другой легальный миллионер баллотировался в президенты от новой (карманной) компартии. Проиграл, конечно же, но *показал коммунистический флаг*.

В 1989 г. я пошёл покупать мацу в синагогу, встал в очередь и уважительно снял фуражку. На меня зашипели, а было мне примерно 64 года!

5. Вот горбачёвский референдум 1991 г. и сведения о нем из Википедии. Вопрос был поставлен так:

Считаете ли вы необходимым сохранение СССР как обновлённой федерации равноправных суверенных республик, в которой будут в полной мере гарантированы права и свободы человека любой национальности?

Надо было бы добавить: *... и в которой вы станете маршалом/женой маршала?* И мысленно объявить: *Тогда пойдёт уж музыка не та: у нас запляшут лес и горы!*

И вот результаты: участвовало 79,4% имевших на то право, из которых 76,4% ответили на вопрос положительно. Можно по-разному оценивать эти цифры, но главное совсем в другом:

органы власти пяти союзных республик из 15 (Армении, Грузии, и всех прибалтийских республик) провели свои собственные референдумы, на которых подавляющее большинство избирателей высказалось за полную независимость. Результаты в Молдавии оказались половинчатыми, а Казахстан и Украина изменили вопрос референдума. А как было на Западной Украине? Неизвестно. Референдум фактически опирался на демократическую конституцию 1989 г., которая предоставляла союзным республикам право устанавливать дипломатические и торговые отношения с другими странами, но эти пять республик были, видимо, по горло сыты и Советским Союзом, и советским социализмом.

Лет за десять до этого прочёл какой-то высший украинский партийный деятель доклад на русском языке. Знакомый спросил: почему не на украинском?

Своровал бы я миллион, так может и обошлось бы, но после доклада на украинском языке меня тут на следующий день не было бы.

Так передал по радио *Свобода* её комментатор, тот самый знакомый.

Распад Советского Союза стал неизбежен, его нельзя было бы остановить даже *железом и кровью*. Попробовали ведь, правда, в мелком масштабе в Прибалтике (застрелили *всего лишь* человек 12), политический же результат оказался противоположным тому, которого ожидали *несгибаемые, ничего не забывшие и ничему не научившиеся*.

Вот, кстати, мнение высокопоставленного казахского чиновника, высказанное примерно в 1996 г. российскому еврею: занимал он высокую должность в Москве,

Но всё равно считали меня чуркой, а тебя – жидовской мордой.

Выход республик из Союза? Была задумана для этого (впервые с момента образования Союза в 1922 г.!) процедура, рассчитанная лет на шесть (и разрабатывал её всё тот же Абалкин), и ещё до референдума, в 1990 г., был принят закон о порядке выхода, но поздно, поздно спохватились, и взорвался Союз.

6. И вот малоизвестный эпизод. В 1936 г., в канун Большого Террора, Чрезвычайный 8-й Всесоюзный съезд Советов принял конституцию, разумеется, сталинскую, самую демократическую (на бумаге) в мире. Был вначале опубликован её проект с просьбой обсудить его. Посыпались поправки. О конституции и о предложенных поправках докладывал на указанном съезде Сталин. Согласился с тем, что воинскую *повинность* правильнее называть *обязанностью* и ещё кое с чем, но отказался преобразовать автономную республику немцев Поволжья в союзную, т. е. уравнивать её в правах, например, с Украиной. Да, действительно, эта автономия по всем статьям превосходит (тут он назвал какую-то среднеазиатскую союзную республику, упомянутую немцами), но ведь ей выходить-то некуда! Вспомнил он о фактически не существовавшем праве на выход из Союза!

Будущее этой автономии был трагичным. В 1941 г. её население было отправлено в Сибирь и Казахстан и без всякой необходимости проживало там под строгим надзором. После смерти Проклятого они смогли вернуться – на пустое место. Было обещано восстановление автономии, но Путин отменил это обещание. Многие немцы окончательно обрусели, притом как правило в худшем смысле.

И также в канун Большого Террора, в том же 1936 г., выдал Лебедев-Кумач песенку с особой строкой: *Жить стало лучше, жить стало веселее ...* И повторил её Сталин, вставил только слово одно: *Жить стало лучше, товарищи, жить ...* А затем начался Большой террор (виноват! Началось всеобщее веселье).

18. Семья

1. Эти же пять безработных лет я усиленно продолжал свою научную работу и даже мысленно благодарил Мочалова за предоставленную возможность. И снова пора сказать: был я женат с 1957 г. Моя покойная жена, Ида, урождённая Блоштейн, не пилила меня, понимала, что работу мне не найти. Члену партии устроиться, грубо говоря, ночным сторожем нельзя было, да и малая зарплата уменьшила бы мою пенсию. Ида деньги на ветер никогда не бросала, где-то работала, и были какие-то сбережения, к тому же достались мне деньги после отца, кое-как дотянули до моей пенсии. Из своего *почтового ящика* Ида ушла по моему настоянию: и сын, и я были настроены на выезд, и надо было ей заранее отойти от *ящика*, хотя лично ни с какими секретами дела не имела.

В детстве, при матери не от мира сего, да ещё при двух старших сёстрах, она почти голодала, всю жизнь ценила каждый кусок хлеба. Её отец натерпелся от власти и рано умер. Лишили его избирательных прав, а в те времена это означало: *нежелательный элемент*, вполне могли из Москвы выселить с семьёй вместе. Написал он письмо Горькому, просил помочь. Чем это кончилось – не знаю, но в Москве остался.

В 1989 или 1990 г. Ида стала адвентисткой. (Ни она, ни я не были связаны с еврейской жизнью.) Я познакомился с некоторыми московскими адвентистами, вполне достойными и знающими древнюю историю людьми. Один из них сказал нескольким евреям: *приходите к нам, станете вдвойне избранными.*

2. Впрочем, другой адвентист, врач по профессии, думал совсем иначе: в момент смерти Иисуса в храме разодралась занавеска, т. е. богоизбранными стали христиане.

Сейчас я возразил бы ему. Во-первых, мусульмане быть может и сегодня в момент горя раздирают свою одежду, и Господь мог бы горевать о своём сыне. Во-вторых, главное в том, что (Послание к римлянам 11:29)

Дары и призвание Божие непреложны.

На это место в *Новом завете* указал Папа Франциск I. Несколько позже он, правда, добавил: христиане тоже народ

Божий, но признал, что смертным такое объединение остаётся непонятным.

Здесь, в Германии, пыталась Ида посещать синагогу, но немецкий язык стал серьёзным препятствием. Перешла к мормонам, многие из которых заслуживают всяческого уважения, особенно искренне верующие и не получающие ни гроша молодые проповедники, у адвентистов же таких проповедников нет. Два года они служат своему делу, а послать их могут (в основном из штата Юта, в США) куда угодно. Но никто не защитил её, когда над ней грубо подшутил один мормон, и она перешла в секту *Евреи за Иисуса*, берлинская группа которых русскоязычна. Я тщетно пытался её отговорить, указав, что в *Новом завете*, вопреки христианской традиции, Иисус показан неприглядно.

3. Ида умерла в 2004 г. Был рак молочной железы, – обошёлся сравнительно легко, но надо было пять лет принимать профилактическое лекарство. Через три года одолели побочные действия, попросила отменить его, и врач, вместо того, чтобы дать недели две отдохнуть, отменила совсем, я же почему-то не стал возражать. И снова рак, на этот раз неизлечимый. Нельзя доверять слишком добрым врачам! И добрые-то они быть может потому, что скрывают своё невежество. Но добавлю: с 1994 г. жила Ида с искусственным митральным клапаном, операцию в Кёльне перенесла, а вот в России вряд ли сумела бы долго ещё прожить.

Я сам чуть не умер ещё в Москве, потому что запомнил случайно услышанное замечание нашего невежественного участкового врача:

Аппендицита у Вас никакого нет, Вы бы сразу его почувствовали.

А я вот заболел и почти ничего не чувствовал. Лишь через несколько дней догадался ткнуть себя пальцем в живот, а ещё бы день прошёл – и не спасли бы. Нельзя доверять общим указаниям, к тебе они может быть не подходят.

4. Ещё в Москве перенёс *мужскую* урологическую операцию. Беседовал в больнице с живым и приятным евреем, бывшим главным механиком атомного ледокола *Ленин*. Таких людей можно только уважать. Лет за пять до того перенёс он такую же операцию, с тех пор почему-то ежегодно в больнице каким-то неприятным процедурам подвергался. Осмелел я, на морской язык перешёл:

Вы уже давно дрейфуете, не вынесет ли Вас на скалы? Что если Вам уехать, может быть там лучше лечить будут?

– *Неудобно, я же участник (войны). – А они не участники?*

– *Надо будет с семьёй посоветоваться.*

Еврей-патриот в 1989 г.! Я потерял родину вместе с патриотизмом в свои студенческие годы в МИИГАиК, потому что государственный антисемитизм стал очевидным. Знакомый студент, еврей, рассказал: был он слушателем какой-то военной академии, но вместе с группой других евреев-слушателей был отчислен якобы за плохую успеваемость.

Образования у Иды почти не было и думаю, что она опасалась, что я начну указывать на своё превосходство (о чём я и не думал). Она меня заранее предупредила, что всё должно происходить по её воле. Меня это вполне устраивало: освобождало от лишних забот, у неё же было достаточно здравого смысла, и, в отличие от меня, она легко сходилась с людьми. После её смерти её знакомая сообщила мне:

Ида сказала, что ни с кем иным она не смогла бы долго прожить.

Я никогда ничего подобного от неё не слышал! Однажды она пожаловалась:

Ты не нежен со мной. – Не могу быть нежным со своим начальником.

Начальником она осталась.

5. Наш сын Михаил (назван был в память умершего дяди), ни слова не знавший по-немецки, успешно занимается своим делом, к своим родителям, а теперь ко мне одному, относился (относится) действительно как родной сын, иначе сказать не умею. Без его материальной помощи моя научная работа захирела бы, да и сам я оказался бы в скверном положении. Вот один только пример. Ортопед избавил меня от пяточной шпоры, надеюсь, пожизненно, но за три процедуры (которые он, правда, сам лично и проделал) заплатил я 258 евро (сегодня эта процедура возможно много дешевле). За желательные (частично и за необходимые) лекарства надо платить, и немало, раньше они были намного дешевле, да и доставались они нам, *социальщикам* (живущим на социальное пособие), гораздо чаще бесплатно.

Не подходит к нему американская поговорка:

Сын это сын пока он холостой./Дочь это дочь пока она жива.

Примерно в 2010 г. два врача в газетной статье предложили ограничить врачебную помощь лицам, старше 75 лет, выдачей болеутоляющих средств. Появились возмущённые комментарии, но авторы заранее предупредили, что не будут участвовать в спорах. Их предложение, конечно же, не было принято, но кое-какие аналогичные шаги были приняты (когда?). Ежегодный урологический анализ крови был для меня бесплатным только до 80 лет. Вспоминаю, что при поступлении в свою последнюю больницу отец преуменьшил свой возраст на девять лет, *иначе они не станут возиться со мной.*

Я сравнительно здоров. В Москве начал когда-то заниматься штангой, но оказалось, что сердце протестует против *рваной* (переменной) нагрузки и даже бадминтон оказался не под силу, но сумел бегать. Начал, когда ещё моды такой не было, Ида боялась, что меня за сумасшедшего примут. Жили мы возле стадиона *Динамо*, я до него добегал за несколько минут, дважды обегал его и обратно домой. Занимало это минут 40 ежедневно, без выходных. Столько же пробегал (и в Германии тоже) лет до 75-и, затем начал постепенно сокращать дистанцию. Теперь хожу быстрым шагом вдвое дальше, продолжаю делать зарядку минут на 60, стараюсь съесть поменьше (но плохо справляюсь с этой задачей).

Внук Александр попал в Германию в четырёхлетнем возрасте. В детский сад не хотел ходить: пусть, мол, все дети вначале выучат русский, но привык. Вскоре я спросил его: нравится ли ему Германия? Нравится, потому что ходит в детский сад и получает *ташенгельд* (карманные деньги). Немецкий стал его родным языком. Два года обучался в английской школе-интернате, получил высшее *предпринимательское* образование. Для иностранца, русским он владеет прекрасно. Стал, как и его отец (как мой сын) успешным бизнесменом, подарил двух внуков Мише и двух правнучек мне.

19. Снова о науке. Монография

1. Для включения в задуманную монографию по математике XIX в. требовалась глава по теории вероятностей, и Юшкевич попросил Гнеденко написать её. Тот сказал, что без меня писать не будет; спросили и меня (быть может вначале), я же сказал, что без современного математика писать не могу. Ну, тут нас и объединили. Я написал вчерне почти всё, но разделы, описывающие труды Чебышева, Маркова и Ляпунова, основал на статьях Гнеденко, а он к тому же написал Введение и Заключение и всё просмотрел. Одна моя фраза ему очень понравилась, – его собственная, которую он употребил в своей давнишней статье. Я ему так и сказал, он ответил: не помнит он её, но фраза хорошая. Зашла почему-то речь о каких-то перпендикулярах, я сказал *восставить*, Гнеденко же помрачнел: знать, хотелось ему услышать мою ошибку, он бы меня поправил.

Признаюсь, что долгое время уверенно говорил я *восстановить*, и ошибку заметил директор школы, А. М. Петров, в которой я преподавал. Попала наша рукопись к первому редактору, Колмогорову (вторым был Юшкевич), который нашёл несколько моих ошибок (не замеченных Гнеденко) и напрасно полностью вычеркнул описание варианта введённой Лапласом дельта-функции Дирака. На современном языке обобщённых функций появившийся у него интеграл, как я позже понял, не имел смысла, но исследование было очень интересно с исторической точки зрения, к моему комментарию надо было просто добавить одну фразу. Гнеденко, я бы сказал, с рабской покорностью воспринял все решения Колмогорова, и статья пришла к Юшкевичу. Тот внёс свои дополнения и несколько подправил нас.

Об этом исследовании Лапласа я докладывал на семинаре в МГУ, и неладное заметил только Розенфельд. Юшкевич заявил, что всё понятно, Розенфельд спорить не стал, остальные промолчали (разобрались или нет?). Розенфельд мне как-то сказал, что, будь воля Юшкевича, давно стал бы я доктором наук. Он же сам, надо сказать, меня перед Юшкевичем всячески старался принизить, не по специальному ли заданию?

2. Переводил я совместную статью Юшкевича и Розенфельда (1996). Попросил меня А. П. об этом, когда я очутился без работы и захотел заключить с ним трудовое соглашение, но он почему-то отказался, дал переводить кому-то другому. Перевод

забраковали, А. П. снова ко мне, а я уже пришёл в себя, начал переводить. Какой-то редкостный геометрический термин не стал разыскивать, подумал, что Розенфельд сразу его впишет. Он так и сделал, но не преминул сообщить Юшкевичу: а Шейнин-то и не знал этого ...

Гнеденко отнёсся ко мне двусмысленно. Зная, что моё пребывание в МИНХе уже было под вопросом, он по собственной инициативе написал мне хорошую характеристику (которой я почему-то не смог воспользоваться) и дал мне телефон Колмогорова. Тот, правда, со мной говорить не стал: сказал, что прежде, чем помогать, нужно было бы посмотреть документы, а когда я что-то начал отвечать, просто положил трубку. С другой стороны, тот же Гнеденко попытался присвоить себе весь гонорар за главу, а знакомый историк математики сказал мне, что такие случаи бывали с его соавторами и раньше.

Хотел Гнеденко продолжать сотрудничество со мной, но я уклонился. Зачем нужен мне был современный учёный, который не замечает моих ошибок? Пытался и Юшкевич меня уговорить, быть может с его подачи, потом сказал кому-то, что от моего отказа Гнеденко пострадает больше, чем я сам.

Монография вышла в 1978 г., а в 1992-м была переведена на английский, притом нашу главу я перевёл сам, а в 2001-м году вышло второе английское издание. Примерно в 1980-м году её уже переводили на английский. Я узнал об этом, пошёл в ВААП, сказал, что хотел бы сам переводить свою главу. Ну, нет! Нам даже неудобно, мол, ввязываться в дела иностранных издательств. Так ведь чиновникам ничего не нужно было. Я всё-таки обратился в это известнейшее издательство (Биркхойзер), но было уже поздно. Переводы отдельных глав уже пришли к Юшкевичу, тот переправлял их соответствующим авторам, сам смотреть ничего не стал. Все авторы одобрили переводы, дошла очередь до нашей главы. Так ведь не Гнеденко же беспокоить, попросили меня проверить. Я посмотрел, ужаснулся и полностью забраковал работу, и поэтому (новый) перевод всей книги вышел в свет гораздо позже.

3. До сих пор не пойму, как могло издательство довериться явно случайному человеку, историку, который ничего не смыслил в математике. А почему другие авторы одобрили несусветную чепуху? Во-первых, английского толком не знали, а во-вторых, полагаю, были в восторге, что станут известны всему миру. С тех пор прошло немало времени, но и теперь, здесь, на Западе очень мало ведь кто читает по-русски, и Россия не может поэтому полностью принадлежать международному учёному сообществу.

Второе английское издание появилось для меня неожиданно, и такова, кажется, обычная европейская практика: переиздавать поспокойнее и побыстрее, читателям преподносить, стало быть, устаревший материал. А ведь могут авторы хотя бы дополнить библиографии, выправить ошибки, быть может чуть что-то добавить, да куда там! Один из переводчиков, который и ходатайствовал о переиздании, и проследил за его публикацией,

что-то, правда, исправил в *своих* главах, но не сообщил о нём ни авторам из России, ни мне в Берлине. Появившаяся на титульном листе надпись *Второе пересмотренное издание* наполовину ошибочна.

20. Париж

1. В 1990 г. меня, уже члена Академии, пригласили в Париж для научных докладов. Паспорта нам с Идой добыл, кажется, сын, – наступило, ведь смутное время. Давно уже умер Андропов и вот эпизод из времени царствования этого (по твёрдому убеждению нынешних коммунистов) демократа. Пожилой москвич ляпнул неподобающий анекдот. Пронюхали, вызвали на *Лубянку* (т. е. в страшный дом КГБ) – прийти с паспортом. Пришёл, отдал паспорт, получил пропуск, зашёл в кабинет. Долго ему читали нотацию, он слёзно извинялся. Отпустили, пропуск подписали. Сдал пропуск, получил паспорт, с лёгким сердцем домой пришёл. А на следующий день появился участковый милиционер:

Почему без прописки проживаете? – Как без прописки, вот мой паспорт! А там штамп появился: *выписан. – В 24 часа покинуть Москву!*

Куда же деваться? И близких родственников вне Москвы может быть и нет. Если даже в последний момент его *помиловали*, наказание было бы слишком тяжёлым, да и *преступлением* его анекдот являлся только для большевиков. Да, Андропов был демократом, но лишь по сравнению с Исчадием ада, но не больше того.

2. Так вот, визы надо было нам получать во французском консульстве, но где же оно? В телефонной книге ни посольства, ни консульства не значились, в справочном киоске тоже не знали. Тебе нужно? На самом деле? Так ступай в *Министерство Всеобщей Люб* ... то бишь иностранных дел. Там скажут, если сочтут нужным, но выспросят: зачем, кто таков, где живёшь, работаешь? Но родилась уж частная справочная, узнал я адрес, пришёл, увидел, получил.

Прочёл я в Париже два доклада, оба на английском языке. Ходили по городу. Бульвар Сен Мишель, Эйфелева башня. Нет, вверх не забирались. Чкалова, знаменитого лётчика, приземлившегося после беспосадочного полёта в Америке, спросили: что чувствует он здесь? Будто бы ответил: тоску по родине. Чкалов погиб в воздухе: что-то случилось с его самолётом. Слышал я, что он настоятельно просил Сталина прекратить террор, а посадить национального героя нельзя было.

Я чувствовал тоску по работе, тем более, что мы видели, как мусульманин открыто мочился в подземном переходе. Но Ида была почти на седьмом небе, ни она, ни её знакомые, ни родственники даже не мечтали попасть в *настоящее* зарубежье (не в Польшу или Болгарию).

3. Европа приняла немало миллионов мусульман, тогда как богатые мусульманские страны никого не приняли и финансовой помощи Европе не предложили. И искажённое понимание

свободы позволяет мусульманам творить безобразия. Более того, по крайней мере в США принимались судебные решения, противоречащие здравому смыслу, а некоторых из получивших таким образом немалые выгоды награждают Шнобелевскими премиями (это – знак насмешки над судами). Вор проник в гараж своей жертвы, но войти в дом не смог, почему-то не смог и улизнуть. Оставался в гараже несколько дней, получил по суду около 10 тысяч долларов возмещения за ущерб!

Осевшие в Европе мусульмане открыто заявляют, что захватят весь континент, и это – свобода слова в шнобелевском смысле. Иудеи (к которым я не принадлежу) могут считать, что нашествие мусульман это божественное возмездие за уничтожение европейских евреев.

Иран заявляет, что уничтожит Израиль, но ведь это та же свобода! Государственным и общественным деятелям давно пора понять, что в социально-политическом смысле воинствующие мусульмане, т. е. весьма влиятельная ветвь ислама, относятся к особому подвиду человечества, *homo assassinus* (человек-убийца), и что к нему нельзя применять *обычные* понятия. Они ведь открыто заявляют, что будут властвовать над всем миром (а некоторые из них добавляют: и уничтожим всех неверных). Демократия в классическом смысле умерла, и никакой замены не видно. Мы должны измениться или выродиться, если даже не погибнем от сумасшедшей атомной войны.

4. Приехал чудесный англичанин и серьёзный учёный, Билл Фейрбрадер с женой Шейлой, был на одном из моих докладов, спросил что-то. Я говорю: *до сих пор думал, что владею английским*. Французы тихонько захихикали, он же смутился. Повторил свой вопрос, уже на литературном языке, а не на своём ливерпульском диалекте. Разговорился с американцем, который был тогда в Париже, спросил, понимает ли он ливерпульский диалект. *Да, но только потому, что прожил там год*.

И Билл, и Шейла хотели побывать в Париже, и приехали в то время, чтобы и меня повидать, я ведь переписывался с Биллом. Наследственная болезнь постепенно лишала его зрения, и он уже очень плохо видел. Посетили нас в Кёльне, а ещё через какое-то время у него появилась собака-поводырь. Он попросил позволения назвать её (его) *Оскар*. Да, так принято на Западе, хотя быть может чаще называют именем прославленного человека. Я разрешил и получил большое обрамлённое фото моего тёзки, очень красивой собаки.

История (разговор отца с дочерью из какой-то книги).

Ты девственница? – Нет. – Кто же этот мерзавец? – Он не мерзавец. Я забыла его имя. Его собаку звали Вольтер.

Сходил в консульства Англии, США, Канады, узнавал о возможности иммиграции, но ничего путного не вышло. Уже в Москве с той же целью сумел попасть в английское консульство, долго говорил с кем-то, цитировал Лонгфелло (о котором тот не слышал). Итог: *Да, мы согласны, но за пределами России у Вас должно быть двести тысяч фунтов*. Почему-то не оказалось.

Уже здесь в Германии долгое время бесплатно жили в Кёльне в гостинице при непрерывном шуме с улицы, а могло быть гораздо хуже. Селили даже *на пароходе*, на каком-то судне, стоявшем у причала на Рейне, в отвратительных условиях, соседями притом иногда оказывались арабы, ненавидящие евреев с пелёнок.

Но нашли мы квартиру. Много было желающих немцев, но за наши *красивые глаза* выбрал нас домовладелец. Приехал к нему на другой день, говорил с ним по-английски, он – на хохдойч, и я всё понимал. Вроде бы всё выяснили, но стал он в Еврейской общине спрашивать:

Что здесь этот Шейнин делает? Ведь он завтра же в Англию переедет. – Никуда не уедет, пособия там получать не будет (недаром двести тысяч надо было иметь). И вот оно, счастье: четвёртый этаж без лифта, печное отопление, уголь в подвале. Так начинали.

21. Статистическое общество

1. В 1991 г. неожиданно получил я по почте диплом почётного члена лондонского Королевского статистического общества:

Признав его заслуги в статистике, Президент, Совет и члены Общества избрали (меня) почётным членом. 11 июня 1991 г.

Высокая честь, в своё время её удостоился Чупров, а затем Колмогоров. Подозреваю, впрочем, что большинство таких членов оставалось свадебными генералами. Меня, во всяком случае, ни разу не приглашали выступить с докладом, ни с какими пожеланиями не обращались, сам я лишь опубликовал два или три письма в ежемесячном информационном бюллетене Общества.

И вот в 2005 г. в журнале Общества появилась статья двух авторов (А. Прайс и Ю. Сенита), посвящённая работе Де Моргана, крупнейшего логика XIX в., кое-что сделавшего и в теории вероятностей. Послал я туда же крошечную заметку, указал, что в одной статье Де Моргана, на которую авторы сослались (указав, притом, неверную дату её публикации и произвольно охарактеризовав её содержание в одной фразе), он разъяснял, сколько раз произойдёт событие, вероятность которого равнялась 2,5. Чушь собачья! По определению, не может вероятность превысить единицу.

От журнала ни слуха, ни духа; через несколько месяцев начал их теребить, но получал лишь отписки типа *Авторы, кажется (!?) ещё не прислали своего ответа на Ваши замечания*. Какие замечания? Они могли только повиниться. Написал Президенту, тот отмолчался; решительно спросил редакцию, был ли дан авторам предельный срок. Ответ в грубой форме:

Мы решили отклонить заметку, поскольку Вы уже опубликовали свою критику Де Моргана.

Да, опубликовал в статье общего характера, и упомянул это в своей заметке, так что её можно было бы отклонить на полгода раньше. А по существу авторы указанной статьи Де Моргана и не читали. Я отказался от своего почётного членства, и случилось такое быть может впервые в истории Общества,

существовавшего примерно с 1840 г. Напоследок мне сообщили, что всё это будет обсуждаться на Совете Общества, члены которого безусловно выразят своё сожаление (и прольют крокодиловы слезы?), и что я всегда смогу вернуться. Решил вернуться непременно, как только эти *мы* извинятся за своё издевательство, и произойдёт это обязательно, пусть только приедут турусы на колёсах. Вот что означает охрана чести научного мундира, что я слишком поздно понял!

В книге вдовы Де Моргана (De Morgan S. E. 1882, p. 147) опубликован текст его письма 1842 г. Дж. Гершелю (ответа которого не было) с указанием *несомненных* (и никак не пояснённых) истин, а проще сказать, математических сапог всмятку:

$$\sin \infty = 0, \cos \infty = 0, \operatorname{tg} \infty = 1/\sqrt{-1}, \operatorname{ctg} \infty = \operatorname{tg} \infty.$$

Совсем недавно я вернулся в Общество: решил, что те *мы*, если ещё живы, уже не занимают прежних должностей.

22. История науки

1. Я продолжаю свою научную работу. Вижу в истории теории вероятностей невероятное невежество в сочетании с самоуверенностью. Специалист по древним языкам перевела *Искусство предположений* Якоба Бернулли на английский язык, подтвердив, что *Беда, коль пироги начнёт печи сапожник!* Она же взяла с потолка выходные данные русского перевода 4-й части *Искусства*. Другой, с позволения сказать, историк науки, Т. Д. Портер опубликовал негодную биографию Карла Пирсона, прикладного математика, статистика и философа, см. Шейнин (2006а, 2006б).

Есть и российский самородок с замашками Хлестакова, Ю. В. Чайковский, измышляющий закон больших чисел Кардано – Бернулли и вообще переворачивающий вверх дном всё, что попадётся на глаза. Кардано, если он и сформулировал элементы закона больших чисел, то не обосновал их, а потому мог бы притязать на соавторство ещё меньше, чем Гук, – на закон всемирного тяготения, который знал его формулу, но не обосновал её.

И нет на них никакой управы. *От блох не стало мочи, не стало нам житья!* Статью свою самородок опубликовал в *Историко-математических исследованиях*, членом редакционного совета (т. е. снова свадебным генералом) которого я был, рекомендовал её известный современный и безответственный математик А. Ширяев, и вышел я из совета. Жалею, что с опозданием отпустил меня редактор журнала. Была для моего выхода из редакционного совета ещё одна причина: сотрудники редакции воспринимали меня только как автора. Попытался я как-то предложить по телефону что-то изменить в принятой форме библиографических описаний, но мне сразу дали понять, что сунулся я в чужой монастырь.

Общественное мнение научного мира? Так вот гораздо более отвратительное дело Стиглера, полубога статистиков, который

оклеветал память Эйлера и Гаусса (и допустил иные недопустимые поступки). Я оказался единственным, назвавший вещи своими именами (**S, G, 31**), но многие в частном порядке выразили мне своё неудовольствие; память о величайших учёных для них ничего не значила, живая собака важнее мёртвого льва! Ни одного объективного довода они не привели, и я воспринимаю их неудовольствие как известное утверждение: *Он сукин сын, но он наш сукин сын!* Говорят, что многие американские доброты требуют гуманного отношения к схваченным убийцам, но редко вспоминают о семьях их жертв ...

2. Нашлись и особые умники, которые сократили историю цивилизации на полторы тысячи лет и дошли до умопомрачительных выводов. Никто не вспомнил Гаусса (*Труды*, т. 12, с. 201 – 204): приложения теории вероятностей, основанные лишь на числах (т. е. без учёта дополнительных обстоятельств), могут быть весьма ошибочными. Удивительнее всего, что Академия наук Советского Союза, почему-то понукаемая Высоким домом, очень долго позорно поддерживала явную бессмыслицу. А началось всё это с того, что тот же научный преступник Ширяев дал положительный отзыв на *труд* основателя новой хронологии. Он, оказывается, основывался на реферате новатора (Новиков 2000).

Сейчас Академия переживает вторую позорную эпоху, – существенное подчинение религии. Забыт Марков (Шейнин 2007), который не терпел её и даже подал прошение об отлучении от русской православной церкви (его лишь сочли *отпавшим* от церкви).

3. Совсем неважно обстоит дело с реферированием. *РЖ Математика*, который, кажется, снова встал на ноги, здесь неизвестен, а *Math. Reviews* и *Zentralblatt MATH* почти недоступны ввиду дороговизны. Считаю это положение отвратительной близорукостью властей предержавших.

Давно заметил, что рефераты книг, да и журнальных статей, нередко просто негодны, что вызвано ограниченными материальными возможностями реферативных журналов, но также и непониманием важности этой научной деятельности. Вспоминаю *Новые книги за рубежом*: рефераты писали серьёзные учёные, и относились они к этому занятию как к настоящей научной работе, здесь же такое отношение встречается редко. И это тем более отвратительно, что солидные издательства не брезгают дрянью публиковать, вспомним также историю с переводом монографии, (пп. 19.2, 19.3).

Один из моих рефератов этот *Zentralblatt* потребовал обкорнать: я посмел назвать публикацию негодной книги *скандальной*. А дело-то в том, что издательства бесплатно рассылают экземпляры своих выходящих книг редакциям различных журналов. Помести объективную информацию о книге – посылать больше не будут! Что тут можно сказать?

В тяжёлом положении оказалось, видимо, большинство научных обществ. Почти единственный источник поступлений – членские взносы, так что принимают они к себе чуть ли не всех

желающих (п. 15.1). И дошла очередь до нашей Академии по истории науки. Лет шесть назад прошли в ней выборы, получил я оттуда бюллетень для голосования. Выбрать надо было не менее столько-то из числа намеченных без должного обсуждения, иначе же голос окажется недействительным. Сообщил, что на таких условиях голосовать отказываюсь.

4. История науки – тыл современных исследований, он осмысливает и закрепляет завоеванные пространства и позволяет чуточку осветить предстоящие кампании. От своих воинов он требует знания языков (желательно и латинского, иногда и арабского, не говоря о русском), бережного отношения к нашим классикам и хотя бы общего понимания о положении в передовых окопах. Последнее вполне может ослабеть с годами, с изучением старого, но ведь даже Евклида и Аристотеля полагается комментировать на современном языке. Что, всё это давно известно? А слышал ли ты, что каждое поколение заново открывает для себя Шекспира? Ну, то-то! И исключительно ценны те историки науки, которые хорошо владеют и современностью, чего о себе, к сожалению, сказать не могу.

Более непосредственно история науки используется при составлении биографий учёных для энциклопедий, при комментировании собраний сочинений классиков и для педагогических целей: она способна особо воодушевлять студентов, и во всяком случае помогает им понять суть нового. Известно ведь, что для лучшего восприятия теории на неё следует посмотреть со стороны (и с тыла). Где-то я прочёл про немецкого учителя истории. Он привёл своих учеников на холм возле их города и спросил их:

Как наш город могли бы атаковать в таком-то веке?

5. Трудно несколько десятилетий оставаться в гуще современности, а вот в тылу можно работать гораздо дольше. В идеале хорошо бы исследователям исподволь готовить себя к новой роли, потому что сразу перейти в тыл очень трудно и вот пример. Был на нашей кафедре в МИНХе профессор Л. Б. Новак (п. 13.1), как-то сказал он несколько слов о В. П. Ветчинкине, ученике Н. Е. Жуковского, с которым имел какие-то контакты. Я говорю:

Хорошо бы Вам написать статью о Ветчинкине, может быть чуть и о Жуковском. – Ну, придётся сравнивать их, а это дело тонкое ...

Вот так пропадают ценные свидетельства современников.

Интернет стал могучим подспорьем и в нашей работе, но он и мешает: внимание невольно обращается только на последние публикации, старое и добротное часто упускается, и особенно это следует иметь в виду новичкам тыла.

Мне удалось раскопать неизвестные факты и вообще написать не существовавшую историю теории вероятностей и теории ошибок (и, в большой степени, статистики), притом с охватом приложений к естествознанию, потому что исследовал проникновение статистического метода в его различные ветви (Шейнин 2017). В масштабе истории математики это – совсем

немного, но для одного человека – очень неплохо. Желающие могут ознакомиться со многим из этого, просмотрев мой сайт www.sheynin.de, который Google полностью перенимает, см. Oscar Sheynin.

Особо горжусь пересказом на английский язык части 4-й *Искусства предположений* Якоба Бернулли (Bernoulli Jakob 2005). Исходил я из русского, французского и немецкого переводов латинского оригинала, сверил с ним насколько смог свой текст, удостоверился: моя компиляция оказалась лучше каждого перевода, указанного выше.

Находясь в Германии, добром рассчитался, надеюсь, и с народом, за счёт которого стал человеком и научным работником, и с тем, который содержит меня вот уже 27 лет и к которому я уже давно *официально* принадлежу.

23. Снова Германия

1. Приехали мы с Идой в Кёльн по приглашению, выпрошенному сыном у кого-то, сам он был уже там, получал пособие (и поэтому не мог никого приглашать), а семья приехала к нему позже.

Сравнительно легко сумел попасть в посольство ФРГ за визой, помог профессор Дитц, директор тьюбингенского Института медицинской биометрии. Начал он со мной переписываться после выхода в свет моей статьи об истории медицинской статистики (Шейнин 1982); интересовался историей математической статистики, но заняться ей всерьёз так и не мог. Последние годы я потерял связь с ним. Так вот, прислал он мне по моей просьбе какое-то, помнится, научное приглашение, и в консульство я попал сразу же, минуя громадную очередь желающих.

Приняли нас в кёльнскую еврейскую общину, раввин благоразумно ограничился нашим заверением, что мы *тяготеем* к иудаизму. Пошёл я к властям просить разрешения остаться.

Земля Сев. Рейн – Вестфалия уже приняла в этом году ... человек (назвал он сколько-то тысяч), у нас не приют. – Мы – члены кёльнской Еврейской общины. – Другое дело.

Говорил я с ним по-немецки, по-английски не захотел он. Получили мы *Дульдунг* (*Допущение*; нас терпят), вместе с ним и пособие, а через несколько месяцев нам разрешили бессрочное пребывание.

Демографическое положение Германии отвратительно; рождаемость слишком низкая, население быстро стареет. У немецких туток в этом смысле как раз всё в порядке, и по крайней мере в Берлине они понемногу вытесняют немцев, но погоды они не делают. Очень нужен постоянный и мощный приток извне, а его-то и нет. Даже высококвалифицированным иностранцам трудно переселиться сюда, власти же не могут не понимать этого, но видимо боятся мнения простых немцев, – те же напрасно опасаются безработицы. Иностранцы заполнили бы пустые ниши, а специалисты создали бы новые рабочие места.

2. А вот мусульмане появились в громадном количестве. Вот иллюстрация их высокой рождаемости. Советский специалист в Афганистане, работавший там до советского нашествия, спросил обычного афганца:

У тебя шестеро детей, и жена скоро родит седьмого. Как ты будешь их кормить? – Сейчас жена делит лепёшку на шесть частей, так будет делить на семь.

Немецкий склад ума никак не способствует делу. Говорил мне когда-то русский, переселившийся в США лет 40 назад, со слов американца: раз он не собирается возвращаться в Россию, то должен считать себя американцем. Но вот интересно свидетельство А. А. Чупрова, который в письме 23 июля 1920 г. из Берлина сообщал, что к русским эмигрантам отношение очень хорошее: немцы боялись своих большевиков и русских даже *слишком уж за своего считали* (Чупров 2009).

Такое отношение давно исчезло. Многие немцы, видимо, не вполне представляют себе, что Германия нуждается в притоке иностранцев (слишком низкая рождаемость), но уж не мусульман. Проживающее ныне третье и четвёртое поколения немецких турок почти не смешиваются с немцами и должны как-то приниматься во внимание в отношениях с Турцией. В газетах сообщалось, что молодые немецкие турки восторженно восприняли сцены убийства христиан и евреев в каком-то турецком фильме.

Итак, принимать христиан и евреев, потому что их третье поколение будет уже почти *немецким*. Немецкие евреи имеют немалые заслуги перед Германией, достаточно упомянуть Гейне и Эйнштейна. Мало известно, что в царской России из *инородцев* (не славян) в армии служили только евреи, как наиболее близкие к русским. На эту близость указал и известный экономист и философ П. Б. Струве в газетной статье 1909 г. (Солженицын 2001/2013, т. 1, с. 493). И по крайней мере теоретически мы и только мы составляем единую цивилизацию.

3. Центральным советом евреев в Германии руководят, как представляется, ортодоксальные евреи. Во всяком случае, он никогда не одобрял въезда в страну евреев (приезжать в принципе следовало бы в Израиль), но и не препятствует этому, но вот евреев по отцу, а также неверующих и инаковерующих евреев, мягко говоря, не жалуется. Власти страны старались (хоть и не очень удачно) придерживаться именно этого курса, но я полагаю, что напрасно. Германия остро нуждается в притоке населения, и *не те* евреи для неё гораздо ценнее *настоящих* и упёртых, а для нас самих они просто необходимы. Нас так мало по сравнению с общим населением, что нам нужно объединять и тех, и других, пусть даже вопреки официальным еврейским требованиям. И не следовало бы стремиться превращать русских евреев в ортодоксов; это, в общем-то, слишком трудно, да и вообще не обязательно.

Я бы добавил: вредно. Зашоренные фанатики плодят себе подобных, и есть среди них даже не признающие государства Израиль и разъяряющие Катастрофу нашей же виной перед

Богом. Я бы назвал таких недоумков *почётными людоедами*. Они к тому же забыли, что Бог однажды утопил всё человечество, затем раскаялся и создал радугу, чтобы все знали: потопов больше не будет! А Катастрофа? И где новая *радуга*?.. Заставь дурака Богу молиться, он и лоб расшибёт!

4. Нисколько не умаляя вины христианской церкви, в первую очередь католической (не религии, а церкви; недаром говорят, чем ближе к церкви, тем дальше от Бога) за притеснения, погромы и убийства евреев на протяжении многих веков, а косвенно и за Катастрофу, добавим: немалую вину во всё это внёс и иудаизм. Вместо того, чтобы найти формы повседневного общения с христианами, мы высокомерно отделились от них, создали для себя духовное гетто, и окружающий мир неизбежно увидел в нас обособленную касту, члены которой вовсе не были морально выше других. Достоевский (1877/2004) несколько лет, начиная с 1849 г., провёл в остроге за якобы подрывную деятельность. Он (с. 99) указывает: заключённые

Евреи чуждались во многом русских ... вообще выражали гадливость и брезгливость к русскому народу.

А затем уже католическая церковь изобрела реальные гетто ... Мы поплатились сполна. Многие, правда, догадались сбежать в Америку, но уж не по совету раввинов.

Есть в толковом английском словаре слово *in-group*: небольшая группа с общими интересами, которая старается жить отдельно от остальных (группа в себе). И синоним: *клика*! За одно это нас ненавидели и ненавидят сейчас.

Ортодоксальные евреи до сих пор не учитывают, что гитлеры никак не различали нас по религиозному признаку, и точно так же поступают нынешние шафаревичи. Вот особый пример ортодокса: профессор Шёпс, бывший директор Центра им. Моисея Мендельсона по изучению европейского еврейства. 5 – 11 января 2008 г. его взгляды были описаны в анонимной статье в Интернет-издании лондонского *Экономиста* (с. 32 – 34). Жаловался бедняга: русские евреи не знают и не желают знать еврейских ритуалов и обычаев, их *культурные иконы* – *Достоевский и Чайковский, а не Гёте и Бетховен, тем менее Мендельсон или Гейне*, они хотят видеть в еврейских общинах *русские культурные клубы, а не религиозные объединения* и (о, ужас!) предпочитают играть в шахматы, а не в скат.

Пробовал я опубликовать в *Еврейском Берлине* протест – не хотят и слушать, тщетно обращался в несколько еврейских организаций. Он, мол, своё личное мнение высказывает, а вот как оно отражается на работе Центра им. Мендельсона? Никто и думать не желает. Интересно всё-таки, как Шёпс посмел вспомнить Гейне, который в своём стихотворении *Disputation* заявил, что *раввин и капуцин одинаково воняют?*

Еврейский Берлин вычеркнул из моего письма фразу о желательности публикации статей о наших религиозных отщепенцах, – Спинозе и Гейне, а в Московской еврейской общине, как мне известно, отмахиваются от памяти

вынужденных выкрестов, братьев Рубинштейн, основателей Московской и Петербургской консерваторий.

Далее, Шёпс как бы и не знает, что быть может половина еврейского населения Израиля – *русские*, так не разделить ли Израиль пополам, г-н профессор Шёпс? Нет, делить не будем! Нас, евреев, должна теперь объединять не религия, а национальность, притом понимаемая в широком смысле, т. е. включающая евреев по отцу, а также и неверующих, и инаковерующих. Почему евреи по отцу не признаются нами? Во-первых, отцовство не столь очевидно, а анализы крови не признаются. Во-вторых, в утробе еврейской матери зародыш уже получает сигналы о Торе. От всех ли еврейских матерей? И насколько долговременны эти сигналы? И вот Талмуд, Макширин 2⁷: найдёныш в городе, в котором половина населения – евреи, считается евреем. Где тут проблема отцовства? Где сигналы о Торе?

Евреи всех стран, любители играть в нарды, шахматы и скат, соединяйтесь! Нам нечего терять, кроме цепей ортодоксального иудаизма.

5. Чиновники относятся к нам, *русским*, по-разному. Один из них сказал мне: *Из России? Давай, давай!* Это выражение приходилось слышать многожды. Учитель гимназии в Кёльне (непотопляемый чиновник!) открыто заявил: *русским* он никогда высокой отметки не поставит. Мой внук, будучи гимназистом в Берлине, записал продиктованную формулировку физического закона. Спросил: *понимаешь ли ты это?* – *Ничего не понимаю.*

Я прокукарекал, а там хоть не рассветай!

Российские специалисты часто не ценятся, иногда, впрочем, обоснованно. Кузнец зашёл в кузнечный цех завода под Кёльном и убедился, что в кузнечном цеху в каком-то северном городе России он подобного и не представлял себе.

В любой стране тупых и жестоких чиновников вполне хватает. В России, где-то в провинции, отобрали у женщины паспорт: должна была её фамилия писаться через *ё*, а написано было *е*. Здесь, в каком-то городке размещали вновь прибывающих евреев, но через какое-то время подогнали автобусы. – *Садитесь, будете жить в соседнем городе.* Почти все отказались, побоялись, что хуже будет. Уехали автобусы, и только после этого им сказали:

Не захотели в автобусах, теперь добирайтесь своим ходом, завтра всех выселим.

Сказать заранее, объяснить по-человечески? Не обязаны.

Отправили обратно почти своего же, молодого российского немца. Жил он в какой-то деревне рядом со своим дядей (родителей у него и не было), помогал ему дом перестраивать.

Ах, Вы работали (без разрешения), а у нас безработица!

Донёс, конечно же, кто-то из соседских всамделишных немцев, охочи они *порядок* соблюдать... *Тащить и не пущать* по-немецки... Недавно видел в метро плакат, не иначе как для поддержки доброго мнения о голубых: родители и взрослые дети улыбаются, радуются: одна из дочерей – лесбиянка, как хорошо! Трудно было бы найти что-нибудь глупее и даже отвратительнее.

Да, есть среди нас голубые от рождения, но может ли это радовать их родителей? А есть, думается, и перешедшие в их лагерь по своей воле, захотевшие пощекотать свои нервы, а это уже совсем скверно. Могут, кажется, голубые брать детей-сирот в свои *семьи*, но что станет с подобными приёмными?

Родительские собрания очень редки. На одном из них в берлинской гимназии родителям сообщили: кое-кто курит.

А кто именно? – Сказать не имею права, вы сами должны следить.

Есть, кстати, такие отморозки (взрослые) – курят в лифте. Видел в лифте курящую маму с младенцем в коляске.

6. Нас учили, что русский язык велик и могуч и лучше любого иного, но здесь я в этом засомневался и даже сравнил по весу одноклассников словари русско-английский и англо-русский и аналогично французские и немецкие словари. Сравнение оказалось в пользу русского только для французских словарей. Но, конечно, даже для самых предварительных выводов следовало бы ещё многое проверить.

К английскому языку (или англичанам?) отношение совсем иное, и я этим обстоятельством стараюсь пользоваться. Пробыл несколько дней в больнице, разговаривал с врачами, сёстрами и даже уборщицей по-английски (очень многие немцы говорят и понимают, хоть далеко не всегда достаточно хорошо), и отношение ко мне было несколько особым. Говорил бы на *своём*, всё-таки ломаном немецком, притом с русским акцентом, – совсем не то было бы. Однажды избежал штрафа за переход улицы на красный свет, потому что заговорил с полицейским на английском языке.

Научные доклады очень часто на английском языке читаются, и вопросы-ответы тогда тоже на английском, и никто этому не удивляется. Я сам прочёл их немало в разных городах, все на английском. Говорят, что научную литературу многие немцы стали охотнее читать на английском, а не своём родном языке. Названия многих журналов поменялись, стали английскими.

Многие английские слова восприняли немцы. Помимо вездесущего *окей* привились, например, *clever* (умный, с хитринкой), *ticket* (билет), *last minute* (последняя минута). Аналогичный процесс идёт и в России. Чего стоит один только *ваучер* (Солженицын предложил *пай*) или *траниш* (доля), употребляемые даже в телепередачах (Чубайс). Робастные оценки (теперь, правда, стали *устойчивыми*), офис вместо обрусевшей конторы, майнинг. Во Франции даже появилось новое выражение: *франглийский язык*.

Существительные надо запоминать с артиклями, и вот немецкая лошадь – среднего рода, и, видимо, никто не знает, почему. Я ещё в школе неверно ответил, что лошадь по-немецки женского рода. Неверно? Ну, значит, мужского ... Так нет же, *дас пферд*, *дас пферд*!

На обучение приезжих немецкому языку тратятся, должно быть, изрядные деньги, но занятия часто проходят формально, с очень малой пользой. *Я прокукарекал ...* А ведь полагалось бы

предупредить: нужны хорошие словари и грамматика немецкого языка, и на каждый час занятий нужно потратить часов шесть домашнего труда.

7. Изредка переименовывают улицы, но старые таблички оставляют с перечёркнутыми названиями. Переименовали и станцию метро; назвалась *Крейцберг* (название района города, ныне части района), теперь называется *Люфтбрюкке* (Воздушный мост), а перечёркнутый *Крейцберг* сохранили до сих пор. Новое название дали в честь избавления от сталинской блокады Западного Берлина (июнь 1948 – май 1949), первого шага его многоступенчатой Третьей мировой войны; далее последовали Корея, Вьетнам, страны Африки. Денег и продовольствия блокада стоила немало, но далеко не сразу дошло до Великого Авторитета, что пора бы её закончить.

Многие работники сферы обслуживания, особенно судомойки и уборщицы, считаются *самозанятыми* или *единоличниками* (selbstständig, или английское self-employed), стаж им не засчитывается и медицинской страховки у них нет. Отвратительно? Но иначе не получается: хозяева гостиниц, закусочных и т. д. не хотят (а многие из них и не смогли бы) уплачивать немалые деньги в пенсионный и медицинский фонды.

Много безработных, но вне зависимости от этого некоторые молодые люди (да и девушки) вообще не желают работать и отдаляются от общества. У них особая одежда (например, тяжёлая обувь), причёски по-ирокезски (выбритая голова с торчащим хохлом посередине), у многих из них собаки, обязательно большие и беспородные. Бродят они, видимо, по городам и весям, а подкармливают их церкви, и добрые люди подают тем из них, кто сидит на тротуаре с пустой одноразовой чашечкой. На блузке одной такой девицы надпись: *работа – дерьмо*.

8. Много пишут о проблемах вхождения в новое общество; зубной врач, который сумел продолжить здесь свою деятельность, сказал нам, что с немцами контактов у него почти нет. Но у меня всё было своеобразно. Сообщил о себе своим корреспондентам, один из них, очень известный, ныне покойный У. Краскл, рекомендовал меня профессору Пфанцглю, завкафедрой теории вероятностей в кёльнском Математическом институте. Тот принял меня очень хорошо, каким-то немислимым образом выхлопотал для меня грант (по возрасту я никак не подходил), интересовался моей работой. Опубликовали мы с ним две совместные статьи (1996; 1997), одну из них в *Биометрике*. Я откопал забытого ныне немецкого математика Якоба Люрота, который в 1876 г. вывел t -распределение Стьюдента. Статью свою он написал на языке теории ошибок, и пришлось мне разъяснить её Пфанцглю, он же переписал результат Люрота на математико-статистическом языке. Вот пример совместной работы фронта и тыла!

Краскл был научным руководителем Стиглера и к сожалению не заметил, что тот оклеветал память Гаусса и Эйлера.

Моё *вхождение* официально (но не фактически) завершилось лет 12 назад, когда я получил немецкое гражданство. Сдал я экзамен по немецкому языку, пошли мои документы на утверждение, через несколько месяцев пришло разрешение. Но было неприятное обстоятельство: за подачу заявления надо было заплатить что-то порядка 250 евро, которые пропали бы не только при отказе в гражданстве, но и при провале на экзамене (также платном).

Экзамены в различных землях, даже городах, даже в различных районах Берлина могут быть различными. Мне повезло: не спросили про политическое устройство страны. Одно время хотели обращать больше внимания именно на это направление, требовать, к примеру, опознания здания Рейхстага по фотографии, и подобный вопрос ещё, быть может, оказывался самым простым. Ну, не понимают высокие чиновники истинного положения своей страны, не иначе как всё ещё считают себя высшей расой. Позднее экзамены для лиц старше 80 лет отменили, и гражданство они получают автоматически при выполнении некоторых условий (например, длительности проживания в стране).

Но для чего я сдавал экзамен и добивался гражданства? Иностранцам, получившим право постоянного проживания, выдавали специальные паспорта, но затем нам сообщили: их отменяют, получайте паспорта тех стран, откуда приехали. Идти в консульство России я никак не хотел, предпочёл держать экзамен.

9. Слышал в Еврейской общине доклад чиновника канадского консульства об иммиграции, в том числе еврейской, в их страну. Раньше устанавливала Канада норму, – сколько граждан каждой страны она примет ежегодно, затем стали они основываться на личных качествах желающих (пол, возраст, образование и т. д.). Приняли и много мусульман, и оказались они полезными гражданами. Поговорил я с ним после доклада. Мы, мол, принадлежим к иудейско-христианской цивилизации, а мусульмане к ней не относятся. И сколько же *полезных* потребуется, чтобы уничтожить Торонто? И ещё сказал я канадцу, что многие немецкие должностные лица, как сообщали в газетах, разочаровались в немецкой политике *мульти-культи*. На том и расстались. Неплохо бы и немцам призадуматься о том же. Показателен пример бывшей Югославии. Страна приняла какое-то число албанских мусульман, которые очень скоро отторгли Косово, всячески преследовали тамошних христиан и уничтожали церкви.

В 70 лет ушёл Пфанцгль, как положено, с работы, познакомил меня с новым заведующим кафедрой. Тот был специалистом по страховой математике, и будто бы кельнские страховые общества очень ему обрадовались, я же его совершенно не заинтересовал. Почти прямым текстом сказал он Пфанцглю и мне, что приезжает к нему его любовник.

Сын отыскал себе работу в Берлине, переехал, и мы вслед.

Пфанцагль был огорчён; переписывался я с ним до последнего времени, но вот перестал он отвечать мне. Означает это по здешнему обычаю, что отошёл он от научной работы.

10. Я первое время подсовывал в свои оттиски письма, обманывал почту, потом как-то почувствовал себя чуточку немцем, перестал жульничать. Одно время получать свои оттиски из стран, не входящих в Европейский Союз, можно было только на таможне, с уплатой пошлины. Пробовал там убеждать, сказал, что нигде в мире такого нет, – да разве чиновников уговоришь. Получил я 50 оттисков статьи о Ньюкоме, потребовали примерно 10 евро. Я заплатил половину, и 25 оттисков тут же под нож пошли. Написал жалобу министру, ответа и не ждал, но варварский обычай отменили.

Проблема с библиографией. В прежних картотечных каталогах русские (и, например, болгарские) книги вперемежку с остальными указывались, кириллицы я в глаза не видел. Приходилось долго отыскивать авторов; как, к примеру, найти Слуцкого? Ведь букву *ц* можно транскрибировать и так, и так. И даже теперь, когда компьютер печатает и кириллицу, всё это осталось по-прежнему. Но есть в новых каталогах и другие недостатки. Ошибки – это само собой, но частенько находишь в них указание: возможная *военная потеря*, проверьте по шифру. Иначе: поищи в микрофишном каталоге, а если нет – поищи во втором. Если и там нет – значит, пропала книга. Этот второй каталог (составляли его в ГДР) отвратителен, разобраться в нем трудно. И жалко: были же в Западной Германии *тучные годы* (даже более семи), а в порядок свои каталоги они также не привели. С тех пор поиски серьёзно облегчились, но кириллицы нет и трудности не исчезли. Немецкий формализм крайне затруднил поиск источников, опубликованных в многолетних изданиях. Так, выходные данные нескольких журналов Петербургской академии наук чуть изменялись от серии к серии, и каждые новые данные приходилось отыскивать заново.

Застал я ещё картотечные каталоги со многими заполненными вручную карточками. Понять почерк было подчас трудно, тем более, что его немецкая форма своеобразна (говорят, что в каждой земле почерк тоже свой собственный). Опять же, часто попадались карточки с записью выходных данных по какой-то старинной системе. Вот пример: сборник *Математические методы экономических исследований*, изданный в Москве, был описан так: *Методы математические исследований экономических*.

Вот главная берлинская библиотека, государственная (хоть есть подобные ещё в нескольких городах). Два здания, пешком от одного к другому не доберёшься, и три книгохранилища, путаница неизбежная. Заказывать литературу можно, правда, с домашнего компьютера. Одно из зданий – новое. Выдача книг в одном месте, читать можно только этажом выше. Есть два лифта, но неудобно же, а недавно оба они были остановлены на месячный ремонт ... Старое здание библиотеки полностью

перестроили на новейший манер, но ориентироваться в нём трудно.

11. Врачи в основном частники, и далеко не у всех из них сладкая жизнь, в частности ввиду высоких налогов. Вспоминаешь жалобу родственника в России (п. 10.10). Частично поэтому относятся они к пациентам формально. Сдал анализ крови – сходи и узнай что к чему, без тебя врач смотреть не станет. Оставляешь верхнюю одежду в гардеробе? За неё никто не отвечает, и некоторые пациенты идут к врачу с ней подмышкой. Если за лечение надо платить, то во всяком случае лицам, живущим на пособие, врач о нём не упоминает. Так было у меня и с пяточной шпорой (п. 18.5) – я сам сказал, что если нужно, готов уплатить, и с болезнью Форрестье, избавление от которой возможно, кажется, лишь при помощи не оплачиваемой магнитотерапии. Вообще же видимо почти все врачи в первую очередь думают не о пациентах, а о своих кошельках. У них нет времени для пояснений. Первое средство врачей древности, *слово*, забыто.

Знал врача, который предлагал избавлять пациентов от катаракты хирургическим путём, хотя в ходу был и ультразвук. Почему? Потому, что у него не было возможности применять этот уже прижившийся метод.

Не так редко слышишь о казалось бы невозможных случаях. Вот разговор двух больничных врачей.

Этой пациентке я назначил операцию. – Вроде бы она ей не нужна? – В этом месяце я слишком мало заработал ...

Н. И. Пирогов, который провёл несколько лет в Германии, описал отвратительные обычаи *знаменитых клиницистов и хирургов* (о российских ничего не сказал), но подобного издевательства над больными не заметил. Прогресс налицо! Серьёзно преуспела медицина со времён наивного Гиппократы. Статью о Пирогове (2001) я опубликовал в Японии. Перед этим под нелепым предлогом её отклонил редактор подходящего немецкого журнала. Он явно заботился о чести немецкого медицинского мундира.

Лет шесть назад появилась газетная статья двух врачей, выступили они с предложением выдавать пациентам старше 75 лет только обезболивающие средства и никакой иной помощи не оказывать. Появились протестующие отклики, авторы же от полемики отказались. Фактически что-то похожее имеет место. Для профилактики я дважды в год приходил к урологу, он ежегодно назначал мне анализ крови. Стукнуло мне 80, – перестал назначать: больничная касса (а по существу – городские власти) не оплатит.

Последнее время положение с врачебной помощью в Берлине резко ухудшилось. Попасть на приём к врачам многих специальностей просто невозможно (можно попасть к врачу лишь через много месяцев). *Подгнило что-то в датском государстве* (Шекспир, *Гамлет*). Причина этого мне неизвестна, но если нынешнее положение сохранится надолго, смертность повысится.

24. Еврейская жизнь

1. Её в семье родителей не было. Уж не говорю о том, что люди с каким-то положением не смели посещать синагогу (ср. п. 7.2). Мама, видимо, была к ней равнодушна, отец же, как я понимаю, думал о религии примерно так же, как и я (точнее, я – примерно как он). Здесь, в Германии, я не могу участвовать в ней: мысли у меня не те, притом здесь господствуют ортодоксы, которые вообще едва терпят русских евреев, да и разговорным немецким владею я слабо. Наконец, наши общины замкнуты в себе, участвовать в жизни страны не желают.

Году в 1999-м поехали мы с Идой в Израиль. Было в нашей группе 50 членов берлинской общины, поместили нас в Нетаны в хорошей гостинице, кормили на убой, возили на экскурсии. Беседовал с нами несколько раз раввин, но на темы, очень далёкие от современности. Ида была очень довольна, я же плохо схожусь с окружающими, чувствовал себя временами скверно. Экскурсовод был у нас замечательный, и некоторые его замечания прекрасно помню.

Не могу обещать, что останемся мы здесь и через 50 и 100 лет, но сделаем для этого всё возможное. – Одни считают их (основателей новых поселений) нашими лучшими гражданами, другие же полагают, что навлекают они на нас беду. Одно совершенно точно: это – сильные и смелые люди.

Добавлю. Закончилось несколько победоносных войн, надо было мир заключать, в том числе и с Арафатом, но тот мира боялся, на переговорах в США не согласился на самые выгодные условия, заставил палестинцев страдать. Эти переговоры прошли по приглашению тогдашнего президента страны Клинтона. Позже он вспоминал: Арафат вполне мог отказаться от любых условий, но он, Клинтон, был крайне удивлён тем, что тот не предложил ничего взамен.

Поселения основывались, и уж наверное с благословения ортодоксов, но полагаю, что Израиль допустил стратегическую ошибку: надо было кричать на весь мир: Смотрите, они не желают мира, а палестинцев листовками забросать, объяснять им суть дела, заниматься пропагандой из месяца в месяц. Не было этого сделано, мир отвернулся от Израиля, а арабы становились всё сильнее. Чем же теперь это кончится?

А почему не было сделано? Денег, как всегда, не было, текущие нужды видимо считались важнее.

2. Есть в России Патриарх Московский и всея (дремучей) Руси. Рыльце у него в пушку, но какие перлы выдаёт!

Прижмут нас инопланетяне, так Иисус нас на другую планету переселит. А евреи, как он всенародно объявил, менее достойны, чем православные. Такого не позволяли себе последние Папы римские! Власть патриарха огромна, потому что церковь нужна великодержавной России, лишённой обманчивых идеалов коммунизма. И вот на официальном сайте русской православной церкви появился документ: *О евреях.* Это – длинный список лиц всех времён и народов, которые охаивали

евреев. Но где Горький, Ленин, где несколько американских президентов и многие другие, которые самым положительным образом отзывались о нас?

Но вот и ягодка: в конце списка, как бы укрывшись за ним, новый список: страны, из которых были изгнаны ЖИДЫ. Вот где особенно ясно проявилась злобная харя российского антисемитизма. Не сомневаюсь: при первом же удобном случае он выплеснется на улицу. А что же еврейские организации в России? Может что-то и шепнули в коридорах власти, но не более того, так почему молчим? Напомню: более пятисот лет назад Испания изгнала евреев из страны, остались только выкресты. Католическая церковь торжествовала, но вот государство наверняка ничего не выиграло от своей жестокости. Существует даже мнение, что она явилась одной из причин последовавшего упадка Испании, но вряд ли кто-либо принимает это в расчёт. *История учит только тому, что она никогда, никого и ничему не научила.*

3. После двух недель все берлинские туристы отправились обратно, но мы с Идой поехали погостить в другой город, к старинному знакомому. На беду началась серьёзнейшая забастовка, междугородних автобусов не было, мы еле добрались назад в аэропорт, в Тель Авив. Самое скверное впечатление осталось у меня от этого, тем более, что потом слышал, что и бастовать было ни к чему. Минут 15 нас допрашивали, к самолёту не допускали. Кто такие, где были, где узнали своих знакомых. Позже понял: мы явно были небогаты, и вся наша история показалась поэтому неправдоподобной, но только лишь упомянули мы свою уже улетевшую берлинскую группу, как нас сразу же пропустили, чемодана даже проверять не стали.

4. Я опубликовал статью (1998b) о статистических идеях в Библии и Талмуде. Вот интересное место в Талмуде. Моисей устроил жеребьёвку; участвовало 22 273 человека, из которых 273 должны были уплатить выкуп за перворождённых. Так указано в Ветхом завете, но в Иерусалимском Талмуде упомянуто 22 273 и 273. Зачем были нужны лишние билетки? Есть, видимо, лишь одно объяснение: в беспристрастность жеребьёвки веры не было, последним, мол, достанутся лишь проигрышные билетки, но оказалось, что все проигрышные вышли в тираж, притом равномерно. Аналогично и безосновательно, как доказал Тутубалин (1972, п. 2.1), засомневались члены кооператива при распределении квартир в их строящемся московском доме.

Вначале послал я рукопись статьи в Потсдам, в подходящий еврейский журнал, фактически – к тому самому профессору Шёпсу – отклонили под надуманным предлогом.

Примерно год я редактировал переводы с немецкого на русский для нашей общины, и придумал принятое её руководством новое название взамен совершенно бесцветного: *Еврейский Берлин*, по примеру давнишнего *русский Париж*, а не вслед за *Русским Берлином*, бывшей чуть ли не российской правительственной газеты, с немецким, правда, привкусом

(может быть теперь это и не так). Да, *Евр. Б.* – почти двуязычное издание; почти, потому что всё-таки переводятся не все немецкие материалы, и ни одна фотография никогда не сопровождалась русским пояснением. Это лишний раз свидетельствует о том, что мы *не совсем равны* немецким евреям. Были предложения выпускать *Евр. Б.* в двух вариантах, но почему-то оно не было одобрено. Просят еврейские благотворительные общества деньги на различные нужды, и часто только на немецком языке. Каково?

Переводила на русский энергичная женщина, С. Агроник и выпаливала она свои мысли со скоростью тысячи слов в минуту, но была литературно малограмотна. Не могла понять, почему я возражал против новомодных слов типа *адекватный*, *менталитет* (вместо *склад ума*), также против старого *адепт*. Вопреки моему настоянию написала *шалом*, а о Шолом Алейхеме не слыхала. Я-то чувствовал, что в России *шалом* победит, но подавать пример России не следовало, опасался поперёд бабки в пекло лезть. Всё это мне надоело, и я бросил редактировать.

5. Есть в Берлине Еврейский музей, всё только о евреях. Логично? Но нет ничего о связях с христианами, немецкие евреи будто бы жили сами по себе без всякой связи с немцами. Достоверно известно, например, что в 1938 г. полицейский Вильгельм Крютцфельд не допустил уничтожения одной берлинской синагоги, но ничего о нём не нашёл. Эйнштейну отведён крохотный уголок, а Фейхтвангер будто бы писал только о еврее Зюссе. Никаких материалов и даже указателей на русском языке нет, экскурсоводы русского языка не понимают.

Здание уродливое, а все помещения неправильной геометрической формы, один только крохотный зелёный уголок прямоугольный. *Засажен* он в соответствии с религиозными традициями бетонными столбами, вертикальными конечно, местность же поката, и голова начинает кружиться. Так честно и предупреждают нас на табличке, а я вспомнил рассказ о Ходже Насреддине. Стоит в пустынном месте фонарь, вокруг него камни, фонарь подпирают. А для чего он? Чтобы никто о камни не споткнулся ...

Окон нет, взамен – бойницы, видны из них будто бы особые еврейские места Берлина. Так надо было всё это на крыше устроить, а окна всё-таки человеческие предусмотреть. Тут я, правда, до Лукашенко не дотянулся; он ведь как-то ляпнул, что яйца в магазинах должны быть человеческими. Перейти с этажа на этаж совсем непросто, а выйти из здания на улицу я просто не смог, меня вывел экскурсовод. Но сумасшедшего архитектора превознесли до небес!

6. Несколько раз были мы с Идой в еврейском доме отдыха в Бад Киссингене, он же – место нашего приобщения к еврейской жизни. Обязательные молитвы по пятницам и субботам, также по особым дням, иногда многочасовые, на незнакомом языке (с дополнительным русским текстом); беседы на ничтожные религиозные темы, притом на элементарном уровне, с выпячиванием достоинств иудаизма и бездоказательным уничижением других религий. Горничным из русских немек

запрещали говорить с нами по-русски, пусть, мол, эти русские побыстрее немецкий выучат. Кто только эту глупость выдумал? Я забеливал чай каким-то белым порошком, увидел меня *начальник режима*, как я его назвал, с ужасом ткнул в мою сторону пальцем, думал, что смешал я молоко с мясом. Проживал он с помощницей-женой в лучшем номере на всем готовом, на пенсию ушёл лет в 75 и дом купил себе в городе. Недурное было у него занятие: следить за *русскими*! Лекция на русском языке:

Израиль – единственная демократическая страна, не имеющая конституции. – А Англия? – Так ведь там – конституционная монархия. – Парламентская.

И очень плохо, что в Израиле Талмуд вместо конституции. *Не вливают вино молодое в мехи ветхие!* Так сказал Иисус в *Новом завете*, быть может повторяя известную в то время поговорку.

В субботу нельзя ортодоксу нажать кнопку электрического звонка (стучи в дверь!), нельзя открыть зонтик, потому что *нельзя дом строить*. А вот и похлеще. Несколько десятилетий назад некие канадские ортодоксальные евреи, квартиру которых открытую в субботу, нагло, на их глазах, очищали предприимчивые молодчики, не посмели позвонить в полицию (уж не говорю: воспротивиться). Потом, правда, раввин сделал для подобных случаев послабление. Но насколько ближе к жизни христианское поучение: упала твоя овца в канаву, – вытащи, хотя бы и в субботу.

Во втором *идеологическом* еврейском доме отдыха наш *русский* попечитель нажал в субботу кнопку электрической плиты, чтобы подогреть обед. Узнал раввин (без которого мы обойтись не смели) и не потребовал выкинуть весь обед только потому, что пострадали бы и дети. Кошерное питание, но вот курение не запрещается, а во время вспышки коровьего бешенства свинина оставалась под запретом. Этот же уже разжиревший раввин лет 35 также курил: Талмуд не запрещает! Так какой смысл в кошерном питании? Его жена, восторженная невежда, читала нам лекцию об иудаизме. На плач своего младенца не обращала внимания (им занялась одна из *наших*). Сказала, что иудаизм запрещает разговоры с мёртвыми, затем сообщила о таком разговоре без комментариев. По своему уровню лекция годилась бы только для детей до 10 – 12 лет.

Вспомним теперь Россию конца XVIII в. В местечко ворвались казаки, начался погром. Один еврей, защищая себя, убил двоих живодёров, а на следующий день раввин заявил, что этот смелый человек имел право только молиться. Слепо доверились этому сумасбродному решению оставшиеся в живых жители местечка, отвернулись от смельчака, и сбежал тот в Америку – на своё счастье. В той же книге прочёл: начался массовый приток туда русских евреев, и больше всех недовольны этим были осевшие уже там немецкие евреи. Еврейская солидарность!

7. Вот главное обоснование ортодоксального иудаизма: он сохранил еврейство, а вот от некогда живших по соседству народов ничего не осталось. Верно, сохранил, но какой ценой? Беру нейтральный пример. При строительстве Петербурга

осушали болота, и погибло при этом тысяч 10 – 12 согнанных туда мужиков, если не больше. Так кто из ныне живущих имеет моральное право сказать *Зато ...*? Никто. Так могли бы сказать только погибшие, но они молчат, да и вряд ли сказали бы, будь это возможно. Вывод: с общечеловеческой (а не с не признаваемой никем кроме ортодоксов мессианской) точки зрения лучше бы мы несколько столетий назад сбежали в Америку или растворились в христианстве.

Одобряю замечание Маркова (который даже подал прошение в Св. Синод об отлучении от православной церкви, см. п. 22.2) из его газетного письма 1914 г. (Шейнин 1993, с. 200): семинаристы *Своим воспитанием приучаются к особому образу суждений. Они должны подчинять свой разум указаниям святых отцов и заменять его текстами из священного писания.*

Чутьочку изменить эту фразу, и подойдёт она ортодоксальному иудаизму.

Наша религия должна была бы сплачивать нас; недаром Русская православная церковь гордо заявляет, что это она создала Россию (вовсе не евангелическими методами). Но вот Израиль создали евреи, не дождавшиеся гласа Божия. И похоже, что иудаизм там обладает слишком большой светской властью, частично во вред объединению всего еврейского населения. И земля в *субботний год* не обрабатывается, гражданские самолёты по субботам не летают, а смертный приговор Эйхману судьи выносили два месяца! Снова скажу: *заставь дурака Богу молиться ...*

8. Но почему именно нас Господь рассеял по свету за грехи наши? Что, мы грешили больше других? Да нет, потому, что Он нас *избрал*, и за это мы уплатили чудовищную цену, – семь миллионов евреев. И не было народа глупее нас. Надо было сохранить разум, что оказалось нам не под силу. Вот песенка:

Было у тёщи семеро зятьёв. Стала она их угощать: Гришке – блин, Никишке – блин, ..., Ванюшеньке-душеньке – с начинкой пирожок. Стала она их провожать: Гришку – в шею, Никишку – в шею, ..., Ванюшеньку-душеньку по буйной голове!

Вот наше представление о жизни евреев в рассеянии в прошлые века. Нельзя было требовать от нас невозможного, т. е. полного соблюдения заповедей, достаточно было бы соблюдать их существенно полнее, чем их придерживаются остальные народы. В первую очередь это означает: мы имели право защищать себя, убивать нападающих на нас и не ожидать Мессию ни сегодня, ни завтра, а спокойно жить на новом месте и возвращаться как только почувствуем себя достойными.

Анекдот (разговор Моисея с Богом).

Десять заповедей? Так много! Ну, откажись хоть от одной, например ... – Моисей, не торгуйся! – А такой заповеди Ты не установил!

Здесь и сейчас, в Германии, нас иногда сравнивают с турками. Они-де работают, а мы просиживаем у дверей врачебных кабинетов. Работают и молодые евреи, но их не видно, потому что не торгуют они овощами-фруктами, а у дверей кабинетов

сидят и старые евреи, и старые турки, но увидеть последних можно только в приёмных турецких врачей.

А вот, что турки смешиваются с немцами лишь чуточку лучше, чем нефть с водой, в расчёт не берут (п. 23.2).

Впрочем, не приходилось мне ни видеть, ни слышать, чтобы немецкие турки плохо относились к нам, хотя здороваются они с нами (или вообще с инаковерующими) далеко не всегда. А вот среди российских немцев антисемитов хватает. Ничем мы перед ними не провинились, но завидуют они нам. Мы образованны, легче переносим эмиграцию. Заметил Аристотель, что к рабу хуже всех относятся другие рабы, а ведь и мы, и они были наполовину рабами, так может быть они и в Казахстане ненавидели нас? Нас, правда, там почти не было, но ведь не мешает польскому антисемитизму почти полное отсутствие евреев в Польше!

25. На Аллаха надейся, а верблюда привязывай

1. Эта заметка, которая дополняет предыдущий пункт, почти полностью появилась в Интернете (www.berkovich-zametki.com, № 72), а затем в *Jewish Diary*, – приложении к журналу Edita (Гельзенкирхен) № 1 (4), 2008, с. 13 – 14.

Мы были избраны Богом. Так утверждает Ветхий Завет, и для верующего человека, будь он иудей, христианин или мусульманин, это бесспорно. Но и для атеиста Библия остаётся достоверным источником знаний; он, конечно же, не поверит в описанные там чудеса, однако истинность содержащихся в ней конкретных сведений и подробности быта, описанные там мимоходом, были уже давно подтверждены учёными различных специальностей. Можно поэтому смело полагать, что во всяком случае древние народы признавали нашу богоизбранность, а в Коране об этом сказано прямо.

Так за какие заслуги Бог избрал именно нас? Или, опять же для атеистов: почему современники верили в это? Ветхий Завет свидетельствует: мы вовсе не соблюдали Божественных заповедей, потому в конце концов и оказались вечными странниками без родины. Но нам принадлежала великая идея единобожия и, к тому же, другие народы были, видимо, ещё хуже нас.

На самом же деле среди нас, евреев, относительно, т. е. в процентах, намного больше выдающихся людей, и лишь древние греки могли бы в этом сравниться с нами. По отношению к нам это можно частично объяснить особенностью еврейской жизни, а именно необходимостью выживать в условиях беспощадных гонений и непрерывным изучением Торы и Талмуда, – и, стало быть, бесконечным оттачиванием логического мышления. Мы также более восприимчивы к общественным неурядицам и частично это, видимо, объясняется повсеместным явным или скрытым антисемитизмом.

2. И вот, среди русских революционеров, да и среди правящей верхушки в первые годы Советской власти было много евреев. В России, где вплоть до 1917 г. существовала пресловутая черта

осёдлости, иначе и быть не могло: прозябавшие там и подчас не имевшие устойчивого заработка *люди воздуха*, Luftmenschen, легче всего поддавались воздействию радикальных идей. Подобное заметил Лев Толстой в эпилоге к *Войне и миру*: большую часть русских добровольцев, отправлявшихся помогать болгарам воевать против турецкого владычества, составляли люди без прочного положения в обществе.

А первым баламутом был еврей по имени Иисус (да, еврей в своей земной жизни): *Я пришёл разделить человека с отцом его, и дочь с матерью её, и невестку со свекровью её* (От Матфея 10:35). Иисус самим своим существованием отрицал иудейский принцип единобожия, да ещё подправлял божественные заповеди, полученные Моисеем в ветхозаветные времена. И он действительно возмутил население, – так чем же **в этом смысле** отличается от него Троцкий? Наконец, врачи знают, что мы более других восприимчивы к некоторым болезням. Страшное, но, к счастью, редкое заболевание *пузырчатка обыкновенная*, происхождение которой неизвестно, в медицинском обиходе даже называется еврейской болезнью.

Можно полагать, что указанные отличия еврейского народа были в какой-то степени заложены в генофонде наших предков и укрепились в результате тяжёлых особенностей нашей жизни на протяжении многих столетий.

3. Остались ли мы Богоизбранным народом? Чёткий и положительный ответ на этот вопрос дают только иудеи, христиане же утверждают, что Бог давно уже предпочёл их (хотя ссылаются только на не вполне определённое утверждение Библии: (От Матфея 27:51 – 53), см. также п. 18.2, да и мусульмане заявляют то же самое о себе. Но нашу богоизбранность подтвердил Папа римский со ссылкой на *Новый завет* (п. 18.2).

Нас, впрочем, интересует повседневная сторона дела, а именно: как воспринимают христиане и мусульмане нашу, по крайней мере явно не отрицаемую в Новом Завете богоизбранность. И не относится ли к нам мораль одной из басен Крылова: своим гоготанием ваши предки спасли Рим от внезапного нападения врагов, но сами-то вы, нынешние гуси, годны лишь на жаркое. Тем более, что наши предки никакого Рима не спасли.

Среди нас появлялись Колумбы, Левитаны, Гейне и Эйнштейны, но обычных людей, христиан и мусульман, это не интересует. Для них богоизбранность, видимо, проявлялась бы в высоких моральных качествах, – например, в правдивости и доброте, которыми мы наделены не щедрее других.

4. Неизбежное следствие. И вместе с тем переход в иудаизм, мягко скажем, труден, тогда как, например, крещение для нехристианина несравненно проще. И вот окружающий мир неизбежно видит в нас обособленную клику, которая бесосновательно считает себя солью земли (п. 23.4). Добавим к этому сопутствующую многовековую ненависть католицизма (да

и православия) к иудеям, вовсе не исчезнувшую и сегодня, и происшедшая Катастрофа оказывается легко объяснимой.

Выводы неутешительны. Мы не сможем морально превзойти других, а каноны иудаизма (как и всякой религии) незыблемы и мы, стало быть, рискуем оставаться ненавистными. То же самое относится и к государству Израиль, поскольку оно основывается на иудаизме. Можно сказать, что эта основа продиктована демографической обстановкой: евреев в Израиле скоро станет меньше чем арабов. Но вот пример Латвии, которую в своё время захлестнула волна приезжих из других районов Советского Союза: латыши проводят жёсткую национальную (но никак не религиозную!) политику, за это их критикуют, но не ненавидят и санкций против Латвии не вводят. Быть может её пример поучителен.

5. Есть ли у нас будущее в странах рассеяния?

Ультрарелигиозные иудеи продолжают верить, что Господь (а не Богом проклятые сионисты) поведёт нас всех в страну обетованную, а вот о погибших шести миллионах при этом как-то умалчивают. Так вот, пусть верующие надеются на счастливую и вечную жизнь на небесах, но никто не должен ожидать Божественной защиты здесь, на Земле. Вот подходящее утверждение Беранже (перевод В. С. Курочкина):

*Господа! Если к правде святой/Мир дороги найти не умеет,
Честь безумцу, который навеет/Человечеству сон золотой.
В новый мир по безвестным дорогам
Плыл безумец навстречу мечте,
И безумец висел на кресте,/И безумца мы назвали богом.*

Только мы сами можем помочь себе, но нас очень мало и нам следовало бы привлекать к себе всех сочувствующих и в первую очередь *половинок*, – евреев лишь по отцу, да и неверующих. Это, между прочим, означает: необходим постоянный диалог и с христианами, и с мусульманами, притом не только на *верхних*, но и на *нижних* этажах, т.е. между *обычными* людьми всех вероисповеданий.

Но вот сообщение: в соответствии с уставом (общины?) ушёл в отставку *вступивший в нееврейский брак* зам. председателя Берлинской еврейской общины. А какой был год во дворе? Две тысячи восьмой.

Далее, нашим молодым людям следовало бы овладевать искусством самозащиты, а правлениям Еврейских общин хранить наши списки от чужих глаз. Короче, наш принцип, в неожиданном согласии с арабами, должен гласить: На Аллаха надейся, а верблюда привязывай!

Послесловие

Думаю, что мне очень повезло в жизни, – и с доставшимися мне родителями и дядей, и в собственной семейной жизни, с полученным образованием, выбором основной темы научной работы, и, наконец, потому, что удалось общаться с замечательными людьми. Их я назвал поимённо, и большинства из них уже нет. О нынешней России писать мне негоже, но хотел

бы припомнить два высказывания (второе – Г. А. Явлинского). Первое: Хотели присоединиться к водопроводу капитализма, а подключились к канализации. Второе: Ельцин делал неправильные шаги в правильном направлении, Путин – правильные в неправильном. И многие, многие на тернистом пути *продали шпагу свою*. Но ведь не с пустого места начался этот путь, и тысячу раз права была мать Сталина: *Лучше было бы, если бы ты стал священником*. Был этот разговор в 1930-х годах, Сталин его своей матери не простил, на похороны её не приехал (рассказ Мераби Гедеванова).

Была когда-то цель: *Грабь награбленное!* Новая задача появилась: Продавай то ли шпагу, то ли остатки совести, *Грабь всё, что удастся!* И много было и осталось таких, про которых сказал Евтушенко *Он знал, что вертится Земля, Но у него была семья* (и/или высокое общественное положение). Есть в Берлине *Русский дом*, как его попросту называют, прекрасное внушительное здание в центре города. Лет 12 назад немцы вдруг выяснили, что принадлежало оно уже какой-то немецкой фирме. Как, что? Пошло дело в немецкий, конечно же, суд, куплю-продажу признали ничтожной, вернули здание государству российскому. Так кто же прикарманил немалые денежки (хоть наверняка продал дом за бесценок)? С чьего молчаливого (и уж небескорыстного) соизволения? Кто пошёл под суд? А накопленное и награбленное партией, куда оно подевалось? *Исчезло как дым, как утренний туман.*

Библиография

Обозначения: **S, G, n** = документ n на моём сайте. Google копирует мой сайт: Google. Oscar Sheynin, Home

ИМИ = *Историко-математические исследования*

- Аноним** (1937), О Всесоюзной переписи населения. *Известия*, 26 сентября.
- Аноним** (1954), Обзор научного совещания по вопросам статистики. *Вестник статистики*, № 5, с. 39 – 95.
- Аноним** (1955), О роли закона больших чисел в статистике. *Уч. зап. по статистике*, т. 1, с. 153 – 165.
- Бессель Ф. В.** (1838, нем.), Исследование о вероятности ошибок наблюдения. *Избр. геод. соч.* М., с. 226 – 258.
- Бирман И.** (1960), Научное совещание по применению математических методов в экономических исследованиях и планировании. *Вестник статистики*, № 7, с. 41 – 52.
- Бомфорд Г.** (1952, 1962, 1971, 1980, англ.), *Геодезия*. М., 1958. Перевод О. Б. Шейнина.
- Буныковский В. Я.** (1866), Опыт о законах смертности в России и о распределении православного населения по возрастам. Зап. Импер. Академии наук, т. 8, прил. 6. Отдельная пагинация.
- Вопросы** (1961), *Общие вопросы применения математики в экономике и планировании*. М.
- Гаусс К. Ф.** (1823, латин.), Теория комбинаций наблюдений и т. д. *Избр. геод. соч.*, т. 1. М., 1957. М., с. 17 – 57.
- Гнеденко Б. В., Хинчин А. Я.** (1946), *Элементарное введение в теорию вероятностей*. М. Большое число позднейших изданий вплоть до 2015 г.
- Горький М.** (1922), *О русском крестьянстве*. Берлин.
- Гродзенский С. Я.** (1987), *А. А. Марков*. М.
- Достоевский Ф. М.** (1877), Еврейский вопрос. *Дневник, статьи, записные книжки*, т. 3, 2004, с. 91 – 116.

- Дружинин Н. К.** (1963), *Хрестоматия по истории русской статистики*. М.
- Идельсон Н. И.** (1947), *Способ наименьших квадратов* и т. д. М.
- Канторович Л. В.** (1959), Выступление в прениях на общем годичном собрании Академии Наук. *Вестник АН*, № 4, т. 29, с. 59 – 61.
- Колмогоров А. Н., Юшкевич А. П., редакторы** (1978), *Математика XIX века*, т. 1. М.
- Куртуа С. и др.** (1997, франц.), *Чёрная книга коммунизма*. М., 1999.
- Майстров Л. Е.** (1967), *Теория вероятностей. Исторический обзор*. М.
- (1980), *Развитие понятия вероятности*. М.
- Новиков С. П.** (1995), Математики и физики Академии в 1960-е – 1980-е годы. *Вопр. истории естествознания и техники*, № 4, с. 55 – 65.
- (2000), Псевдо-история и псевдо-математика. *Успехи математических наук*, № 2, т. 55, с. 59 – 61.
- Ондар Х. О., редактор** (1977), *О теории вероятностей и математической статистике. Переписка А. А. Маркова и А. А. Чупрова*. М. Эта архивная переписка сильно искажена, см. Шейнин О. Б. (1990/2010, гл. 8).
- Оруэлл Дж.** (1945, англ.), *Скотный двор*. Рига, 1988. Большое число позднейших переводов с иным заглавием книги.
- Романовский В. И.** (1938), *Математическая статистика*. М. – Л.
- Смит М.** (1931), *Теория и практика советской статистики*. М. В издании 1930 г. не было Введения, в котором опубликовано цитированное высказывание.
- (1934), Против идеалистических и механистических теорий в теории советской статистики. *Плановое хозяйство*, № 7, с. 217 – 231.
- (1961), *Очерки истории буржуазной политической экономии*. М.
- Советцание** (1948), *Второе всесоюзное совещание по математической статистике*. Ташкент.
- Солженицын А. И.** (1974), *Архипелаг Гулаг*, тт. 1 – 3. М., 1989.
- (2001 – 2002), *Двести лет вместе*, тт. 1 – 2. М., 2013.
- Типольт А. Н.** (1972), Из истории Демографического института АН СССР. *Уч. зап. по статистике*, т. 20, с. 72 – 99.
- Тихомиров В. М.** (2007), М. Л. Лядов. ИМИ, т. 12/47, с. 132 – 147.
- Тутубалин В. Н.** (1972), *Теория вероятностей в естествознании*. М.
- Христов В. К.** (1946, болг.), *Координаты Гаусса – Крюгера на эллипсоиде вращения*. М. Перевод О. Б. Шейнина.
- Чеботарёв А. С.** (1951), О математической обработке результатов измерений. *Тр. МИИГАиК*, № 9, с. 3 – 16.
- (1953), То же название. Там же, № 15, с. 21 – 27.
- (1958), *Способ наименьших квадратов* и т. д. М.
- Чупров А. А.** (1919, франц.), Разложение большевизма. *Вопр. истории*, № 10, 2003, с. 6 – 18. Комментарии: А. Л. Дмитриев, А. А. Семенов. Там же, с. 3 – 6. Оригинал опубликован без титульного листа в Стокгольме и автором указан А. И. Чупров, скончавшийся в 1908 г. Он известен в единственном экземпляре в Нац. Библ. Франции.
- (2009), *Письма К. Н. Гулькевичу 1919 – 1921*. Берлин. Публикаторы Г. Кратц, К. Виттих, О. Б. Шейнин. **S, G**, 28.
- Шафаревич И. Р.** (2002), *Трёхтысячелетняя загадка*. М., 2006. Гнусный антисемитский пасквиль самого низкого пошиба.
- Шейнин О.Б., Sheynin O.** (1965), О работах Эдрейна в теории ошибок. ИМИ, т. 16, с. 325 – 336.
- (1975), Kepler as a statistician. *Bull. Intern. Stat. Inst.*, vol. 46, pp. 341 – 354.
- (1982), On the history of medical statistics. *Arch. Hist. Ex. Sci.*, vol. 26, pp. 241 – 286.
- (1990), *А. А. Чупров. Жизнь, творчество, переписка*. Берлин, 2010. Английские переводы: Гёттинген, 1996, 2011.
- (1993), Письма А. А. Маркова в газету *День*, 1914 – 1915. ИМИ, т. 34, с. 194 – 206.
- (1998а, нем.), Статистика и идеология в СССР. ИМИ, т. 6 (41), с. 179 – 198. Статья подверглась правке без моего ведома и согласия. Полный вариант см. в книге *Российская и европейская экономическая мысль: опыт Санкт-Петербурга*. СПб, 2006, с. 97 – 119.

---- (1998b), Statistical thinking in the *Bible* and the *Talmud*. *Annals of Science*, vol. 55, pp. 185 – 198.
- (2001), Pirogov as a statistician. *Hist. Scientiarum*, vol. 10, pp. 213 – 225.
- (2003a), Mises on mathematics in Nazi Germany. *Ibidem*, vol. 13, pp. 134 – 146.
- (2003b), Гумбель, Эйнштейн и Россия. *Gumbel, Einstein and Russia*. М. Двухязычное издание. **S, G**, 12.
- (2006a, англ.), Рецензия: Translation of J. Bernoulli, *Ars Conjectandi* (E. D. Sylla). Vaalimore, 2006. *Вопросы истории естествознания и техники*, № 1, 2007, с. 178 – 180.
- (2006b, англ.), Рецензия: Th. Porter, *Karl Pearson*. Princeton – Oxford, 2004. Там же, № 2, с. 194 – 195.
- (2006, англ.), Математическая обработка наблюдений у Маркова. ИМИ, т. 13 (48), 2009, с. 110 – 128.
---- (2007), Markov: integrity is just as important as scientific merits. *Intern. Z. f. Geschichte u. Ethik der Naturwissenschaften, Technik u. Medizin*, Bd. 15, pp. 289 – 294.
- (2008a), Bortkiewicz' alleged discovery: the law of small numbers. *Hist. Scientiarum*, vol. 18, pp. 36 – 48.
- (2008b), Romanovsky's correspondence with K. Pearson and R. A. Fisher. *Archives d'hist. de science* No. 160 – 161, t. 58, pp. 365 – 384.
- (2015), *Чёрная книга*. Берлин. Переработанный и сокращённый вариант будет опубликован в 2018 г. в *Silesian Stat. Rev.*
- (2017), *Theory of Probability. Historical Essay*. Berlin. **S, G**, 10.
- Bernoulli Jakob** (2005), *On the Law of Large Numbers*. Часть 4 книги автора *Ars conjectandi*. Berlin. **S, G**, 8. Компиляция О. Б. Шейнина по существовавшим переводам с латинского оригинала.
- De Morgan Sophia Elizabeth** (1882), *Memoir of Augustus De Morgan*. London.
- Gumbel E. J.** (1927), *Vom Russland der Gegenwart*. В книге автора *Auf der Suche nach Wahrheit. Ausgew. Schriften*. Berlin, 1991.
- Koetsier T., Bergmans L.** (2005), *Mathematics and the Divine*. Amsterdam.
- Kotz S., Johnson N. L., редакторы** (2006), *Enc. of Statistical Sciences*, vols. 1 – 16. Hoboken, NJ. Сплошная пагинация. Первое издание: 1982 – 1989.
- Pearson K.** (1978), *History of Statistics in the 17th and 18th Centuries etc.* Lectures of 1921 – 1933. London. Editor E. S. Pearson.
- Pfanzagl J., Sheynin O.** (1996), Forerunner of the *t*-distribution. *Biometrika*, vol. 83, pp. 891 – 898.
- (1997), Süßmilch. Включено в Kotz & Johnson (2006, vol. 13, pp. 8489 – 8496), но каким-то образом появилось анонимно.
- Segal S. L.** (2003, 2004), *Mathematics under the Nazis*. Princeton – Oxford.
- Todhunter I.** (1865), *History of Mathematical Theory of Probability*. New York, 1949, 1965.
- Youshkevich A. P., Rosenfeld B. A.** (1996), Geometry. *Enc. Hist. Arabic Sci.*, vol. 2, pp. 447 – 494. London – New York.